Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Гуманитарный институт
Кафедра всеобщей истории

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
_____ В.Г. Дацышен
подпись инициалы, фамилия
« _____ » _____ 2017 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИКАКАФИЦИОННАЯ РАБОТА МАГИСТРАНТА

Советско-японские отношения 1922 – 1941 гг.

Тема

46.04.01. История
код и наименование направления
46.04.01.01 История Азии и Африки
код и наименование магистерской программы

Научный руководитель _____ д.и.н., профессор В.Г. Дацышен
подпись, дата должность, ученая степень инициалы, фамилия

Выпускник _____ А.А. Абрамочкин
подпись, дата инициалы, фамилия

Рецензент _____ к.и.н., доцент М.Г. Тарасов
подпись, дата должность, ученая степень инициалы, фамилия

Красноярск 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 3
Глава 1.Советско-японские отношения в 20–х гг. XX в. 14
1.1. Проблемы советско-японских отношений в 1920-1922 гг. 14
1.2.Нормализация советско-японских отношений в 1922-1925 гг..... 34
1.3. Советско-японские отношения во второй половине 20-х годов XX века. 41
Глава 2. Советско-японские отношения в 1931-1941 гг. 60
2.1.Основные проблемы советско-японских отношений в 1931-1936 гг..... 60
2.2. Ухудшение советско-японских отношений в 1937-1941 гг..... 72
2.3. Советско-японские культурные связи 1922-1941 г. 84
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 90
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ..... 93

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена как общественно политическими, так и научными факторами. Япония является на сегодня одной из наиболее развитых стран мира и важнейшим экономическим и культурным партнером для России. С каждым годом все большую популярность приобретают в нашей стране элементы японской культуры из самых разных областей, от литературы до обычаев и ритуалов. Высоко ценятся в России товары японского производства. Кроме того, вопрос русско-японских отношений сегодня особенно актуален в связи с нерешенной проблемой принадлежности Курильских островов.

Состояние отношений между Японией и Россией на протяжении всего периода совместной истории являлось важнейшим фактором, определявшим ход событий не только в азиатском регионе, но и в мире. Весь объем накопленного опыта взаимоотношений необходим для правильного понимания процессов, происходящих сегодня между Россией и Японией. Правильное понимание процессов позволяет выстраивать продуманную политику, прогнозировать и принимать верные решения в разрешении противоречий во взаимовыгодном для обеих стран ключе. История взаимоотношений России и Японии содержит немало положительных примеров разрешения противоречий в позитивном, взаимовыгодном ключе. Тем не менее, тема русско-японских отношений в отечественной исторической науке до сих пор остается недостаточно изученной, следовательно, большой пласт исторического опыта остается не освоенным.

Историография. Первые работы, посвященные проблемам советско-японских отношений 1922-1941 гг., были написаны уже современниками. Книга Е.М. Жукова "История Японии"[1], вышедшая в 1939 г., описывала политику Японии с марксистко-ленинских позиций. Япония в данной работе представала исключительно агрессором, показывалось влияние политики

[1] Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых / Акад. наук СССР, Ин–т востоковедения ; [отв. ред. И. А. Латышев]. – Москва : Наука, – 1986. – С. 82.

умиротворения Германии, которая усиливала опасность войны не только в Европе, но и в Азии. К первым работам так же можно отнести работу Г.Н. Войтинского "Японский империализм и война на Дальнем Востоке"[2] 1936 г., в которой автор прогнозировал агрессию Японии в Китае, а захват Маньчжурии Японией интерпретировал, как начало нового этапа в отношениях СССР и Японии. Главным недостатком данных работ была крайняя идеологизация и политизация.

В отдельную группу можно выделить общие работы советских ученых, не специализированные на изучении советско-японских отношений, в которых так или иначе проблемы советско-японских отношений были затронуты. Это такие работы, как 2-х томная "История внешней политики СССР"[3] под редакцией А.А. Громыко и Б.Н. Пономарева, изданная в 1980 г. Через призму гражданской войны советско-японские отношения представлены в работе "История гражданской войны в СССР" [4], в ней рассматриваются проблемы японской интервенции. Работа Л.Н. Кутакова, изданная в 1961 г. "Портсмутский мирный договор 1905–1945 гг." [5] рассматривает советско-японские отношения через призму борьбы СССР с Японией за ликвидацию несправедливых условий Портсмутского мирного договора, автором было введено в научный оборот большое количество новых документов. Другой интересной работой Л.Н. Кутакова была работа "Дипломатия агрессоров", вышедшая в 1967 г., где на основе большого количества документов в ней представлена историческая картина подготовки к большой войне японо-германского блока. Работа А.М. Дубинского

[2] Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых / Акад. наук СССР, Ин–т востоковедения ; [отв. ред. И. А. Латышев]. – Москва : Наука, – 1986. – С.80.
[3] Пономарева Б.Н. История внешней политики СССР, 1917–1985: в 2 т. / Б.Н. Пономарева; Под ред. А.А. Громыко. – Москва : Наука, – 1986. – 534 с.
[4] История гражданской войны в СССР : в 5 томах./ Ред. комиссия тома: Будённый С. М., Найда С. Ф., Обичкин Г. Д., Софинов Н. Г., Стручков А. А., Шатагин Н. И. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1960. –Т.5.– 420 с.
[5] Кутаков, Л.Н. Портсмутский мирный договор: из истории отношений Японии с Россией и СССР. 1905–1945 гг. / Л. Н. Кутаков. – Москва : Соцэкгиз, 1961. – 291 с.

"Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке" [6], рассматривала проблемы советско-японских отношений через призму развития национально освободительных движений в Азии. В работе Е.М. Жукова "Международные отношения на Дальнем Востоке" [7], рассматриваются отношения между СССР и Японией, в системе общемировых дипломатических отношений. В работе автор приходит к выводу, что агрессивные намерения японских милитаристов при невмешательстве мирового сообщества привели к кровопролитной войне в Азии, только благодаря СССР агрессор был остановлен.

Обширную историографию составляют исследования, посвященные войне на Тихом океане. Главной причиной войны авторы этих работ называют межимпериалистические противоречия. Исследования, посвященные изучению Тихоокеанской войны, начали публиковаться в СССР практически сразу после её завершения. Так, в 1947 г. появился труд В. Аварина "Борьба за Тихий океан"[8], в котором подробно рассматривалось японо-американское торговое соперничество в Китае. Главное, В. Аварин выделял два периода в поведении Японии – до нападения на СССР Германии и после, в результате чего Япония бросилась в "водоворот войны". Все эти работы были основаны на марксистско-ленинском подходе, существенным их недостатком оставалась идеологизация. Работа Г.Н. Севостьянова "Дипломатическая история войны на Тихом океане" [9] рассматривает межимпериалистические противоречия великих держав на Тихом океане в едином комплексе.

Советский историографический период протекал во время, когда источники были закрыты и господствовали цензурные ограничения,

---

[6] Дубинский, А.М. Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке / А.М.Дубинский. – Москва : Мысль, 1966. – 593 с.

[7] Жуков, Е.М. Международные отношения на Дальнем Востоке / АН СССР. Ин–т Дальнего Востока; редкол.: акад. Е.М. Жуков (отв. ред.) и др. – Москва : Мысль, 1973– 324 с.

8 Аварин, В. Я. Борьба за Тихий океан: (Агрессия США и Англии, их противоречия и освободительная борьба народов) / В.Я. Аварин. – Москва : Госполитиздат, 1952. – 671 с.

[9] Севостьянов, Г.Н. Дипломатическая история войны на Тихом океане : от Пирл–Харборо до Каира / Г.Н. Севостьянов. – Москва : Наука, 1969. – 648 с.

конфликты до 1940 г. описывались в контексте предыстории второй мировой войны. Освещение этих событий вплоть до распада СССР в значительной степени были связаны с задачами партийно-государственной пропаганды. В то же время, в советский период был накоплен большой фактический материал, который, тем не менее, был хорошо проработан[10].

В последние годы интерес к советско-японским отношениям значительно возрос, возникли новые научные подходы к изучению их истории. Среди новых исследований стоит отметить работы ученого В.Э. Молодякова. Работа В.Э. Молодякова "Россия и Япония в поисках согласия (1905-1945 гг.): геополитика, дипломатия, люди и идеи" [11], основана на большой базе новейших как российских, так и зарубежных источников. Это первое полное комплексное исследование истории советско-японских отношений. В.Э. Молодяков в процессе исследования советско-японских отношений выделил основные территориальные, экономические, дипломатические проблемы и противоречия между странами, часть из которых актуальны и сегодня.

Стоит отметить труды ученых, проводящих отдельные исследования по истории советско-японских отношений. В целом таких работ большинство. Так, историю деятельности японского консульства в городе Новосибирске изучал красноярский ученый В.Г. Дацышен (его исследование "Японское консульство в Новосибирске. Из истории советско–японских отношений")[12]. В.Г. Дацышен в работе "Русско-японские отношения на Северном Сахалине в период японской оккупации (1920-1925 гг.)" [13] занимался изучением проблем экономической деятельности японцев на Северном Сахалине. К его исследованиям относится статья "Японские беженцы в Забайкалье в 1932 г. (из истории советско-

[10] Субханкулов Р.Ф. Основные аспекты развития отечественной историографии участия СССР в войнах и военных конфликтах второй половины 1930-х гг. / Р.Ф. Субханкулов//Вестник МГГУ им. М.А.Шолохова. - 2012. -№2. - С57-70.

[11] Молодяков, В.Э. Россия и Япония в поисках согласия (1905 – 1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи / В. Э. Молодяков. – Москва : Аиро–XXI, 2012. – 655 с.

[12] Дацышен, В.Г. Японское консульство в Новосибирске. Из истории советско–японских отношений / В.Г. Дацышен // Сибирь и Центральная Азия: актуальные вопросы политического и социокультурного развития. Пятые научные чтения памяти Е.М. Залкинда. Материалы международной научной конференции 27 апреля 2012 г. Под. общ. ред. А.В. Старцева. – Барнаул: Азбука, 2012. - С.126–128.

[13] Дацышен, В.Г. Русско–японские отношения на Северном Сахалине в период японской оккупации (1920–1925 гг.) / В.Г.Дацышен // Япония.Ежегодник. – 2014. – № 43. – С. 193 – 209.

японских отношений)"[14], в ней рассматривается малоизвестный исторический факт помощи японским гражданам, которую им оказали и фактически спасли от гибели власти СССР. К одиночным исследованиям так же можно отнести работу Ц.С. Дондокова "Безопасность граждан и организованная преступность в Дальневосточной республике: 20-ые годы XX века"[15], в ней рассматривается влияние японской интервенции на состояние преступности в ДВР. Геополитический подход использует историк А.А. Азаренков в своей работе "Геополитический вызов России: "Вашингтонская система" [16] региональной стабильности и возвращение СССР на Дальний Восток. Вопросы антияпонской борьбы в Маньчжурии изучал историк В.А.Гайкин[17]. Деятельность японских концессий на Северном Сахалине изучал историк Г.А. Шалкус [18] . Разведывательную и подрывную деятельность японских консульств изучал историк Куртинец С.А[19]., который в своих работах показал, насколько широкая сеть агентов пронизывала советский Дальний Восток в начале 20-х гг. XX в.

Зарубежные ученые тоже успешно занимались изучением советско-японских отношений. В самой Японии было проведено большое количество исследований по истории дипломатических отношений на базе японских источников. Однако японские исследователи в основном занимались данным вопросом в общей системе, и развитие отношений на Дальнем Востоке. В работах Ёкотэ С. "Представления японцев о России в начале периода Сёва (середина 1920-х – середина 1930-х гг.)"[20], Накамура С. "Японцы и русские. Из

[14] Дацышен, В.Г. Японские беженцы в Забайкалье в 1932 г. (Из истории советско–японских отношений). / В.Г. Дацышен // Россия и АТР. –2013. –№ 2 (80). – С. 38–45.
[15] Дондоков, Ц.С. Безопасность граждан и организованная преступность в Дальневосточной республике: 20–ые годы XX века /Ц.С. Дондоков // История государства и права.– 2008 . – № 11.– С. 35-39.
[16] Азаренков, А.А. Геополитический вызов России :"Вашингтонская система" региональной стабильности и возвращение СССР на Дальний Восток / А.А. Азаренков // Вестник Московского государственного областного университета серия 'История и политические науки' . – 2009. – № 2. – С. 61-66.
[17] Гайкин, В.А. Японская интервенция на Дальнем Востоке России (1918-1922) и антияпонская борьба в Маньчжурии / В.А. Гайкин // Россия и АТР. – 2012. – № 4. – С. 104-113.
[18] Шалкус, Г.А. Создание и деятельность японских концессий на северном Сахалине в 1925-1944 гг. / Г.А. Шалкус //Сибирский торгово-экономический журнал. – 2008. – № 7. – С. 1-5.
[19] Куртинец, С.А. Разведывательно–подрывная деятельность японского консульства во Владивостоке в начале 20-х годов XX века / С.А. Куртинец // Власть и управление на Востоке России. – 2011. – № 1 (54). – С. 100-104.
[20] Ёкотэ, С. Представления японцев о России в начале периода Сёва (середина 1920-х – середина 1930-х гг.) // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. К 60-летию профессора Вада Харуки. М.: АИРО-XX, 2001.

истории контактов" [21] , Фудзимото В. "Установление японо-советских дипломатических отношений в 1925 г." [22] и других на основе огромного количества дипломатических материалов из японских архивов и японской прессы тех лет были исследованы основные направления дипломатических отношений между двумя странами.

Однако большое количество зарубежных работ по советско-японским отношениям посвящено предвоенным и военным годам. Этими исследованиями занимались американские и европейские специалисты, - такие, как Вильям Волльф, Дерилл Бериган, Вильям Д. Барнтс. Исследователь советско-японских отношений В.Э. Молодяков, подходя критически, отмечает конъюнктурность большинства западных работ, особенно американских.

Таким образом, существует обширная историография, посвященная проблемам советско-японских отношений. Тем не менее, она по-прежнему не охватывает весь комплекс проблем и противоречий советско-японских отношений. Крупные работы часто носят излишне общий характер, не раскрывают глубинных проблем. Отдельные исследования, подробно раскрывающие те или иные исторические проблемы, не систематизированы, а потому не могут дать общей картины с учетом более глубокого раскрытия исторических проблем.

Объектом исследования является советско-японские отношения в 1922-1941 гг.

Предметом исследования является совокупность политических, дипломатических и культурных взаимодействий и связей между СССР и Японией в период с 1922-ого по 1941 г.

Целью магистерской работы создание целостной картины истории советско-японских отношений в 1922-1941-е гг.

Задачи исследования:

– рассмотреть советско-японские отношения в 20-х и 30-х гг. XX в.;

[21] Накамура, С. Японцы и русские. Из истории контактов // С. Накамура. – Москва: Прогресс, 1983. – 303 с.
[22] Фудзимота, В. Дорога к признанию: установление японо-советских дипломатических отношений в 1925 году / В. Фудзимото // Родина. – 2005. – № 10. – С. 23-26.

– исследовать проблемы нормализации советско-японских отношений в первой половине 20-х гг. XX в.;

– исследовать систему факторов, определяющих развитие двухсторонних отношений;

– проанализировать роль ведущих деятелей обоих государств в процессе становления советско-японских отношений в рассматриваемый период.

Хронологические рамки исследования охватывают 1920-1941 гг.

Нижняя граница охватывает 1920 гг., когда Япония – последняя из стран-участниц в Гражданской войне в России – выводит свои войска с территории Дальнего Востока. После этого Советский Союз и Япония начинают долгий процесс восстановления дипломатических и торговых отношений друг с другом, которые после долгих споров приводят к подписанию соглашения о сотрудничестве в 1925 г.

Верхняя граница охватывает 1937-1941 гг. и заканчивается подписанием пакта о нейтралитете между СССР и Японией в 1941 г.

Территориальные рамки.

В научном исследовании территориальные рамки охватывают как территории обоих государств СССР и Японии, так и исторические территории Северо-Восточного Китая.

Методология и методика исследования.

Методологической основой исследования являются принципы историзма и объективности. Принцип историзма ориентирует исследователя на всестороннее изучение проходивших процессов, на учет особенностей и закономерностей прошлого, специфики исторического этапа развития общества. В соответствии с этим, советско-японские отношения исследуются в динамике, становлении и развитии. Отношения между двумя странами рассматриваются в общем контексте политической и экономической ситуации внутри стран, с учетом обстановки в регионе и мире.

Объективность требует всестороннего учета всех имеющихся факторов и явлений при изучении любого объекта. Она позволяет выявить предпосылки для установления межгосударственных контактов, их основные направления и особенности, а также ряд проблем, стоявших на пути укрепления конструктивных двухсторонних связей между СССР и Японией.

В работе использовались традиционные для исторического исследования методы: конкретно-исторический, сравнительно-исторический, историко-системный, проблемно-хронологический.

Сравнительно-исторический метод дал возможность провести исследование в тесной взаимосвязи с исторической обстановкой, а также проследить качественные изменения на различных этапах. Историко-системный анализ позволил обратить внимание на взаимосвязи всех направлений взаимоотношений двух стран. Проблемно-хронологический анализ способствовал структурированию работы.

Комплексное применение всех перечисленных методов способствовало изучению советско-японских отношений в системе межгосударственных связей и формулированию на основе этого выводов.

Источниковая база исследования.

Для решения задач исследования был привлечен комплекс исторических источников. Тематически источники можно разделить на законы и подзаконные акты, материалы делопроизводственного характера, источники личного происхождения, справочные материалы. Важное значение для исследования советско-японских отношений имеют опубликованные документы. Значительное число законов, подзаконных актов, договоров и дипломатических протоколов, различного рода делопроизводственных документов были опубликованы в специальных сборниках. Большим собранием опубликованных источников является многотомный сборник "Документы внешней политики СССР"[23], 20 томов

[23] Документы внешней политики СССР: в 24 томах / Т. 3-21. – М.: Госполитиздат, 1959-1977.

этого издания использовано для изучения советско-японских отношений в 1922-1941 гг. Они содержат законы, договоры и протоколы, соглашения и конвенции, записи бесед советских дипломатов, фрагменты дипломатических переписок, письма, послания, распоряжения. Сборник документов "ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг."[24] является совместным трудом РГАПСИ и Фонда японских историков, содержит большое количество впервые опубликованных документов, посвященных отношениям Исполкома Коминтерна с Компартией Японии. Важным для исследователя советско-японских отношений является тематический сборник документов "Москва–Токио. Политика и дипломатия Кремля" [25] , в котором представлены документы, касающиеся советско-японских отношений, из Архива Президента РФ. Интересен для исследования советско-японских отношений сборник документов "Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Коминтерн. 1919–1943".

Важнейшим источником для изучения советско-японских отношений являются документы личного характера. Дневники и переписка государственных деятелей отражают их личный взгляд на исторические события. Интересной для исследователя представляется изданная в 2005 г. переписка советского посла в Великобритании И.М. Майского с корреспондентами[26]. Ценным источником служат опубликованные дневники русских эмигрантов "Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебениковых" [27] , которые отражают взгляд и реакцию русских эмигрантов на изучаемые исторические события, а так же несут информацию о самих событиях.

Мемуары государственных деятелей относятся к крайне субъективной

[24] ВКП (б), Коминтерн и Япония. 1917-1941 гг.: научное издание / отв. ред. Г. Адибеков, Х. Вада. – М.: РОССПЭН, 2001. – 792 с.
[25] Москва-Токио: Политика и дипломатия Кремля. 1921-1931: сб. документов: в 2 кн. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщей истории, Ин-т рос. истории; Архив Президента Рос. Фед. – М.: Наука, 2007.
[26] Майский, И.М. Избранная переписка с российскими корреспондентами: в 2 кн. / И.М. Майский. Кн. 1. – М.: Наука, 2005.
[27] Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебрениковых, 1919-1934. – М.: Издательство Гуверовского института, 2006. – Т. 1.

группе исторических источников. Зачастую их авторы и составители преследовали цели оправдания или осмысления предшествующих событий. Однако эти документы значительно расширяют представления об изучаемой эпохе. Воспоминания о пребывании в Японии О.А. Трояновского, изложенные в мемуарах "Трояновский Олег Александрович. Через годы и расстояния"[28], позволяют получить представления, в какой обстановке жили дипломаты, работавшие в Японии. Важным источником по истории советско-японских отношений является газеты. В работе использованы публикации из центральных и местных газет, выходивших в 20-30-е годы XX в. Такие газеты, как "Известия" и "Правда", были официальными органами советской печати. Газета "Последние новости", издававшаяся в Париже и пользующаяся большой популярностью у белоэмигрантов отражала альтернативный взгляд на исторические события. Газеты "Советский Сахалин" и "Красноярский рабочий" отражали региональную специфику советско-японских отношений.

Таким образом, для исследования истории российско-японских отношений привлечен целый комплекс исторических источников: законодательные и подзаконные акты, международные и двухсторонние договорно-правовые акты, материалы официального делопроизводства, разнообразные источники личного происхождения, периодическая печать. Такая база используемых источников позволяет провести исследование советско-японских отношений в 1922-1941 гг.

Новизна исследования – заключается в систематизации исторических знаний по проблеме и анализе как хорошо известных источников и исторических работ, так и недавно вышедших, требующих к себе пристального внимания. Несмотря на то, что в последнее время интерес научной общественности к проблемам советско-японских и российско-японских отношений возрос, в отечественной науке практически нет

[28] Трояновский, О.А. Через годы и расстояния: История одной семьи: историческая литература / О.А. Трояновский. – М.: ВАГРИУС, 1997. – 383 с.

комплексного исследования, посвященного проблеме советско-японских отношений. На сегодняшний день данная тема представлена только общими работами по истории российско-японских и советско-японских отношений. Данная работа представляет собой попытку подробного исследования системы советско-японских дипломатических отношений в 1920-1940–е гг.

Структура магистерской работы.

Магистерская работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и использованных источников.

Глава 1. Советско–японские отношения в 20-х гг. XX в.

1.1. Проблемы советско-японских отношений в 1920-1922 гг.

К 1922 г. между РФСФР и Японией по факту сложилась сложная система взаимоотношений, переговорный процесс между двумя государствами проходил формально не на прямую, а фактически посредством государственного образования, именуемого Дальневосточной Республикой (ДВР), которая играла роль буфера.

Процесс создания ДВР проходил с января по апрель 1920 г. Мера была вынужденной, принималась руководством РСФСР в сложных международных и военно-политических условиях, а под целями подразумевалось не допустить прямого столкновения с Японией и по возможности вытеснить интервентов с Дальнего Востока мирным путем. Председатель СНК В.И. Ленин в своем докладе на VIII фракции РКП(б) "О концессиях" сообщал: "Дальний Восток, Камчатка и кусок Сибири фактически сейчас находятся в обладании Японии, поскольку её военные силы сейчас там распоряжаются, поскольку, как вы знаете, обстоятельства принудили к созданию буферного государства — в виде Дальневосточной Республики..."[29]. Как отмечал историк Н.А. Шиндялов в своей статье[30], война с Японией представлялась крайне не желательной, в том числе и потому, что нависла угроза войны с Польшей, становилась реальной угроза войны на два фронта.

ДВР формально провозглашалась буржуазной демократической республикой, но с руководящей ролью коммунистической партии. Съездом трудящихся Забайкалья от 6 апреля 1920 г. было провозглашено образование ДВР. В ее состав включались Забайкальская, Амурская, Приморская, Сахалинская, Камчатская области и территория КВЖД, однако реально ДВР занимало только Западное Забайкалье. Восточное Забайкалье оставалось на тот момент под властью атамана Семенова ("Читинская пробка"). Договор о границах между РСФСР и ДВР от 15 декабря 1920 г.[31] "(был составлен в двух экземплярах: Москва 15 декабря, Чита 30 декабря) разграничивал территорию бывшей Российской Империи между ДВР и РФСФР, а так же

[29] Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров В.И.Ленина о концессиях на фракции РКП(б) VIII Съезда Советов от 21 декабря 1920 г. //Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 3. – С. 406.

[30] Шиндялов Н.А. Ликвидация "Читинской пробки" // Россия и АТР, 2011. – № 1. – С. 2.

[31] Договор о границах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики с Дальневосточной Республикой от 15 декабря 1920 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 3. – С. 385.

относил к ДВР территорию Северного Сахалина, который на тот момент был уже оккупирован японскими частями.

Летом 1920 г. между ДВР и Командованием японских экспедиционных войск на Дальнем Востоке был заключен договор о перемирии[32]. Так, в одной из нот за подписью И. д. Министра Иностранных дел Червонного и адресованной Верховному Комиссару Японии Мацудайра, датированной от 7 августа 1920 г., сообщалось: "Правительство ДВР проникнуто глубоким желанием прекратить гражданскую войну и создать условия для успокоения на территории русского Дальнего Востока и возможность приступить к мирному труду, добрососедскому сожительству с японским народом и его правительством"[33].

Отмечается в данном документе[34] и тот факт, что банды атамана Семенова имеют возможность действовать в Забайкалье исключительно благодаря присутствию там японских войск. Действия банд наносят существенный урон государственному имуществу, инфраструктуре и причиняют значительный вред населению. Правительство ДВР рассчитывает, что японское командование выполнит взятые на себя обязательства об уважении условий перемирия со стороны формирований Семенова. Таким образом, создание ДВР в начале 1920 г. было одним из важнейших шагов, предпринятых руководством РСФСР, путем компромисса вступить на путь мирного диалога с Японией. Посредством диалога предполагалось решить проблему японской интервенции, а так же лишить "белых" поддержки со стороны Японии, что неизбежно привело бы к их разгрому.

Подготавливалась и экономическая основа для сотрудничества, так "декретом СНК РСФСР о концессиях"[35] от 23 ноября 1920 г. определялись общие экономические и юридические условия для функционирования концессий. В тексте декрета говорилось о том, что концессионеру будет предоставляться вознаграждение долей продукта с правом вывоза за границу. В случае применения концессионером крупных технических модернизаций ему будут предоставлены торговые преимущества. Для компенсации рисков концессионеру возможно предоставление продолжительных сроков

[32] Договор о перемирии между Правительством Дальневосточной Республики и Командованием японских экспедиционных войск на Дальнем Востоке от 15 июля 1920 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 3. – С. 44.

[33] Нота и.о. Министра Иностранных Дел Дальневосточной Республики Верховному Комиссару Японии Мацудайра от 7 августа 1920 г.//Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 3. – С. 92.

[34] Нота и.о. Министра Иностранных Дел Дальневосточной Республики Верховному Комиссару Японии Мацудайра от 7 августа 1920 г. // Документы внешней политики СССР.– М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 3. – С. 91.

[35] Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР о концессиях от 23 ноября 1920 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 3. – С. 338–339.

концессии. Кроме того, правительство РСФСР гарантировало, что имущество концессионера не будет подвергаться ни реквизиции, ни национализации, ни конфискации. Концессионер имел право использовать наемный труд рабочих с соблюдением трудового законодательства РСФСР.

При обосновании преимуществ и необходимости проведения концессионной политики В.И.Ленин в тексте доклада о концессиях от 21 декабря 1921 г. сообщал следующее : "..тем не менее вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, и если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна." [36] Ленин далее отмечает, что в вопросе первостепенно именно политическое значение, а экономически этот вопрос второстепенный. В документе Ленин сообщает, почему заманивание концессиями выгодно: "Концессия предполагает то или иное восстановление мирных соглашений, восстановление торговых отношений, предполагает возможность для нас открытия прямой широкой закупки необходимых для нас машин. И мы все усилия должны направить на то, чтобы это осуществить". Отмечается в докладе три главные, по мнению В.И. Ленина концессии: лесные на севере, продовольственные, горные концессии в Сибири. Таким образом, руководством РСФСР создавались условия для дальнейшего экономического сотрудничества с капиталистическими державами посредствам предоставления концессий последним. Экономическое сотрудничество, по мнению В.И. Ленина, неизменно вело к установлению перемирий и других форм сотрудничества. Стоит отметить, что В.И. Ленин говорил о концессиях, как о форме продолжения войны с капиталистическими странами.

При таком положении дел японская сторона в начале 1921 г. не спешила с нормализацией отношений. В ноте министра иностранных дел Дальневосточной Республики министру иностранных дел Японии Утида, от 18 января 1921 г. говорилось о том, что первоначальная причина посылки японских войск в Россию "с целью облегчить положение чехословацких войск" [37] , продекларированная актом от 2 августа 1918 г. Японским Императорским Правительством и выполняемая с соблюдением принципа невмешательства во внутренние дела России, а так же незамедлительной эвакуации по достижению этой цели (эвакуации чехословацких войск) всех сил. Эвакуация чехословацкого корпуса закончилась в августе 1920 г. Тем не

[36] Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров В.И.Ленина о концессиях на фракции РКП(б) VIII Съезда Советов от 21 декабря 1920 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 3. – С. 406.

[37] Нота Министра Иностранных Дел Дальневосточной Республики Министру Иностранных Дел Японии Утида от 18 января 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 3. – С. 479-483.

менее, Японское Императорское Правительство актом от 31 марта 1920 г. заявило что считает невозможным провести эвакуацию своих войск до того, как политическая обстановка в крае урегулируется и наступит успокоение (ввиду необходимости защиты японских граждан, находящихся как на территории Дальнего Востока, так и на территории Кореи и Манчжурии). В ответ на это в ноте оговаривалось, что все необходимые условия по защите иностранных граждан уже созданы на подконтрольных ДВР территориях и необходимости в дальнейшем пребывании экспедиционных сил нет. Напротив, японское командование в нарушениё всех правил самоопределения народов силой удерживает законные власти от борьбы с преступниками и от установления порядка.

Особенно препятствовало установлению добрососедских отношений, по мнению министра ДВР А.М. Краснощекова, сочувствие командования "уголовному преступнику Семенову". Им же выражалась полная готовность ДВР к установлению дружественных отношений, а также перечислялись необходимые для этого условия: исполнение принципа невмешательства во внутренние дела Дальнего Востока и отказ от поддержки отдельных групп населения в их внутренней борьбе, установление твердого срока для эвакуации японских войск с территории Дальнего Востока. Таким образом, характер интервенции к 1921 г. внешне изменился на откровенную и неприкрытую экспансию. А попытки ДВР установить отношения наталкивались на фактическое нежелание руководства делать встречные шаги в этом направлении.

В ноте Министра Иностранных Дел Дальневосточной Республики Министру Иностранных Дел Японии Утида от 18 января 1921 г. выражался протест правительства ДВР против насильственного захвата Японией рыбных промыслов на территории Дальнего Востока, оговоренных в меморандуме, врученном начальником Японской Дипломатической миссии во Владивостоке управляющему иностранными делами бывшего Владивостокского правительства. Там же говорилось: "Факт этот находится в вопиющем противоречии со всеми торжественными декларациями Японского Правительства о непреклонном уважении к правам русского народа, его территориальной целостности и суверенитету"[38]. Более того, уже 3 марта 1921 г. министр иностранных дел (ДВР) Краснощеков в ноте[39] министру иностранных дел Японии Утида сообщал о том, что японскими

[38] Нота Министра Иностранных Дел Дальневосточной Республики Министру Иностранных Дел Японии Утида от 18 января 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 3. – С. 484.
[39] Нота Министра Иностранных Дел Дальневосточной Республики Министру Иностранных Дел Японии Утида от 3 марта 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 3. – С. 561.

силами 23 февраля 1921 г. были заняты пункты (Яковлевка, Покровка, Сысоевка), которые находятся за 30-ти километровой обусловленной зоной, этим самым осложняя обстановку "без благовидных оснований".

В ноте от 7 марта 1921 г. за подписью А. Краснощекова[40] тому же министру Утида говорилось о непрекращающихся убийствах мирных людей, вооруженными бандитами, которые именуют себя "семеновцами". В ноте сообщалось: "Недавно эти преступники вновь обагрили себя кровью: несколько десятков человек было убито в поселках Раздольном, Хорол и Жариково; население Фадеевки было обезоружено и оставлено на произвол хунхузов, и многие граждане были уведены в неизвестном направлении. Подозрительные личности распускают слухи, что Японское Военное Командование, как и прежде, вооружает, поддерживает и инспирирует банды Семенова и что в недалеком будущем эти банды возобновят свои налеты при полной поддержке Японского Военного Командования". Указывалось на то, что правительство ДВР старается добиться установления искренних и дружественных отношений между японским и русским народами и с этой целью считает важным прекращение деятельности всех, кто сеет недоверие между русским населением и Японским командованием. Японское командование просили подтвердить следующее: что оно не инспирирует, не поддерживает, не вооружает так называемых "семеновцев" и других контрреволюционеров, что оно не ведет с ними никаких переговоров по поводу враждебных действий против Русского Правительства.

В ноте упомянута деятельность так называемых "хунхузов"– это бандиты, состоявшие преимущественно из китайцев и действовавших в приграничных районах Дальнего Востока. Они объединялись на территории Китая в устойчивые крупные группировки криминального характера, незаконно переходили государственную границу и на территории республики совершали преступления. Хунхузы нападали на золотые прииски и похищали золото, совершали налеты на населенные пункты, массовые убийства, похищали людей, скот и увозили их за кордон. Часть хунхузов получала оружие от японцев, которые ставили перед ними задачу разорять сельское население и тем самым вызывать у него недовольство существующей властью. По мнению историка Ц.С. Дондокова, которое он изложил в своей статье[41], это давало возможность японцам оправдывать свое пребывание на Дальнем Востоке якобы для поддержания порядка. Так же

[40] Нота Министра Иностранных Дел Дальневосточной Республики Министру Иностранных Дел Японии Утида от 7 марта 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 3. – С. 573.
[41] Дондоков, Ц.С. Безопасность граждан и организованная преступность в Дальневосточной республике: 20–ые годы XX века. / Ц.С.Дондоков // История государства и права. – 2008. – № 11. – С. 35-39.

большую проблему представлял и так называемый политический бандитизм, организованный японцами и белогвардейцами. К примеру, генерал–майор Забайкальского казачьего войска Н.Ф. Шильников, штаб которого действовал на ст. Манчжурия под видом организации Красного Креста, сформировал и направил в Забайкалье несколько бандитских отрядов. В каждой банде состояло от 20 до 200 человек, и переправлялись они на русскую сторону под видом рабочих или торговцев. Таким образом, на протяжении 1921 г. в советско-японских отношениях остро стояла проблема содействия японской стороной бандитизму на территориях Дальнего Востока, что, конечно, не способствовало процессу нормализации отношений. Стоит отметить, что далеко не все банды пользовались поддержкой японцев, и их помощь некоторым формированиям – лишь один из факторов, игравших роль в криминализации региона.

В решении проблем, стоящих перед советским государством, предлагалось использовать американо-японские противоречия. Так, В.И. Ленин еще в докладе о концессиях [42] предлагал столкнуть интересы США и Японии, заставить их конкурировать между собой по поводу выдачи концессий и тем самым ослабить позиции Японии. 11 марта 1921 г. замнаркоминодел Л.М. Карахан в телеграмме министру иностранных дел ДВР А.М. Краснощекову [43] сообщал о том, что на торгах по вопросу "рыбалок" следует привлечь внимание американцев, и постараться закрепить рыбалки если не за русскими, то за американцами путем максимальных предложений последним, в противовес захвату их японцами.

Важно заметить, что руководство ДВР в деле решения вопроса об интервенции Японии не только активно искало содействия со стороны Соединенных Штатов, но и правительств всего мира. Об этом косвенно свидетельствует обращение учредительного собрания ДВР к правительствам и народам всего мира, датированное 23 марта 1921 г., за подписью председателя учредительного собрания Д.Шилова и секретаря С. Суховского. Второй пункт условий, необходимых для процветания демократии, основанной на принципах народовластия, гарантии гражданских прав и свобод, защиты частной собственности, гласил: "Необходимо, чтобы ДВР была освобождена от иностранных войск и иностранного вмешательства"[44].

---

[42] Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров В.И.Ленина о концессиях на фракции РКП(б) VIII Съезда Советов от 21 декабря 1920 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 3. – С. 406.

[43] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР Министру Иностранных Дел Дальневосточной Республики А.М.Краснощекову от 11 марта 1921 г.//Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1959. – С. 588.

[44] .Обращение Учредительного Собрания Дальневосточной Республики к правительствам и народам всего мира от 23 марта 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С.18.

Кроме того, в меморандуме учредительного собрания ДВР правительству США от 24 марта 1921 г. справедливо отмечалось: "Факт пребывания Межсоюзнического железнодорожного комитета на территории русского Дальнего Востока и по сей день говорит о всё еще продолжающейся союзнической интервенции и формальном участии в ней САСШ"[45]. В данном меморандуме правительство САСШ (США) просили дать следующие разъяснения:

1. Считает ли Правительство Северо-Американских Соединенных Штатов свою декларацию от 5/VIII все еще действующей.

2. Если действующей, то чем объясняет оно продолжение интервенции уже после ухода чехословацких войск.

3. Если не действующей, то когда намерено Правительство САСШ столь же торжественно объявить населению Дальнего Востока об окончании интервенции, как оно объявило о начале её.

4. Когда правительство САСШ, пригласившее японское правительство к военному кооперированию на русском Дальнем Востоке, с той же определенностью положит фактический конец начатой в 1918 г. этим приглашением интервенции.

Тем самым в меморандуме от 24 марта 1921 г. ставился вопрос перед США об ответственности за судьбу интервенции. Это притом, что американские силы покинули Дальний Восток еще в 1920 году, вероятно по причине того, что цели их пребывания были достигнуты. Японские силы остались. Вероятно, цели их пребывания на Дальнем Востоке могли отличаться изначально от общесоюзных или измениться уже в ходе их участия в общесоюзной интервенции. Учитывая факт соперничества между США и Японией, маловероятно, что реализация интересов последней на русском Дальнем Востоке была выгодной правительству США. Таким образом, ДВР делает еще одну попытку вовлечь правительство США на своей стороне в решение вопроса об интервенции. Одновременно с меморандумом, составленным для США этим же числом, а именно 24 марта 1921 г. была составлена нота учредительного собрания ДВР правительству Японии. В ней сообщалось: "Настал момент для Японского Правительства доказать своими действиями, что, вводя в 1918 г. свои войска на территорию русского народа, Япония не преследовала тайной цели территориальных захватов, пользуясь временным ослаблением сил русского народа,

[45] Меморандум Учредительного Собрания Дальневосточной Республики Правительству США от 24 марта 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С.21–23.

вызванным войной, связанной с ней войной и революцией"[46]. Таким образом, правительство ДВР фактически указывало на "тайные цели Японии", предлагая либо их признать, продолжив интервенцию, либо признать ДВР и завершить интервенцию. Открытое признание Японии в экспансионистском захвате Дальнего Востока существенно осложнило бы её положение в международной среде.

Позиция японского командования проявилась на тот момент в ряде событий. Так, 21 марта 1921 г. Главнокомандующий экспедиционной армией в Сахалинской области генерал–лейтенант С. Козима объявил населению этой области о предполагающемся занятии Николаевска, Де-Кастри, Маго, Софийска и других пунктов и о введении в них гражданского управления "для водворения спокойствия и порядка"[47]. 19 апреля 1921 г. в Де–Кастри прибыл японский транспорт и высадил войска; было установлено японское радио, а на русском телеграфе введена японская цензура, введен запрет на связь с высшими русскими властями без разрешения японцев.

В ночь с 30 на 31 марта, во время осуществления попытки переворота во Владивостоке, японское командование обезоружило милицию и оказало содействие "контрреволюционным бандам". Начальник военно-административного отдела японского командования на Сахалине опубликовал объявление от 19 февраля 1921 г. о сдаче с торгов в аренду русских рыболовных и рыбообделочных участков, местом торгов была выбрана канцелярия военно-административного командования на Сахалине, а желающие ознакомится с постановлениями и правилами могли сделать это в консульстве и на японском языке. Таким образом, по мнению руководства ДВР Япония показала явные захватнические устремления, на этот раз без всяких предлогов, вроде "угрозы чехословакам, Корее, Маньчжурии"[48]. Хотя формально японское командование продолжало отрицать связь с белыми силами, фактически эта связь имела совершенно неприкрытый характер. По поводу этого правительством ДВР была отправлена очередная нота[49] за подписью Б. Сквирского министру иностранных дел Японии Я. Утида.

Более того, по заявлению Г.В. Чичерина, РСФСР якобы располагало сведениями о том, что во Владивосток, по соглашению Франции и Японии для участия в интервенции предполагалось перебросить врангелевцев. В

[46] Нота Учредительного Собрания Дальневосточной Республики Правительству Японии от 24 марта 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С.27.
[47] Нота Правительства Дальневосточной Республики Правительству Японии от 21 апреля 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С.78.
[48] Нота Правительства Дальневосточной Республики Правительству Японии от 21 апреля 1921 г.// Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С.79.
[49] Нота Министра Иностранных Дел Дальневосточной Республики Министру Иностранных Дел Японии Утида от 23 мая 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С.136.

радиограмме от 2 июня 1921 г. сообщалось: "Имеем сведения, что японцы по соглашению с Францией и при попустительстве других держав Антанты собираются перебросить врангелевцев во Владивосток для участия оттуда в интервенции против нас и против Дальневосточной Республики, связанной с нами договором и тесной дружбой"[50].

26 мая во Владивостоке произошло второе антибольшевистское выступление, на этот раз оно было более успешное. Японские силы, сначала сохраняя нейтралитет, а позже вмешавшись не на стороне "красных" в борьбе против хорошо вооруженного дивизиона Народной Охраны, вынудили последних отступить. Переворот свершился. Временный Народно-Революционный Комитет объявил о передачи власти Совету Съезда.

В свою очередь, Совет образовал из себя Временное Приамурское правительство в составе пяти человек: Н.Д. Меркулова, С.Д. Меркулова, С.И. Ефремова, А.Я. Макаревича и Е.М. Андерсона. Командующим войсками был назначен генерал-лейтенант Вержбицкий. В июле 1921 г. командующим Сибирской флотилией был назначен контр-адмирал Г.К. Старк. В ответ на эти действия еще в начале июля 1921 г. правительство ДВР передавало по радио очередную ноту правительству Японии. В данной ноте за подписью министра иностранных дел ДВР И.Л. Юрина переворот называли антинародной авантюрой, допущенной при полном содействии японского военного командования. Давалось указание на то, как в беседах один из представителей американской миссии в Чите отмечал, "что непорядок в пределах Дальневосточной Республики наблюдается только лишь там, откуда еще не ушли японские войска"[51]. Японцев призывали немедленно приступить к обсуждению создавшегося ненормального положения с правительством ДВР.

Летом 1921 г. стало известно о готовящейся конференции в Вашингтоне, на которую правительства РСФСР, ДВР не пригласили. В ноте 19 июля 1921 г. от правительства РСФСР правительствам Великобритании, Франции, Италии, США, Китая и Японии сообщалось: "Российское правительство, являющееся Правительством прибрежной тихоокеанской державы, не может скрыть своего крайнего изумления, узнав о существования намерения созвать подобного рода конференцию без его участия"[52]. Нарком иностранных дел Г.В. Чичерин в ноте сообщал о праве

[50] Радиограмма Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР всем Представителям РФСФР в европейских странах от 2 июня 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. - С.157.
[51] Нота Правительства Дальневосточной Республики Правительству Японии от 2 июня 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С.160–165.
[52] Нота Правительства РФСФР Правительствам Великобритании, Франции, Италии, США, Китая и Японии от 19 июля 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С.224-226.

правительства РСФСР в связи с тем, что оно не было приглашено, не признавать итогов конференции. Стоит отметить, что вопрос разоружения вызывал положительный отклик у правительства РСФСР.

18 августа 1921 г. министру иностранных дел Японии Я. Утида от заместителя министра иностранных дел ДВР Я. Янсона была направлена нота[53], в которой японцам предлагалось подтвердить свои намерения о начале переговоров с ДВР. В содержании ноты говорилось о том, что 3 августа генеральным консулом Японии в Мукдене г-ном Кацука был передан ответ г-ну Юрину в виде вербальной ноты с предложением начать переговоры в г. Дайрен между ДВР и Японией. Со своей стороны руководство ДВР настаивало на том, чтобы переговоры были официальными и полномочными.

К тому же, в телеграмме Б.З. Шумяцкого комиссару иностранных дел Г.В. Чичерину от 3 сентября 1921 г. говорилось о пленении Р.Ф. Унгерна со всем его штабом и о разгроме японского плана охватить ДВР со стороны Монголии. Как итог Б.З. Шумяцкий сообщал: "Провал унгернского наступления – это прорыв единого империалистического фронта и укрепление нашей позиции в отношении Японии"[54]. Более того, 17 октября 1921 г. со стороны Монголии на имя наркоминдела Г.В. Чичерина поступило предложение совместными усилиями с НРА ликвидировать в Западной Монголии "остатки белобанд Унгерна, Бакича, Казанцева, Кайгородова"[55]. Так же 5 ноября 1921 г. между правительством РСФСР и народным правительством Монголии было заключено соглашение об установлении дружественных отношений. В договоре оговаривалось взаимное признание правительств, установление торговли, оговаривались вопросы юрисдикции, подсудности и вопросы имущественных отношений. Кроме того, было оговорено "не допускать на своей территории образования или пребывания правительств, организаций, групп или отдельных лиц ставящих своей целью борьбу против другой стороны ..."[56] Таким образом, обстановка постепенно располагала Японию к ситуации, в которой она так или иначе вынуждена

[53] Нота Заместителя Министра Иностранных Дел Дальневосточной Республики Министру Иностранных Дел Японии Утида от 18 августа 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С.274.

[54] Телеграмма Уполномоченного НКИД РСФСР на Дальнем Востоке Народному Комиссару Иностранных Дел РФСФР Г.В. Чичерину от 3 сентября 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С.305.

[55] Нота Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР Министру Иностранных Дел Монголии от 28 октября 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С.448.

[56] Соглашение между Правительством Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и Народным Правительством Монголии об Установлении дружественных отношений между Россией и Монголией от 5 ноября 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С. 476.

была бы пойти на переговоры. На это влиял как внешнеполитический фон в виде не желания США усиления Японии в тихоокеанском регионе, так и фактическое развитие событий на Дальнем Востоке. "Белые", поддерживаемые японцами, постепенно терпели поражения от "красных" сил.

Стоит отметить, что и США преследовали исключительно свои интересы в отношениях с советской властью. Так, прибывший в Ургу американский консул старался сплотить местных князей и лам в целях изоляции революционного правительства от страны и в целях устранения советского влияния. В телеграмме от 22 сентября 1921 г. Б.З. Шумяцкий передавал Г.В. Чичерину: "От имени Вашингтона он домогался передачи мандата на посредничество между Монголией и Китаем Америке, обещая экономическую помощь"[57].

Важной вехой в развитии советско-японских отношений была Дайренская конференция, начавшая свою работу 26 августа 1921 г. Для ДВР общими основными вопросами были прекращение интервенции и признание ДВР. Кроме того, ставился вопрос и о судьбе Уссурийской железной дороги и связанного с ней имущества. Переговоры по этому поводу велись с японцами "Меркуловским правительством", имущество оценивалось в 700 тысяч американских долларов. ДВР считало данное имущество своим и, кроме того, обвинило японцев в том, что расхищения государственного имущества, находящегося на территории южного Приморья, происходит под защитой японских властей. По этому поводу в ноте, адресованной японской делегации на Дайренской конференции, сообщалось: "Правительство Дальневосточной Республики в силу изложенного не может не возложить общей ответственности за действия этих лиц и материальной ответственности за последствия этих действий на японских военных и гражданских представителей в Южном Приморье"[58].

Японцы дали формальное заверение на время конференции не оказывать поддержки антисоветским вооруженным формированиям, но фактически оно не соблюдалось. В другой ноте, врученной 17 ноября 1921 г. японской стороне на конференции по этому поводу сообщалось: "Так, например, нападение на военный пост армии Дальневосточной Республики в селе Вассановке 15 сентября было произведено 35 военными чинами, из

[57] Из телеграммы Уполномоченного Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР в Иркутске Народному Комиссару Иностранных Дел РСФСР Г.В.Чичерину от 22 сентября 1921 г.// Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С.370.

[58] Нота Заместителя Министра Иностранных Дел Дальневосточной Республики Председателю Японской Делегации на Дайренской конференции Мацусима от 29 сентября 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С. 381.

которых 33 были японские чины, а два – переодетые в японскую форму русские военные"[59].

Обсуждался вопрос ответственности за "Николаевские события", делегация ДВР на себя её брать отказывалась, говорилось: "произошедшие еще до образования Дальневосточной Республики и явившееся следствием пребывания японских войск на русской территории"[60]. Кроме того, в декабре японским командованием было принято решение произвести смену войск, находящихся в Приморской области, что вызвало у делегации ДВР удивление. Это может говорить о том, что японская делегация заняла выжидательную позицию и приняла решение повременить с выводом войск.

Так же, сами японцы на конференции в Дайрене выдвинули совершенно неприемлемые условия, требующие очевидных уступок. Вот как записано о требованиях японской стороны в ноте правительствам всего мира от 9 декабря 1921 года: "Японское правительство вступило в переговоры в Дайрене, добиваясь согласия русской власти на пребывание японских войск на территории Республики, на открытие военных укреплений и фактической уступки русской территории, прилегающей к Татарскому проливу"[61]. По своей риторике нота значительно более резко критиковала Японию, обвиняя её в захвате русских территорий и попытке подчинить себе ДВР.

Резюмируя все вышеперечисленное, можно сделать вывод о состоянии советско-японских отношений к окончанию 1921 г. и началу 1922 г. На дипломатическом уровне переговорный процесс проходил с большим трудом, Япония часто давала всякого рода заверения о добрых намерениях, о готовности приступить к скорейшему налаживанию добрососедских отношений с русской властью, но отказывалась на деле их исполнять. Советская власть, находясь в поисках любой возможной помощи, на полную старалась воспользоваться дипломатическими возможностями буферного государства. Использовались возможности оказания широкого спектра уступок в деле налаживания сотрудничества с Японией (а так же для всех, кто готов был на это сотрудничество идти), последней повсеместно поступали разного рода предложения от руководства ДВР. Руководством РСФСР и ДВР активно налаживались отношения с другими государствами региона, Монголией, Китаем, оказывалась помощь корейским партизанам.

[59] Нота Правительства Дальневосточной Республики Правительству Японии от 6 ноября 1921 г.// Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С.480.
[60] Нота Делегации Дальневосточной Республики Делегации Японии на Дайренской конференции от 6 декабря 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С. 561.
[61] Обращение Народного Собрания Дальневосточной Республики к народам и правительствам всего мира от 9 декабря 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С. 568-571.

Идеи "мировой революции" часто проигрывали прагматичным решениям, эту точку зрения обосновывает в своей статье[62] историк Б.С.Жигалов.

Японская армия заняла значительную часть восточной русской территории и эксплуатировала её по своему усмотрению. На захваченных территориях царило полнейшее беззаконие, зачастую при попустительстве японских сил. Попытка провести переговоры в Дайрене не увенчалась успехом, хотя, по мнению историка А.Ю. Сидорова, не была бесплодной, о чем он написал в своей работе[63]. Япония, выставляя неприемлемые условия и затягивая переговоры в Дайрене, вероятно ждала результатов Тихоокеанской конференции. Одновременно ход Вашингтонской конференции в отношении Японской политики на Дальнем Востоке складывался в пользу РСФСР и ДВР, что вынуждало Японию, так или иначе, пойти на контакт с советской Россией в ближайшем будущем. Стоит отметить, что большевики весьма сдержанно отнеслись к конференции, продекларировав заранее, что не признают её итогов, так как представителей России не пригласили к обсуждению вопросов, касающихся её прямых интересов.

В результате обсуждения ситуации на Дальнем Востоке, на тихоокеанской конференции 22-24 января 1922 г., практически все участники осудили присутствие японских войск в Приморье и на Северном Сахалине, а японский представитель Сидэхара пообещал, что Япония выведет свои войска с российской территории. Остро стоял вопрос о принадлежности КВЖД, на конференции в Вашингтоне была принята резолюция о возвращении её России как законному владельцу. Ряд исследователей при этом считают, что ряд решений Вашингтонской конференции шли Японии на пользу, так как закрепляли усиление её флота в акватории Тихого океана в сравнении с другими тихоокеанскими державами. Стоит отметить, что эти решения были приняты в январе 1922 г. но уже в начале декабря 1921 г. тон обращений, поступающих от ДВР к Японии, резко изменился в сторону тотальной критики и осуждения. Это можно проследить и по отношению руководства ДВР к "николаевскому инциденту". Если изначально ДВР просто открещивалась от ответственности за инцидент, то в декабре 1921 г. говорили уже о вине самих японцев, находящихся на территории России как захватчиков, и, следовательно, уже в силу этого ответственных за событие.

Таким образом, советско-японские отношения представляли с собой сложную, не линейную, динамически развивающуюся во времени систему

[62] Жигалов, Б.С. О характере и целях дальневосточной политики Советского государства в 1920–1924 гг. / Б.С. Жигалов // Вестник ТГУ. История. – 2010. – № 4 (12). – С. 135-148.
[63] Сидоров, А.Ю. Внешняя политика Советской России на Дальнем Востоке (1917-1922) / А.Ю. Сидоров // Социальные и гуманитарные науки. История. –1997. – С.123-132.

отношений, где каждый элемент представлял собой целый комплекс проблем и противоречий с большим числом факторов влияния как внешних, так и внутренних. Так, желание Японии сохранять и развивать в сторону экспансии сложившуюся систему отношений с советской Россией, натолкнулось на стремление постепенно укрепляющейся советской республики в условиях меняющейся международной обстановки изменить эту самую систему в свою пользу, вынудить Японию завершить интервенцию и далее на основах равноправного взаимовыгодного сотрудничества строить отношения.

Наиболее неприемлемым было требование Японии на конференции в Дайрене о поддержании в ДВР некоммунистического режима. Отказывалась ДВР предоставить право свободу судоходства по реке Амур и р. Сунгари для японцев. Делегация ДВР на конференции в Дайрене соглашалась предоставить японским предпринимателям промышленные концессии на северной части о. Сахалин. Об этом сообщалось в ноте[64] от 3 января 1922 г. Было согласие на создание рыболовных комиссий, но при условии участия в этом процессе Советской России. Процесс представлялся длительным и требовал заключения дополнительных соглашений. 5 января 1922 г. в Вашингтоне был представлен меморандум от специальной делегации ДВР под председательством А.А.Языкова, в меморандуме[65] отражался обширный список нарушений злодейств Японии на территории Дальнего Востока. Содержался призыв к участникам тихоокеанской конференции дать обещания разрешить проблему русского народа и освободить его от иностранного ига.

Тем временем правительство РСФСР устанавливало отношения с Сунь Ятсеном, основателем партии Гоминьдан и получившим власть в Китае. Сунь Ятсен в своем письме демонстрировал заинтересованность в сотрудничестве с коммунистической Россией. Правительство ДВР предлагало США заключить торговые соглашения и начать торговлю. В письме [66], направленному специальной торговой делегацией ДВР министру торговли США Г. Гуверу, предлагался в обмен на товары промышленного производства поставлять сырьевые ресурсы, такие, как золото, серебро, олово, цинк, рыбу лососевых пород, прочую рыбу, строевой лес, меха и

[64] Нота делегации Дальневосточной Республики на Дайренской конференции делегации Японии от 3 января 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С. 17.
[65] Меморандум Специальной делегации Дальневосточной Республики Вашингтонской конференции от 5 января 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С. 21-44.
[66] Письмо Председателя Специальной Торговой делегации Дальневосточной Республики в США Министру Торговли США Гуверу от 7 февраля 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С.86-89.

другие. Для добычи многих из этих ресурсов требовалось обновление оборудования, в чем просили содействия американских предпринимателей. Использование американского капитала предлагалось урегулировать заключением специальных концессий. В свою очередь Г. Гувер в ответном письме сообщал, что предложение представляет большой интерес для Соединенных Штатов, но решения такого рода принимаются Государственным Департаментом США, куда он и переслал сообщение.

14 марта 1922 г. делегации Японии на Дайренской конференции была передана нота[67] от представителей ДВР. В ней говорилось о том, что никаких полномочий русская власть во Владивостоке не имеет и является самозваной, а, следовательно, все заключенные с ней соглашения по поводу рыбных дел недействительны. По этому поводу правительство ДВР предлагало срочно созвать рыболовную комиссию для урегулирования этих вопросов. Японцы в ответе на эту ноту не посчитали вопрос срочным и требующим немедленного обсуждения.

В марте японские силы продолжали поддерживать "белоповстанцев", несмотря на заявления на Дайренской и Вашингтонской конференциях об обратном. Так, 2 апреля между станциями Свиягино и Евгеневка произошло прямое вооруженное столкновение между частями НРА и японскими силами, с применением последними артиллерии. В протестной ноте правительства ДВР говорилось по данному факту следующее: "Правительство Дальневосточной Республики заявляет свой решительный протест против ничем не оправданного вооруженного нападения частей японской императорской армии на Народно-Революционную армию, проявившую неоднократно свои мирные намерения по отношению к японским войскам"[68]. Любопытно, что, по словам министра иностранных дел ДВР Я. Янсона, бойцы НРА не сделали ни единого ответного выстрела по частям японской армии.

27 февраля 1922 г. японцы назначили торги на рыболовные участки в Амурском лимане, в низовьях Амура и Северном Русском Сахалине, торги должны были состояться 28 апреля в городе Александровске-на-Сахалине. Назначение торгов японскими властями на рыболовные участки на территории ДВР являлось нарушением суверенных прав последней. По этому поводу 5 апреля 1922 г. была предоставлена протестная нота[69] от ДВР для

[67] Нота делегации Дальневосточной Республики на Дайренской конференции делегации Японии от 14 марта 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С. 150.
[68] Нота Правительства Дальневосточной Республики Правительству Японии от 4 апреля 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С.181-184.
[69] Нота делегации Дальневосточной Республики на Дайренской конференции делегации Японии от 5 апреля 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С. 185.

японской делегации на Дайренской конференции. 16 апреля представители Японского Императорского Правительства заявили о том, что прекращают переговоры с Дальневосточной Республикой в Дайрене. Камнем преткновения послужил отказ японцами дать письменный акт, устанавливающей срок эвакуации. Более того, в ноте правительству Японии от 24 апреля сообщалось: "отряды японской армии продвигаются значительно дальше зоны своего предыдущего расположения. Японскими военными отрядами были заняты деревни Яковлевка и Чернышовка, находящиеся в 50 верстах к востоку от Уссурийской железной дороги, и станции Евгеневка и Мучная[70]".

В обращении правительства ДВР к населению республики от 6 мая говорилось: "явная поддержка, которую японские милитаристы оказывают владивостокским авантюристам, заставляет думать, что японскому правительству не нужно сотрудничество и спокойное развитие экономических и культурных условий, а нужен захват русских областей"[71].

Все это однозначно говорило о срыве переговоров в Дайрене и не желании Японии выводить свои войска с территорий Дальнего Востока.

Летом представители ДВР получили сообщение о том, что японское императорское правительство готово возобновить переговоры. В ответ особоуполномоченым Дальневосточной Республики в Харбине, 7 июля 1922 г. была передана нота[72] генеральному консулу в Харбине Ямоноути. В ней сообщалось о принципиальной готовности представителей ДВР начать переговоры, но на этот раз "снесясь" с Советской Россией. В ответ 18 июля 1922 г. через особоуполномоченого от ДВР в Харбине была передана правительственная нота министерства иностранных дел Японии, в которой сообщалось о готовности начать переговоры, решении японского правительства произвести полную эвакуацию японских войск с русских территорий на Дальнем Востоке. Со стороны ДВР предлагалось избрать для предстоящей конференции Читу или Москву, города с хорошей связью, предлагались так же Пекин или Токио. Японцы ответили категорическим отказом по поводу того, чтобы избрать местом переговоров Москву или Читу. В качестве альтернативы со стороны руководства ДВР был предложен г. Пекин как место для проведения переговоров, это было бы удобно и потому, что А.А. Иоффе находился уже там в качестве чрезвычайного

[70] Нота Правительства Дальневосточной Республики Правительству Японии от 24 апреля 1922г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С. 270-273.
[71] Обращение Правительства Дальневосточной Республики к Населению от 6 мая 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С.290-291.
[72] Нота Правительства Дальневосточной Республики Правительству Японии от 30 июня 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С.473-474.

полномочного представителя. А.А. Иоффе мог в случае положительного ответа от Японии договориться с правительством Китая о месте проведения конференции. В ответе японцами были предложены города Харбин, Дайрен, Мукден или Чанчунь. От возможности проведения конференции в Пекине японцы отказались. Правительство РСФСР, не желая откладывать переговоры, остановило свой выбор на г. Чанчуне, о чем говорилось в сообщении[73] от 5 сентября 1922 г.

Прибывший в г. Чанчунь А.А. Иоффе получил 9 сентября 1922 г. от Л. Карахана телеграмму с инструкцией занять твердую позицию и не делать уступок своих прежних. В телеграмме говорилось: "Россия принимает участие вообще, а не для скрепления подписи Дальневосточной Республики и разрешения рыболовных вопросов. Дайте понять, что Россия вернулась на Тихий океан и что всякие иллюзии насчет нашей слабости и возможности третировать нас как неравную державу бесплодны"[74]. Говорилось о том, что разрыв не опасен хотя и не желателен и ждать можно ни один месяц. На заседании конференции японцами предлагались все те же условия, что и на Дайренской конференции. Но поскольку переговоры в Дайрене были сорваны по причине не указания сроков эвакуации японских сил, то сейчас эвакуация уже началась.

На заседании конференции 6 сентября 1922 г. цели переговоров в Чанчуне японцами сводились к следующему: "получение гарантий в безопасности личности и имущества японских граждан; устранение прямой и косвенной угрозы границе ДВР и Японии; отмена прежних ограничений в области промышленности на Дальнем Востоке для японских граждан"[75]. А.А. Иоффе запросил консультаций из Москвы, так как считал, что Япония не идет на расширение сотрудничества в той степени, в какой Москва ждала этого от неё.

По сообщениям советской печати японцы не желали договариваться с РСФСР как с третьей стороной. Вместо этого они предлагали РСФСР договариваться с ДВР, а потом ДВР с Японией. Так, в газете «Известия» сообщалось: "В Дайрене велись переговоры исключительно между ДВР и Японией. В Чанчуне же они ведутся между РСФСР и ДВР, с одной стороны, и Японией – с другой. Делегация РСФСР и ДВР выражает свою готовность

[73] Сообщение Народного Комиссариата Иностранных Дел РФСФР о созыве конференции по урегулированию отношений с Японией от 5 сентября 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С.569-568.

[74] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР Уполномоченному Советского Правительства по переговорам с Японией А.А. Иоффе от 9 сентября 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С. 572.

[75] Известия. – 1922. – 14 сентября.

прийти к полному соглашению с японской делегацией на основе вышеизложенных положений"[76]. Переговоры шли непросто, Л.М. Карахан писал по этому поводу А.А. Иоффе: "Прошу Вас сообщать японские предложения в запротоколированных формулировках, ибо трудно принять решения, если японская делегация меняет свою точку зрения от одного заседания к другому. Остается очень несерьезное впечатление от способа переговоров, который практикует Мацуйдара"[77]. Л.М. Карахан считал, что переговоры нужны японцам для того, чтобы успокоить прессу и общественное мнение. Более того, японцы смотрели на переговоры в Чанчуне, как на продолжение Дайренских, советская сторона смотрела на них, как на совершенно новые по сути переговоры. На одном из заседаний на вопрос А.А. Иоффе о сроках эвакуации японских сил был получен следующий ответ: "Мацудайра сообщил, что Япония намерена эвакуировать Приморье к концу октября, Приамурье – к концу сентября, а Северный Сахалин – лишь после разрешения вопроса о Николаевских событиях. На вопрос т. Иоффе, какое отношение имеет Сахалин к Николаевским событиям, Мацудайра ответа не дал"[78]. В связи с этим, А.А. Иоффе констатировал, что Япония намерена продолжить оккупацию Сахалина на неопределенный срок. Япония приняла формулу, по которой она договаривалась одновременно с РСФСР и ДВР. Так как по другим вопросам согласия достигнуто не было, японская делегация заявила, что покинет конференцию в случае неуступчивости советской стороны.

В советской прессе это заявление освещалось так: "Председатель японской делегации закончил свое заявление сообщением, что если объединенная Российская делегация не изменит своей точки зрения, то японская делегация согласно полученной ею инструкции, прекратит настоящие переговоры и покинет Чанчунь"[79]. Советская делегация позиции не меняла и попросила два дня на решение своих вопросов в Чанчуне.

Важным вопросом стала передача Владивостока частям НРА. Японцы от мирной сдачи города отказались и просто не стали её обсуждать, требуя части НРА отступить под угрозой начать боевые действия. По поводу этого правительству Японии была передана нота[80], в которой ответственность за возможный ущерб возлагалась на правительство Японии и всех союзных с

[76] Известия. – 1922. – 17 сентября.
[77] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР Уполномоченному Советского Правительства по переговорам с Японией А.А.Иоффе от 19 сентября 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С. 586.
[78] Известия. – 1922. – 23 сентября.
[79] Известия. – 1922. – 28 сентября.
[80] Нота Правительств РСФСР и Дальневосточной Республики Правительству Японии от 21 октября 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С. 624-626.

ней правительств. В ходе этих событий японцы угрожали задержать свою эвакуацию, если части НРА не отступят от Владивостока. Так, в прессе сообщалось: "для Правительства Дальневосточной Республики является совершенно не понятным смысл и значение угрозы Японского Правительства, что японская армия вынуждена отложить свою эвакуацию из Приморья"[81]. В местах которые японцы покидали, происходил настоящий грабеж, вывозилось все, что можно было вывезти и представляло хоть какую-нибудь ценность. Все, что вывезти не представлялось возможным, уничтожалось. Большое количество оружия и других материальных ценностей передавалось в Манчжурию союзнику Японии Чжан Цзао-линю. В опубликованном 25 октября заявлении Г.В. Чичерина о положении на Дальнем Востоке говорилось: "По всему берегу Приморья японцы хищнически уничтожают лес. Например, около Императорской гавани, севернее Владивостока, великолепный лес, окружавший гавань, целиком уничтожен"[82]. Кроме того, во Владивостоке оставалось большое количество американских товаров, о судьбе которых беспокоилось американское правительство.

25 октября японцы покинули Владивосток, и город заняли части НРА. По этому поводу В.И. Ленин отправил поздравительную телеграмму правительству ДВР со следующим содержанием: «К пятилетию победоносной Октябрьской революции Красная Армия сделала еще один решительный шаг к полному территории РСФСР и союзных с ней республик от войск интервенцев-оккупантов"[83].

Таким образом, 25 октября завершилась японская интервенция на материковой части России. Под властью Японии остался Северный Сахалин. Необходимость в буфере отпала и 14 ноября 1922 г. вышло постановление народного собрания ДВР. Документ[84] постановлял:

1) Народное Собрание Дальневосточной Республики объявить распущенным;

2) На всем русском Дальнем Востоке объявить власть Советов;

3) Демократическую конституцию Дальневосточной Республики и её законы объявить отмененными;

---

[81] Известия. – 1922. – 27 октября.
[82] Известия. – 1922. – 25 октября.
[83] Телеграмма Председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР В.И.Ленина Правительству Дальневосточной Республики от 26 октября 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С. 632.
[84] Постановление Народного Собрания Дальневосточной Республики от 14 ноября 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С.674-677.

4) Просить ВЦИК и Съезд Советов России присоединить Дальний Восток к единой Российской Социалистической Федеративной Советской Республике, распространив на Дальний Восток действие Советской Конституции и Советских законов;

5) Создать Дальневосточный Революционный Комитет, которому передать всю полноту власти и поручить провести в жизнь объединение Дальнего Востока с Советской Россией и установлению повсеместно в нашем крае власти Советов.

15 ноября 1922 г. в ответной телеграмме[85] Президиум ВЦИК объявил ДВР частью РСФСР и утвердил Дальневосточный Революционный Комитет.

Таким образом, ДВР влилась в состав РФСФР, так как острая необходимость в ней отпала. Япония завершила интервенцию на континенте, но под её контролем остался Северный Сахалин, следовательно, она могла контролировать судоходство в устье Амура. Вопрос о завершении оккупации северного Сахалина японцы соотносили с вопросом о "Николаевских событиях", советская сторона не признавала на себе ответственности за эти события.

Уходя из Владивостока "белые" вывезли с собой значительную часть государственного имущества, в том числе и морские суда. Правительство РСФСР признавало за собой право собственности на это имущество, распродажа которого вскоре могла начаться на Китайской и Японской территории. В связи с этим, советское правительство обратилось с нотой[86] к правительству Японии на имя министра иностранных дел Я. Утида, с тем, чтобы японские власти не допускали в своих портах распродажи имущества РСФСР. В ноте сообщалось, что адмирал Г.К. Старк уже продал японцам транспорт "Охотск" и намерен идти в Инкоу для продажи остальных судов китайцам. Те суда, что окажутся в руках японцев, по мнению правительства РСФСР, следовало вернуть во Владивосток. Иначе это воспринималось бы как недружелюбный жест со стороны Японии.

[85] Телеграмма Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Дальневосточному Революционному Комитету от 15 ноября 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С. 683.

[86] Нота Правительства РСФСР Правительству Японии от 23 ноября 1922 г.// Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 6. – С. 16-17.

1.2.Нормализация советско-японских отношений в 1922–1925 гг.

30 декабря 1922 г. был подписан договор[87] об образовании СССР, с этого момента отношения приобретали вид СССР – Япония. 17 января 1923 г. через японского консула в г. Владивостоке была передана нота на имя министра иностранных дел Японии Я. Утида. В ней говорилось о том, что русская шхуна "Вега" и русский катер "Анна" были потоплены японскими пиратами близ Сахалина, а команды судов перебиты. В советской прессе сообщалось: "Как сообщают некоторые японские влиятельные газеты, в пиратских действиях принимают участие чины японских таможен и другие лица, имеющие отношения к местным японским властям"[88]. Правительство РСФСР призывало Японское Императорское Правительство принять меры к строгому расследованию данных инцидентов.

В Москве ссылались на то, что СССР не имеет на Дальнем Востоке флотов, следовательно, охрану должны были обеспечить японские ВМС. Так как они позволили вывести русскую эскадру из Владивостока адмиралу Старку, часть ответственности лежит на них.

После вывода войск Японией с территорий русского Дальнего Востока, американцев крайне волновал вопрос КВЖД и концессионный вопрос. В связи с успешными переговорами с японскими концессионерами американская миссия в Чите проявила крайнее беспокойство. В связи с этим, П.А. Кобозев телеграфировал в центр следующее: "Поочередно ежедневно являются ко мне Кук, Смит, Томас и Файмонвил[89]. Все стараются нащупать, не идет ли дело о военном союзе с Японией и с Чжаи Цзо-лином, очень настойчиво интересуются вопросом о КВЖД, добиваются возможности ездить по краю"[90]. В ответной телеграмме П.А. Кобзеву дали инструкцию донести до американцев, что в США с представителями СССР в официальные отношения вступать отказываются. Пока так обстоит дело, то и американским представителям не будут предоставлены привилегии сверх тех, что они уже имеют.

Более того, американского консула во Владивостоке обязывали получить консульскую экзекватуру, в связи с чем правительство США

---

[87] Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик от 30 декабря 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 6. – С.118.

[88] Известия. – 1923. – 26 января.

[89] Кук и Смит – представители американской компании "Фар Истерн эксплорейшен компани" в Чите; Томас – неофициальный представитель США в Чите; Файмонвил – военный атташе при неофициальном представительстве США в Чите.

[90] Телеграмма Председателя Дальневосточного Революционного Комитета из Читы в Народный Комиссариат Иностранных Дел РСФСР от 18 апреля 1923 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 6. – С. 256.

должно было заключить с СССР особое соглашение об обмене консульствами. Стоит отметить, что данные меры составляли обычную дипломатическую практику и не подразумевали ничего экстраординарного.

Между СССР и Японией стали происходить пограничные инциденты. Так, 20 апреля 1923 г. Л. Карахан отправил ноту министру Я. Утида с требованием прекратить вооруженные нападения. В ноте говорилось: "17 апреля в 1 час ночи 15 японских вооруженных жандармов перешли пограничную линию реки Тумень-ула и напали на русский пограничный пост Чекаснме, находящийся на левом берегу этой реки, захватив в плен двух пограничников из русской охраны"[91].

В Японии стали проявлять интерес к возобновлению отношений, предлагалось немедленно провести обмен коммерческими агентами. В советской прессе 29 апреля было опубликовано сообщение: "За последний месяц Советским правительством было двукратно (30 марта и 24 апреля) получено официальное предложение японского правительства о частичном, впредь до заключения русско-японского договора общего характера, возобновлении сношений между Японией и Россией"[92].

Суть японских предложений состояла в следующем: Япония посылает своих агентов во Владивосток, Никольск-Уссурийск, Читу, Благовещенск, Николаевск-на-Амуре, Петропавловск и Москву; Советское правительство посылает своих агентов в Иокогаму, Нагасаки, Цуругу, Хакодате и Гензаи (Корея). Стоит отметить, что агенты должны были воздержаться от всякой прямой или косвенной пропаганды в той стране, в которой они находятся. Для начала скорейшего обсуждения советскому представителю в Японии было предоставлено право использования "шифра". В ответ министерству иностранных дел Японии была направлена нота[93], в которой японскую сторону призывали озаботиться возвращением пяти русских судов[94] и двух катеров, находящихся в Гензане. В случае успешного решения этого вопроса советская сторона обещала прийти к скорейшему соглашению с Японией.

1 сентября 1923 г. в Японии произошло сильнейшее землетрясение, разрушившее регион Канто. Практически полностью были разрушены г. Токио и Йокагама. В связи с этим, 4 сентября 1923 г. в СССР был издан

[91] Нота Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР Министру Иностранных Дел Японии Утида от 20 апреля 1923 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 6.– С. 257.
[92] Известия. – 1923. – 29 апреля.
[93] Нота Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР Министру Иностранных Дел Японии Утида от 30 апреля 1923 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 6. – С.274-275.
[94] Транспорты "Монгугай", "Эльдорадо", "Охотск", канонерская лодка "Манджур", посыльное судно "Защитник" и катера "Воевода" и "Ординарец".

декрет [95] об оказании помощи Японии. Одновременно с декретом правительство СССР направило ноту [96] с намерением оказать посильную помощь пострадавшим от землетрясения. 5 сентября М.И. Калинин отправил телеграмму Дальневосточному революционному комитету: "Немедленно отдайте распоряжение о посылке пароходов и продовольствия для оказания помощи пострадавшему населению Японии"[97]. 19 сентября 1923 г. был издан декрет ВЦИК [98], постановивший: образовать при Президиуме ВЦИК специальную комиссию по оказанию помощи пострадавшему трудящемуся населению Японии; авансировать в распоряжение комиссии 200 тыс. рублей золотом; предложить не облагать таможенными пошлинами грузы, отправляемые в адрес организаций по оказанию помощи пострадавшим в Японии; предложить установить бесплатную перевозку грузов из СССР в Японию и установить льготный тариф для иностранных грузов для Японии; организовать врачебный отряд для оказания помощи пострадавшим; поставить вопрос о сдаче на льготных условиях лесных делянок на Дальнем Востоке пострадавшим японцам и т.д.

12 сентября в порт Йокагамы прибыл пароход "Ленин" с грузом гуманитарной помощи. Но японские власти не позволили разгружать, и судно вынуждено было отплыть обратно. Причина была в том, что на борту, по мнению японских властей, находились японские коммунисты и коммунистическая литература, отсюда ими был сделан вывод, что настоящая цель прибытия судна это ведение пропаганды коммунизма. Г.В. Чичерин все обвинения отвергал, в своем сообщении заграничным представителям СССР он утверждал: " Никаких осмотров парохода не производилось и совершенно неверное сообщение о том, якобы на пароходе имелась коммунистическая литература, основано на чистейшем измышлении" [99]. Причиной недоразумения Г.В. Чичерин назвал желание "японской реакции" раздуть скандал и отдалить сближение Японии и России.

7 октября 1923 г. Л.М. Карахан отправил на имя министра внутренних дел Японии С. Гото длинное письмо [100]. В нем он выражал сочувствие

---

[95] Декрет Совета Народных Комиссаров СССР об оказании помощи Японии в связи с постигшей её катастрофой от 4 сентября 1923 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 6. – С. 427.

[96] Нота Правительства СССР Правительству Японии от 4 сентября 1923 г.// Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 6. – С. 427.

[97] Известия. – 1923. – 5 сентября.

[98] Декрет Центрального Исполнительного Комитета СССР об оказании помощи трудящимся Японии в связи с постигшей её катастрофой от 19 сентября 1923 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 6. – С. 449-451.

[99] Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР всем представителям СССР за границей от 21 сентября 1923 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 6. – С. 451.

[100] Письмо Представителя СССР в Китае Министру Внутренних Дел Японии Гото от 7 октября 1923 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 6. – С. 466-473.

пострадавшему в ходе стихии народу Японии. Говорил об инциденте с пароходом «Ленин» как о недостойном. Повинными в инциденте указывал "белые элементы" и японские реакционные круги. Обосновывал необходимость быстрого урегулирования русско-японских отношений путем заключения договора по типу "Рапалльского". Просили Японию не оглядываться на другие страны и пойти на сотрудничество с СССР.

Так же стоит отметить, что продолжение экономических отношений представлялось мало возможным без установления дипломатических официальных отношений, на что Л.М. Карахан обращал особое внимание. 24 октября 1923 г. Л.М. Карахан сделал заявление для японской печати. По поводу начала переговоров в нем говорилось: "Если верно сообщение одного японского агентства, что министерство иностранных дел Японии ждет нашего формального предложения о начатии переговоров и примет их без колебаний, то такие формальные предложения уже давно сделаны"[101]. Таким образом, представитель СССР декларировал полную готовность к переговорам с Японией и ожидал её официального предложения.

27 октября 1923 г. посланнику Японии в Китае К. Иосидзаве была передана нота [102] от представителя СССР в Китае Л.М. Карахана. В ней выражался протест по поводу двух инцидентов. В первом случае 17 сентября 1923 г. в гавань Самарга вошел с потушенными огнями японский пароход "Сидней Мару" и самовольно без разрешения местных властей начал вывозить имущество концессии, данной в свое время японским гражданам. Местные власти запретили вывоз имущества, и пароход ушел из гавани. Но 20 сентября вернулся с двумя японскими миноносцами и под угрозой применения силы продолжил погрузку имущества концессии, попутно уничтожая все, что не мог увезти с собой. Другой инцидент произошел 10 октября 1923 г. – четыре японских миноносца вошли без разрешения в территориальные воды СССР и задержали в дельте Амура русское судно, которое занималось вылавливанием мин в Сахалинском канале. Задержали это судно на 48 часов, после чего забрали 6 буев и увезли с собой обстановку фарватера, добытую из канала. Правительство СССР требовало принять меры для предотвращения повторений этих инцидентов, а так же возмещения убытков.

Японское правительство заявило, что не видят оснований принимать на себя обязательства возмещения убытков по внутренним соображениям.

[101] Заявление Представителя СССР в Китае Л.М.Карахана для японской печати от 24 октября 1923 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 6. – С. 486-487.
[102] Нота Представителя СССР в Китае Посланнику Японии в Китае Иосидзава от 27 октября 1923 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 6. – С. 490-492.

Очевидно, что данные инциденты свидетельствовали обо все еще сохраняющейся напряженности и наличии серьезного недопонимания между двумя государствами.

Интересной представляется переписка министра внутренних дел Японии С. Гото и Г.В. Чичерина. С. Гото писал Г.В. Чичерину о том, что он уже имеет дружественные отношения с А.А. Иоффе и хотел бы установить такие с Г.В. Чичериным. Далее С. Гото писал о том, что он имеет схожие взгляды со своими советскими друзьями, но с позиции интересов своего государства; что он большой сторонник налаживания взаимоотношений между двумя великими государствами. Писал об особой роли Японии и СССР на Тихом океане. Поддерживал идею создания русско-японского кредитного банка. Однако признавался в том, что вынужден занять выжидательную позицию, так как в японских властных кругах усилилась "реакция", особенно после землетрясения в сентябре. В одном из ответных писем Г.В. Чичерин писал Гото: "Я считал весьма полезным иметь возможность установить непосредственный контакт с одним из самых видных государственных деятелей великой соседней с нами страны на Дальнем Востоке. То, что Вы, г. Министр, сделали для сближения между нашими странами, несомненно, принесет очень скоро обильные плоды"[103].

Таким образом, можно говорить о том, что в Японии имелись серьезные сторонники сотрудничества с СССР, однако даже они не могли выступать открыто в защиту своей позиции, опасаясь за свою судьбу. Сильными в Японии были антисоветские круги. К тому же, действия СССР в ряде случаев серьезно подрывало диалог между двумя государствами; например, инцидент с пароходом "Ленин" акция явно авантюрная.

Серьезной проблемой было то, что японские консульства в сотрудничестве с белыми элементами на Дальнем Востоке вели подрывную деятельность. В марте 1924 г. чекисты раскрыли во Владивостоке японскую резидентуру, которая занималась сбором сведений экономического и политического характера, а так же следила за состоянием боевой готовности армии и флота. Субсидировалась она японским военным министерством, а для шпионажа у нее имелось несколько конспиративных квартир. Органы Приморского ГО ОГПУ арестовали 29 чел., в том числе 19 японцев. Среди арестованных были японские дипломаты: вице-консул Т. Гундзи и секретарь консульства Осакабе, уполномоченный корейского генерал-губернатора

[103] Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Министру Внутренних Дел Японии Гото от 18 декабря 1923 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 6. – С. 549.

Харуда, а так же поддерживающие связь с консульством офицеры Мацуй и Минодзума[104].

Арест высокопоставленных дипломатических лиц вызвал негодование со стороны японского правительства. Так же в ноте от 10 июля 1924 г. правительство СССР обозначило свою позицию по вопросу КВЖД в отношении Японии. В данной ноте говорилось: "Правительство Союза Советских Социалистических Республик заявляет, что вопрос о Китайско-Восточной железной дороге является исключительно делом Союза Советских Социалистических Республик и Китайской Республики и что никакая другая держава или граждане любой другой державы не могут иметь каких-либо прав или интересов в отношении Китайско-Восточной железной дороги"[105]. Господин К. Иосидзава в ответной ноте от 4 октября 1924 г. указывал, что права японцев "само собой" не могут быть нарушены соглашениями Китая и СССР. Он просил подтверждения этой мысли у советского представителя в Китае Л.М. Карахана. Но в ноте от 25 октября 1924 г. Л.М. Карахан заявил: "никакое соглашение между Союзом и Китайской Республикой о Китайско-Восточной железной дороге не может затронуть каких-либо интересов или прав Японии, японских граждан или какой-либо третьей державы, ибо, за исключением Китая, ни одна иностранная держава или её граждане не имеют никаких прав или интересов в отношении Китайско-Восточной железной дороги" [106] . Тем самым возникала противоречивая ситуация, когда правительство СССР вообще не признавало в вопросе о КВЖД японскую сторону. Это отрицательно влияло на ход переговоров о совместном соглашении.

В конце декабря 1924 года переговоры все же возобновились. Советская пресса сообщала: "27 декабря после более чем месячного перерыва возобновились советско-японские переговоры. Японский посланник в Пекине Иосидзава в связи с последними условиями, предложенными т. Караханом в ноябре 1924 г., получил из Токио следующие инструкции: японское правительство заявляет о невозможности немедленно эвакуировать войска с Сахалина ввиду зимнего времени" [107] . Л.М. Карахан вскоре телеграфировал Г.В. Чичерину: "японцы вовсю торопятся сами. В субботу или воскресенье прибудет курьер из Токио с полномочиями от императора,

[104] Куртинец, С.А. Разведывательно–подрывная деятельность японского консульства во Владивостоке в начале 20–х голов XX века / С.А. Куртинец // Власть и управление на Востоке России. – 2011. – № 1 (54). – С. 100-104.
[105] Нота Полномочного Представителя СССР в Китае Посланнику Японии в Китае Иосидзава от 10 июля 1924 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 7. – С. 396.
[106] Известия. – 1924. – 28 октября.
[107] Известия. – 1925. – 4 января.

которые, по заявлению Иосидзава, не могли быть даны ранее. Итак, подпишем конвенцию в понедельник или вторник"[108].

20 января 1925 г. была подписана "Конвенция об основных принципах взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией"[109]. Конвенцией устанавливались дипломатические и консульские отношения. Портсмутский договор 1905 г. оставался в силе. Договаривались об основах экономических взаимоотношений, рыбных, торговых и других (минеральные, лесные и рыбные концессии). Так же было записано об обязательствах обоих сторон не допускать на своей территории действия антиправительственных (претендующих на звание правительств) организаций или групп и всех, кто им сочувствует. Конвенцию составили в двух экземплярах. Устанавливался порядок её ратификации.

К основному тексту конвенции прилагалось два протокола. В протоколе "А" разрешался вопрос о движимом и недвижимом имуществе, принадлежавшем консульствам и посольствам. Вопросы о долгах (Царского и Временного правительств перед Японией) оставлялись на будущие переговоры. Устанавливали срок эвакуации с северного Сахалина, как только позволят климатические условия (к 15 мая 1925 г.).

Протоколом "Б" правительство СССР предоставляло Японии 50 % концессию на каждое из эксплуатируемых нефтяных месторождений на Северном Сахалине. Японским концернам разрешалась разведка новых нефтяных месторождений на восточном побережье северного Сахалина на площади в 1 тысячу квадратных верст[110]. Предоставлялась концернам Японии и угольная концессия на Северном Сахалине. В качестве платы японские концессионеры обязывались предавать от 5 до 8 процентов по угольным месторождениям и от 5 до 15 процентов по нефтяным. Для нужд концессий концессионерам разрешалось рубить деревья и возводить объекты инфраструктуры. В декларации к соглашению отдельно указывалось, что СССР не разделяет политической ответственности за "Портсмутский мир", заключенный царским правительством с Японией.

Таким образом, до вывода японских войск с территории северного Сахалина с момента подписания конвенции оставалось 5 месяцев. Это

---

[108] Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае Народному Комиссару Иностранных Дел СССР Г.В.Чичерину от 14 января 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 66.

[109] Конвенция об основных принципах взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией от 20 января 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 70-77.

[110] 1000 кв. верст = 1 138.06224 кв. километров

подтверждалось последующим обменом нот [111], в котором К. Иосидзава соглашался с условиями советской стороны. 25 февраля 1925 г. поступило сообщение[112] о том, что Япония ратифицировала конвенцию.

25 января 1925 г. Г.В. Чичерин телеграфировал Л.М. Карахану следующее: "Из Токио поступило сообщение РОСТА о том, что местные белогвардейцы спешно очищают здание нашего посольства в Токио, унося с собой важные документы, ценные вещи и имущество. Если это так, то нужно принять экстренные меры к недопущению расхищения"[113].

Это могло говорить о скорой передаче здания посольства в распоряжение СССР и о расторжении сотрудничества с прежними представителями русской власти. Очевидно, что более это не имело смысла. Были установлены официальные отношения между двумя странами. Успех конвенции обеспечила как общая позиция СССР и Японии, так и старания отдельных частных лиц, таких как С. Гото. и А.А. Иоффе, ведущих между собой неофициальные переговоры. Кроме того, Японию двигал большой экономический интерес, а советскую сторону более волновали вопросы признания и проблема северного Сахалина. Большинство историков выражает мнение, что конвенция между СССР и Японией содержала большое количество уступок последней. Тем не менее, стоит отметить, что вопрос о долгах царского и временного правительства перед Японией переносился конвенцией на дальнейшие переговоры, а вопрос о Северном Сахалине разрешался уже в конвенции. Это при том, что Япония и так его контролировала. Можно сделать вывод, что в обмен на уступки экономические Москва получила уступки политические и конвенция, таким образом, являлась плодом взаимного сотрудничества.

1.3. Советско–японские отношения во второй половине 20-х годов XX века.

Одной из первых получила развитие проблема судов, уведенных "белыми" из Владивостока. Одно из судов, под названием "Защитник", служившее минным тральщиком было обнаружено в порту "Дагу Бар". Судно стояло там под японским флагом, и было переименовано в "Тайто–

[111] Обмен нотами между Уполномоченными СССР и Японии в связи с подписанием Конвенции об основных принципах взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией от 20 января 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С.78-79.
[112] Известия. – 1925. – 25 февраля.
[113] Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Л.М. Карахану от 25 января 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 97.

Мару". Происхождение судна не вызывало сомнения у советской стороны. В ноте[114], адресованной К. Иосидзава, Л.М. Карахан просил японского консула в Дагу наложить арест на судно. Далее должен был произойти совместный осмотр судна и передача в управление консула от СССР. В ответной ноте от 9 февраля 1925 г. К. Иосидзава обещал сообщить как можно скорее японскому правительству об этом факте и в скором времени дать ответ. Одновременно Л.М. Карахан отправил ноту [115] (МИД Китая) китайским властям с просьбой о возврате судна, которое охраняется китайскими солдатами. Говорилось в ноте о возможной ответственности китайских властей за судьбу судна (в виде возмещения убытков) в случае, если его не вернут СССР.

Китайский МИД в ответной ноте (от 4 апреля 1925 г.) сообщил, что русское судно действительно находится на ремонте в доках Дагу, китайские солдаты его не охраняют. По заявлению японского коммерсанта Цуруока в морской таможне договор на покупку этого судна был засвидетельствован японским консулом. Японское правительство представило доклад китайскому правительству о том, что оно берет на себя ответственность в этом вопросе. Более того, китайское правительство решило, что ему неудобно вмешиваться в дела японского коммерсанта, особенно когда его поддерживает японское правительство. В дальнейшем власти Китая не желали брать на себя ответственность в этом вопросе и всячески уклонялись от выдачи судна.

1 мая 1925 г. начался процесс принятия северного Сахалина из рук японской администрации. По этому поводу было составлено "Детальное Соглашение о передаче управления и об окончании оккупации на Северном Сахалине между представителями СССР и Японии"[116], в нем командующий японскими силами и полномочная комиссия ЦИК СССР по принятию Северного Сахалина на совещаниях в г. Александровске пришли к соглашению. Основные пункты гласили о том, что командующий японской оккупационной армией передает управление комиссии от СССР порайонно (устанавливались сроки и координаты). Начиналась передача 4 апреля 1925 г., конечным сроком обозначалось 15 мая 1925 г. Передавались советской стороне все документы, касающееся дел до оккупации Северного Сахалина, а так же дела за время оккупации. Передавалось все казенное и общественное имущество, взятое при оккупации японцами. Все частное

[114] Нота Полномочного Представителя СССР в Китае Посланнику Японии в Китае Иосидзава от 3 февраля 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 114.
[115] Нота Полномочного Представительства СССР в Китае Министерству Иностранных Дел Китая от 3 февраля 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 116.
[116] Советский Сахалин. – 1925. – 1 ноября.

имущество тоже подлежало передаче, если оно не имело владельца или было изъято за время оккупации японской армией.

Сразу возник ряд хозяйственных вопросов, которые пожелало обсудить японское командование на Сахалине. Например, вопрос о вывозе леса, заготовленного японскими лесопромышленниками, в количестве 700 кубов. Советская сторона ответила, что вывоз возможен при уплате денег и сборов. По многим вопросам советская сторона пошла навстречу японским представителям.

В основном вопросы были связаны с арендными отношениями. В рыбном вопросе советские представители так же пошли на сотрудничество. В письме генералу Иноуэ Кацудзи от комиссии ЦИК СССР по приему о. Сахалина говорилось: "Полномочная Комиссия признает возможным в виде исключения, принимая во внимание приближение срока хода сельди, назначить в г. Александровске торги на сдачу 5 участков сельди и горбуши, находящихся к югу от г. Александровска. Что же касается остальных участков, включая сюда и 5 рыболовных участков сельди и горбуши, в случае таковые участки не будут заторгованы, то Полномочная Комиссия готова оказать содействие скорейшему назначению в г. Хабаровске в установленном порядке торгов на них" [117]. В ответном письме генерал К. Иноуэ выражал удовлетворение, и отмечал, что правительство СССР всегда заботится о благе и благоустройстве населения без различия по национальному признаку.

14 мая 1925 г. был подписан "Акт" [118], свидетельствующий о восстановлении суверенитета СССР на Северном Сахалине и выводе японских войск.

Встал вопрос об открытии торговых представительств СССР в Японии. В памятной записке, врученной Б.М. Мельниковым 5 мая 1925 г. поверенному в делах Японии в СССР Н. Сато, говорилось: "Стремясь к скорейшему возобновлению в полном объеме торговых и экономических сношений между СССР и Японией Правительство СССР намеренно немедленно открыть в Японии Торговое Представительство, как это установлено практикой сношений СССР со всеми странами" [119]. Оговаривалось, что представительство следует считать частью посольства

[117] Письмо Полномочной Комиссии ЦИК СССР по принятию Северного Сахалина Уполномоченному Правительства Японии генералу Иноуэ от 11 мая 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С.267-269.

[118] Акт, подписанный членами Полномочной Комиссии ЦИК СССР по принятию Северного Сахалина и Уполномоченным Правительства Японии от 14 мая 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 286.

[119] Памятная записка Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Поверенному в Делах Японии в СССР Сато от 5 мая 1925г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 274.

СССР. В его обязанности должно было входить: содействие развитию торговых и экономических отношений между СССР и Японией, регулирование внешней торговли между СССР и Японией, совершение торговых операций от имени СССР на территории Японии. Помещение торгпредства следовало считать экстерриториальным и персонал техническими сотрудниками посольства СССР.

Вскоре обнаружилась еще одна проблема, связанная с имуществом СССР. Суть проблемы была изложена в ноте [120] от полномочного представителя СССР министерству иностранных дел Японии. Дело обстояло в том, что, по мнению советской стороны, ряд японских банков хранит денежные сумы, внесенные чиновниками бывшего правительства, а так же представителями различных организаций и групп, которые вели на территории СССР гражданскую войну против советского правительства. А в соответствии с протоколом пекинской конвенции эти средства, по мнению советской стороны, должны теперь рассматриваться как имущество СССР. Следовательно, подлежат возврату советскому государству.

Как пример, указывались вклады, внесенные атаманом Семеновым в Токийское отделение банка "Yokohama Specie Bank", в отношении этих вкладов советская сторона просила принять меры по возврату средств. На это МИД Японии ответил нотой от 22 июня 1925 г., в которой говорилось, что "если даже предположить, что вклады собственность какой-либо казны, то и тогда невозможно считать, что они принадлежат одному из посольств или консульств". Говоря по-простому, японское правительство оснований для выдачи вкладов не видело вовсе и обязательств на него по этому вопросу возложить нельзя.

Важным после установления официальных отношений между Москвой и Токио стало налаживание прежних путей сообщения. Так, посольство Японии в СССР выдвинуло ноту, в которой предлагалось созвать конференцию для решения следующих вопросов: открыть прямое пассажирское и товарное сообщение между Японией, Маньчжурией и СССР; созвать для этой цели конференцию в Москве; направить на конференцию своих делегатов, по возможности с представителями железнодорожного бюро Корейского генерал–губернаторства, Южно–Маньчжурской железной дороги и "Осака–Тёсён кайся" (Осакская пароходная компания).

16 июня последовал ответ от наркома иностранных дел СССР в виде ноты. В ноте сообщалось: "Народный Комиссариат по Иностранным Делам

[120] Нота Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии от 8 июня 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 358.

настоящим доводит до сведения Японского Посольства, что он против предложенного плана конференции по облегчению сообщения между Японией и СССР не возражает"[121].

Переговоры возобновились 2 сентября 1925 г. В ноте[122] от советского правительства по этому поводу сообщалось, что есть принципиальное согласие по основным пунктам. Кроме того, идя навстречу Японии, СССР приглашал на переговоры представителей Эстонии и Латвии, дабы было возможно установить сообщение Японии с Европой через территорию СССР.

15 июля 1925 г. состоялось вручение верительных грамот послом Японии в СССР Т. Танака. Т. Танака заявил: "Дружба между нашими народами не может исключительно основываться лишь на материальных выгодах, проистекающих от экономического обмена. Дабы установить между нами узы прочной дружбы, необходимо, чтобы они взаимно понимали и уважали усвоенную каждой из сторон цивилизацию и одушевляющие их новые идеи. В этом убеждении я направляю все свои усилия к установлению прочного мира между нашими народами, а равным образом к обеспечению полного развертывания их экономических взаимоотношений, неизменно принимая во внимание как их историю и особенности их концепции, так и интересы, которые их взаимно связывают"[123].

Таким образом, посол Т. Танака по сути говорил о том, что уважает идею построения советского государства. Обращал внимание на необходимость культурного обмена между СССР и Японией. Что же касается экономического обмена, то по этому поводу еще 23 июня 1925 г. Г.В. Чичерин писал полномочному представителю СССР в Японии В.Л. Клопу следующее: "Что касается нашей будущей торговли с Японией, то она, конечно, сильно нуждается в нашей рыбе, сырье, лесе, но у нас относятся скептически к тому, что мы можем оттуда привозить"[124]. В том же письме указывалась главная, по мнению Г.В. Чичерина, проблема в отношениях с Японией, - это вопрос о КВЖД. Таким образом, экономическое сотрудничество на тот период представлялось советской стороне скептически. Г.В. Чичерин отмечал, что от Японии он видел большее стремление к сближению с СССР, нежели от иных стран.

---

[121] Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Японии в СССР от 16 июня 1925 г.// Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 374.

[122] Нота Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии от 2 сентября 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 516.

[123] Известия. – 1925. – 16 июля.

[124] Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии В.Л. Коппу от 13 июня 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 381.

В августе 1925 г. японский посол Т. Танака запросил разрешения на вывоз 10000 тонн нефти из района Охи на восточном побережье северного Сахалина. Проблема заключалась в том, что концессионный договор, разрешающий вывоз нефти и угля, еще не был подписан. Его подписание предполагалось только в октябре, ноябре 1925 г. Тем временем нефтехранилища заполнились, и добыча нефти приостанавливалась, к тому же вывозу зимой помешали бы сложные климатические условия. В ответе советского правительства, изложенного в ноте[125] послу Японии, говорилось о том, что вывоз разрешается после уплаты вывозных пошлин. Для этого из Москвы давались указания местным властям.

Неоднократными стали случаи захода военных кораблей Японии в территориальные воды СССР. Япония запрашивала на это разрешения, но не получила одобрения Москвы, после чего плавания Японских ВМС в воды СССР продолжилось без разрешения СССР. Так, в ноте посольству Японии описан один такой случай: "Для подтверждения факта нахождения в пределах 12-ти мильной зоны без разрешения Правительства Союза ССР японских военных судов Народный Комиссариат приводит случай, когда 9 июля у селения Усть-Камчатск был обнаружен миноносец "Минэкадзе". Несмотря на протест местных властей, он простоял сутки в пределах 12-мильной зоны. Командир миноносца, на запрос сторожевого судна СССР, объяснил присутствие в водах Союза охраной интересов японских рыбаков"[126]. В ответ японское правительство заявило о не признании 12-ти мильной зоны, ссылаясь на то, что в соответствии с нормами международного права морская юрисдикция государств распространяется на 3 мили от берегов.

Важной проблемой стали довольно грубое обращение полиции с различными лицами, так или иначе связанными с деятельностью советского посольства или СССР. Так, нападениям подвергались советские студенты, сотрудники посольства. Особым вниманием полиции стали пользоваться журналисты от СССР. Неоднократно нарушался принцип экстерриториальности посольских учреждений. По этому поводу представитель СССР в Японии В.Л. Копп отправил ноту[127] в МИД Японии. В ней он просил как можно скорее разобраться с ситуацией. К. Сидэхара в

[125] Нота Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Послу Японии в СССР Танака от 19 августа 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 492.
[126] Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Японии в СССР от 25 июля 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С.453-455.
[127] Нота Полномочного Представителя СССР в Японии Министру Иностранных Дел в Японии Сидэхара от 29 сентября 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 541-544.

беседе [128] с В.А. Коппом признал некорректное поведение полиции и пообещал в скором времени разобраться. Стоит отметить, что в это время наблюдался рост "милитаристских" настроений и подобная агрессивность наблюдалась не только в отношении указанных В.А. Коппом лиц, но и многих других.

Еще одним разногласием в отношениях с Японией послужил вопрос об участии в "Тарифной конференции" СССР. Чтобы узнать позицию Японии по этому вопросу, между В.А. Коппом и К. Сидэхара 21 сентября 1925 г. состоялась беседа. Из беседы В.А. Копп суммировал: "Япония не желает участия СССР на тарифной конференции; В случае желания СССР в ней участвовать, Япония сделает попытку свалить одиум отказа на Америку; Япония будет давить и, вероятно, уже давит на Китай, чтобы приглашение со стороны китайского правительства не состоялось"[129].

Вопрос был для Японии принципиальным и отражал интересы японских фирм в отношении Китая (железные дороги, пошлины и т.д.), кроме того в этом месте переплелись интересы многих держав. И пропускать еще одного участника, претендующего на реализацию части интересов в ущерб японских, было бы не целесообразно.

Не был решен вопрос о радиостанциях на Северном Сахалине. Дело было в том, что японские войска, покидая Александровск, вывезли с местной радиостанции значительную часть оборудования. Это противоречило пекинской конвенции. Более того, японские сотрудники телеграфа продолжали применять шифр. По всем этим вопросам советская сторона просила разобраться японское правительство. С изложением претензий и обстоятельств дела была составлена нота[130] для МИД Японии. В ответной ноте японское правительство обещало разобраться, но отмечало, что сведений по поводу радиооборудования не имеет. А по поводу применения шифра было решено, что данное действие не может вызывать возражений советской стороны, так как специальное соглашение по этому поводу еще не было подписано.

---

[128] Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии члену Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Л.М. Карахану от 5 октября 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 574.

[129] Доклад Полномочного Представителя СССР в Японии члену Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Л.М. Карахану от 30 сентября 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – Москва: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 549-551.

[130] Нота Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии от 17 октября 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 629.

Ответом советской стороны стала нота[131] от 13 ноября 1925 г., в которой говорилось о том, что хоть соглашение по поводу эксплуатации телеграфов еще и не подписано, однако существует факт передачи Северного Сахалина под юрисдикцию СССР, следовательно, все телеграфы должны работать по советским нормам. Япония не замедлила дать ответ, в котором оснований для претензий не только не видело, но и сообщало о следующем факте: "Наконец, оно считает необходимым заметить, что во время передачи оборудования [радиотелеграфной] станции в Александровске императорские власти, стремясь проявить свою добрую волю по отношению к советским властям, помимо имущества, принадлежавшего Союзу, безвозмездно передали ряд сухих аккумуляторов и полтора десятка других аппаратов японской принадлежности, с тем, чтобы избежать, по крайней мере в течение некоторого времени, какого-либо нарушения радиотелеграфной связи"[132]. Японцы сообщили о том, что по их данным станция в момент её захвата находилась в полном запустении. Очевидно, что претензия СССР звучала, по меньшей мере, одиозно.

Таким образом, на протяжении 1925 г. советско-японские отношения активно развивались в самых различных плоскостях. Наиболее значимыми были вопросы установления дипломатических и экономических связей. Японию более заботили вопросы экономического плана, советскую сторону более волновало признание и установление официальных отношений. Однако нельзя говорить, что экономическая сторона дела была на втором плане. Выходило так, что за счет экономических уступок советское правительство выторговывало политические по соображениям срочности. Так же стоит отметить, что советское руководство боролось за любые источники приобретения имущества. Будь то оборудование телеграфов или вклады, белогвардейские вклады в Японских банках. Однако успех данных мероприятий часто был сомнительным.

Была налажена система концессий между двумя странами. Более остальных Японию интересовали нефтяные и рыбные концессии. В вопросах концессий СССР часто шел навстречу японским предпринимателям и предоставлял им льготные условия. Не обходилось и без разногласий, несколько раз японские боевые суда заходили в акватории вод СССР под предлогом охраны японских рыболовов. Крайне непримиримую позицию занимала Япония в отношении китайских дел (особенно в отношении дел Южно-Манчьжурской железной дороги). Сильными были антисоветские

[131] Нота Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии от 13 ноября 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 664-665.
[132] Там же.

настроения в самой Японии, случались досадные инциденты с сотрудниками советского посольства и прочих сочувствующих СССР. Кроме того, этих самых сочувствующих нашлось немало, многие были видными государственными деятелями и сторонниками взаимовыгодного сотрудничества (Гото Симпэй). Нельзя не отметить заслуги советских дипломатов, которые проявили высокие навыки в ведении переговоров, особенно Л.М. Карахан и А.А. Иоффе. Благодаря их усилиям в Японии открывалось советское торговое представительство при большом сопротивлении японской администрации.

4 января 1926 г. начался процесс пересмотра Рыболовной конвенции 1907 г. На втором заседании советско-японской конференции по пересмотру Рыболовной конвенции 1907 г. важным пунктом было "построение советским государством рыбного хозяйства на Дальнем Востоке на рациональных началах, дабы избежать истощения рыбных ресурсов. Для этого лов рыбы требовалось контролировать"[133]. Кроме того, содержалось еще несколько пунктов и касались они характера ведения рыболовства и прав субъектов, это рыболовство осуществляющих. В 1927 году обсуждение этого вопроса продолжилось. В обмен на скорое продвижение рыболовного вопроса в качестве ответной меры от Японии ждали в СССР подписание политического соглашения. Японцы не торопились с соглашением, ссылались на то, что сначала надо уладить вопросы экономические. На переговорах в тоже время требовали все новых уступок. Как пример, можно привести следующий фрагмент телеграммы от поверенного СССР в Японии: "Снова при встрече я заявил Дэбути о нашей готовности подписать политическое соглашение, подчеркнув, что речь Сидэхара достаточно подготовила японское общественное мнение к оформлению дружественных отношений с Советским Союзом. Дэбути ответил, что японское правительство не сомневается в искренности наших дружеских чувств, но что подписание политического соглашения невозможно без предварительного исчерпания экономических частей Пекинской конвенции, то есть рыболовной конвенции и торгового договора"[134].

На беседе 7 января 1926 г. с Г.В. Чичериным разговаривал японский посол Т. Танака, он говорил о желании созвать конференцию для изменения "котиковой конвенции". С его слов котики сильно размножились и нуждались в сокращении численности. Растущая популяция котиков

[133] Рыболовная конвенция между Союзом ССР и Японией. – М., 1928. – С.44–45.
[134] Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Японии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л.М. Карахану от 17 февраля 1927 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1965. – Т. 10. – С. 54.

угрожала сокращением промысловой рыбы. При всем этом прежняя конвенция истекала в конце 1926 г. В ноте [135] от 16 февраля 1926 г. Г.В. Чичерин давал согласие от СССР на участие в конференции "по защите котиков". Обсудил Т. Танака и идею сельскохозяйственных концессий на Дальнем Востоке. К этой идее, правда, отнеслись скептически. Относительно китайских дел посол Т. Танака заверял, что господин Чжан Цзо-линь не является японской марионеткой. Так, посол еще добавил: "Имеются, впрочем, в Японии два течения, и военное течение стоит за интервенцию на материке. Либеральные элементы и даже генерал Танака, лидер Сэйюкай, стремится к тройственному сближению: СССР, Япония и Китай"[136].

Так, посол Т. Танака указывает на главные силы, противостоящие сближению Японии и СССР, "военное течение" с целью экспансии на материк.

В ноте [137], адресованной в МИД Японии, японских специалистов приглашали принять участие в конгрессе по развитию производительных сил Дальнего Востока. Конгресс должен был состояться в марте 1926 г.

21 февраля 1926 г. в городе Дайрене произошел неприятный инцидент. Группа русских эмигрантов забралась на посольство СССР и похитила флаг. На следующий день флаг нашли в районе трамвая № 5. Вскоре местной полицией был арестован некий Всеволод Сергеев, он сознался в том, что сорвал флаг и находился под стражей. Консул СССР сообщил квантунскому губернатору о происшедшем, просил разобраться и арестовать сообщников Сергеева.

Но тем не были приняты меры. В связи с этим, от СССР поступила нота [138] в адрес Японии. В ней просили разобраться уже правительство Японии. Требовали поймать сообщников и наказать по всей строгости, учитывая тяжесть совершенного деяния. А так же требовали принять меры по недопущению повторения такого рода инцидентов. Япония ответила нотой [139] от 28 апреля 1926 г., в которой говорилось, что Японское правительство немедленно связалось с квантунским губернатором по данному вопросу.

---

[135] Нота Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Послу Японии в СССР Танака от 16 февраля 1926 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1964. – Т. 9. – С. 102.

[136] Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Танака от 7 января 1926 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1964. – Т. 9. – С. 12-13.

[137] Нота Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии от 15 января 1926 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1964. – Т. 9. – С.28.

[138] Нота Полномочного Представителя СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии от 8 марта 1926 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1964. – Т. 9. – С.157-159.

[139] Нота Полномочного Представителя СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии от 8 марта 1926 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1964. – Т. 9. – С.157-159.

Квантунский губернатор представил доклад, в котором говорил о том, что все меры были приняты и упрек от правительства СССР в попустительстве и бездействии совершенно не обоснован. Японские власти, наоборот, вели это дело с большой тщательностью. Более того, сообщалось: "Хотя обвиняемый не является японским подданным, Императорское Правительство выражает сожаление по поводу случившегося и заверяет посольство Союза в том, что оно примет все меры в соответствии с существующими законами".

Таким образом, Японские власти заняли крайне осторожную позицию, демонстрируя дружественные намерения в адрес СССР. Ими быстро был задержан подозреваемый. Было возбуждено уголовное дел о нанесении оскорбления иностранному флагу. Более того, было заявлено о сожалении, хотя японские подданные отношения к инциденту и не имели.

Вскоре возникли разногласия по поводу японских концессий на Северном Сахалине, в основном горно-промысловых. Связано это было с тем, что японские концессионеры не заключили концессионных контрактов с правительством СССР после заключения пекинской конвенции. Следовательно, у них не было юридических оснований к продолжению своей деятельности на острове. По просьбе японского правительства им разрешалось вывезти добытые ископаемые, но имущество концессий оставалось в собственности СССР. Об этом было объявлено в ноте[140], направленной в посольство Японии. Японское посольство в ответной ноте сообщало, что не может согласиться с точкой зрения СССР по вопросу имуществ концессий на Северном Сахалине. Оно оставило за собой право на дальнейшее обсуждение этого вопроса. Вопрос получил развитие в ноте[141] посольству Японии в СССР от 21 декабря 1926 г. В этой ноте руководство СССР неизменно отстаивало ту же позицию. Японцы в ответе вновь не соглашались. Вопрос был спорным и оставался открытым.

26 июня 1926 г. между СССР и Японией было заключено "Временное соглашение о статусе Торгового Представительства СССР в Японии"[142]. В соглашении обговаривались функции торгового представительства. В общем, они заключались в ведении торговых операций от имени СССР в Японии. Обговаривались общие хозяйственные и юридические вопросы относительно процедуры запуска работы торгового представительства.

---

[140] Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Японии в СССР от 28 апреля 1926 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1964. – Т. 9. – С. 258.

[141] Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Японии в СССР от 21 декабря 1926 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1964. – Т. 9. – С. 591.

[142] Временное соглашение о статусе Торгового Представительства СССР в Японии от 23 июня 1926 г.// Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1964. – Т. 9. – С. 232-234.

В 1926 г. произошел неприятный инцидент с пароходом "Рёто-мару". Данный пароход был застигнут отрядом пограничной охраны за добычей краба в обход законов СССР. Однако ему пришел на помощь японский миноносец "Татикадзэ", под охраной которого он продолжил добычу краба. Власти СССР расценили этот шаг как применение силы и отправили протестную ноту [143] в посольство Японии в СССР. В ней японское руководство просили немедленно разобраться и выдать пароход. Японские власти в ответной ноте указали на то, что не видят самого факта применения силы, так как имеют другие данные об инциденте.

На собрании Российско-Восточной торговой палаты Г.В. Чичерин обосновывал особую важность налаживания торговых отношений с восточными странами. Говорил Г.В. Чичерин о том, какую важную роль играла торговая палата в налаживании отношений со странами востока. Его высказывание по поводу отношений: "Шаг за шагом, год за годом, день за днем налаживаются и нащупываются новые формы отношений между нами и странами Востока, и можно сказать, что громаден тот вклад, который внесла торговая палата в эти налаживающиеся взаимоотношения"[144]. Таким образом, восточное направление в советской политике занимало очень важную нишу.

В 1927 г. получил дальнейшее развитие спор по поводу принадлежности имущества некоторых угольных концессий на Северном Сахалине. Японские представители, как и прежде, отказывались подписывать документы о передаче имущества в собственность СССР. В ноте[145] от 15 марта 1927 г. посольству Японии в СССР, посольство Японии просили употребить свой авторитет, дабы склонить концессионеров к мирному разрешению спора. Японское посольство в ответной ноте заявило, что принимает сторону концессионеров в этом вопросе.

Так же в 1927 г. проявилась еще одна проблемная тема в отношениях с Японией. Касалось это "бессарабского протокола", на обсуждение проекта которого РСФСР не пригласили. Л.М. Карахан выслал телеграмму временному поверенному в делах СССР в Японии, в которой высказывал озабоченность намерением Японии ратифицировать протокол. Так, в телеграмме сообщалось: "Для нас поворот Японии в отношении ратификации бессарабского протокола является неожиданным и противоречащим той

[143] Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Японии в СССР от 16 июля 1926 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1964. – Т. 9. – С. 366.
[144] Известия. – 1926. – 14 октября.
[145] Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Японии в СССР от 15 марта 1927 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1965. – Т. 10. – С. 104.

линии сближения, которая наметилась за последнее время"[146]. Более того, Л.М. Карахан не понимал интересов Японии в Бессарабии в отличие от Италии, следовательно, Япония принимает это решение под влиянием Англии. Если это так, то этот курс направлен против СССР, резюмировал Л.М. Карахан. Кроме того, в силу бессарабский протокол вступал бы только, если его ратифицировали все подписавшие. М.М. Литвинов телеграфировал полномочному представителю СССР в Японии В.С. Довгалевскому по поводу ратификации бессарабского протокола: "вступление в силу зависит только от Японии, и это придавало бы японской ратификации особенно одиозный характер"[147].

Вскоре были достигнуты соглашения по большинству вопросов вокруг рыболовной конвенции. 22 марта 1927 г. посольству Японии в СССР была направлена нота с указанием на следующее: "Народный Комиссариат по Иностранным Делам имеет честь довести до сведения Японского Посольства, что ввиду переданного г. Послом Японии желания Японского Правительства о скорейшем назначении торгов на участки, с которых производится ловля сельди и сбор крабов, Правительство Союза Советских Социалистических Республик, идя навстречу этому желанию, готово немедленно назначить торги на сдачу в аренду этих участков" [148]. Выражалось стремление со стороны СССР к скорейшему заключению новой рыболовной конвенции. Японцы ответили нотой, в которой благодарили за уступки по поводу рыболовных участков, и выражали уверенность в достижении скорейшего согласия по вопросу новой конвенции. Одновременно Л.М. Карахан телеграфировал в Токио поверенному в делах СССР в Японии: "У нас создается впечатление, что посол Танака не склонен торопится с рыболовной конвенцией"[149]. Предлагалось надавить на японцев, чтобы те поторопились с конвенцией, устанавливался срок в 2-3 недели.

Налаживались советско-японские культурные связи. Так, 28 марта 1927 г. в МИД Японии была направлена нота [150] с просьбой оказать содействие в организации выставки изобразительного искусства СССР в

---

[146] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Японии от 15 марта 1927 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1965. - Т. 10. – С. 106.

[147] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии В.С.Довгалевскому от 15 апреля 1927 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1965. – Т. 10. – С. 164.

[148] Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Японии в СССР от 22марта 1927 г.// Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1965. – Т. 10. – С. 121.

[149] Телеграмма Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Японии от 23 марта 1927 г.// Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1965. – Т. 10. – С. 122.

[150] Нота Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии от 28 марта 1927 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1965. – Т. 10. – С. 124.

Токио. Выставка организовывалась "Всесоюзным обществом культурных связей с заграницей" при поддержке посла Танака. Суть ноты от СССР сводилась к просьбе освободить от уплаты пошлин предметы искусства, провести досмотр экспонатов в Токио, а не в Цуруге. Вскоре японцы сообщили об удовлетворении просьб. В 1927 г. СССР посетили такие деятели, как Акита Удзяку, Осанаи Каору и др. В 1928 г. с гастролями посетил СССР театр "Кабуки". Так, в телеграмме А.А. Трояноского Г.В. Чичерину говорилось: "По соглашению, заключенному с Кабуки, труппа в составе 45 человек выезжает между 10 и 15 июля и в течение августа даст 24 представления в Москве и Ленинграде"[151]. Кроме того, в 1928 г. в Японии открылась выставка, посвященная 100-летию со дня рождения Л.Н. Толстого. В 1929 г. в Японии было проведено памятное собрание в связи с 25-летием со дня смерти А.П. Чехова. Так же в 1931 г. в СССР состоялся концерт Коноэ Хидемаро, а в Японии музыкальный фестиваль, посвященный 50-летию со дня смерти М.П. Мусорского. Большая заслуга в организации этих мероприятий лежала на Японо-российской ассоциации. Её партнером с советской стороны был ВОКС[152].

По рыболовной конвенции вскоре правительством СССР были сделаны большие уступки. Так, в телеграмме от Л.М. Карахана представителю СССР в Японии говорилось: "Мы согласны предоставить право постройки и эксплуатации неограниченного числа заводов на срок аренды соответствующих рыболовных участков, идя дальше японского требования дать такое разрешение на 25 заводов"[153]. Изменялся в пользу японских концессионеров порядок набора трудовых кадров на предприятия. Значительно понижались долевые отчисления для концессий. Более того, японские предприниматели фактически оказывались в более привилегированном положении перед своими оппонентами. 10 октября закончились переговоры между Японией и СССР о заключении рыболовной конвенции, было достигнуто соглашение по всем основным вопросам. По сообщению прессы: "Ввиду того, что указанные выше тексты получили предварительное одобрение японского правительства, получение г. Танака формального полномочия на заключение конвенции ожидается в течение ближайших дней, когда и последует её подписание"[154]. Таким образом, в

[151] Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии Народному Комиссару Иностранных Дел СССР Г.В.Чичерину от 25 мая 1928 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1966. – Т. 11. – С. 338.
[152] ВОКС – Всесоюзное общество культурных связей с заграницей.
[153] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии В.С.Довгалевскому от 30 июня 1927 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1965. – Т. 10. – С. 326.
[154] Известия. – 1927. – 11 октября.

октябре 1927 г. проект рыболовной конвенции был одобрен и согласован обоими правительствами.

В рыбном вопросе было велико давление рыбопромышленников на Японское правительство. Любопытен отрывок из записи бесед С. Гото с представителем СССР в Японии: "Он подчеркнул, что наша позиция формально справедлива, что японское правительство в данном случае поступает вынужденно, под давлением рыбопромышленников и министра земледелия Ямато. Ввиду этого японскому правительству по чисто внутрипартийным соображениям необходимо как-нибудь удовлетворить рыбопромышленников"[155]. В этой же беседе С. Гото высказался, что хотел помочь в продвижении рыбного вопроса путем использования своего влияния на японское правительство и посла Танака.

После некоторых обсуждений вопроса, 23 января в 9 часов вечера была подписана рыболовная конвенция между СССР и Японией. Конвенция с одной стороны была подписана Л. Караханом и М. Лацисом, с другой – Т. Танака. Была ратифицирована в СССР 7 мая 1928 г. и 22 мая в Японии. 23 мая 1928 г. состоялся обмен ратификационными грамотами между СССР и Японией. Текст конвенции состоял из 16 статей, определял правила осуществления рыболовной деятельности. Изначально срок действия конвенции устанавливался на 8 лет, после чего она подлежала дополнительному рассмотрению. Главным новшеством было то, что запрещалось нанимать местных жителей. Это существенно снижало рентабельность концессий.

Возникли разногласия с Японией по вопросу ввоза оружия в Китай СССР. Японцы выслали ноту, а так же посол Т. Танака имел личную беседу у А.А. Трояновского, в которой пытался выяснить позицию СССР в данном вопросе. А 14 марта 1928 г. А.А. Трояновский телеграфировал Л.М. Карахану следующее: " японское правительство ждет благоприятного ответа на ноту по поводу запрещения ввоза оружия в Китай. Неблагоприятный ответ был бы большим ударом и даже оскорблением японского правительства и лично Танака. Он произвел бы тяжелое впечатление на Японию и поставил бы японское правительство в ложное положение. Неблагоприятный ответ означал бы, что Советский Союз предполагает ввозить оружие"[156].

В 1928 г. остро встал вопрос японо-советского соперничества в Маньчжурии. Так, Л.М. Карахан телеграфировал А.А. Трояновскому:

[155] Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с политическим деятелем Японии Гото от 8 января 1928 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1966. – Т. 11. – С. 13.
[156] Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л.М.Карахану от 14 марта 1928 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1966. – Т. 11. – С. 162.

"Японские газеты в Маньчжурии ведут против нас провокационную клеветническую кампанию, обвиняют нас в покушении на Чжан Цзо-линя, мукденских взрывах, коммунистических заговорах, подготовке восстания в Барге, переброске войск к границе и подготовке захвата КВЖД"[157]. Тут же консулами от СССР в Маньчжурии были поданы протестные ноты. В следующей, срочной телеграмме от Л.М. Карахана, по поводу обыска в Тяньцзине указывалось: "Японцы могут попытаться спровоцировать выступление китайских властей против нас и в Маньчжурии"[158]. Указывалось на то, что обыск в Тяньцзине был проведен китайскими властями под давлением Японии. В самой Японии представителю СССР ответили, что ни о какой антисоветской агитации в Маньчжурии понятия не имеют.

18 августа 1928 г. Л.М. Карахан телеграфировал А.А. Трояновскому: "Японцам удалось использовать антикитайские настроения монгольского населения Барги и спровоцировать их на восстание. К этой авантюре никакого отношения ни мы, ни внешняя Монголия не имеем, все сведения об участии конницы Внешней Монголии в "военных действиях" – японские измышления"[159]. Одновременно в советской прессе началась антикампания в ответ на нападки японских новостных агентств, обвинявших в событиях СССР.

В газете "Советская Сибирь" от 22 августа 1928 г. вышла статья под заголовком "Япония провоцирует восстание в Барге"[160]. В ней говорилось о том, что органами ГПУ во Владивостоке был обнаружен контрабандный груз японского оружия, предназначенного для переправки в Маньчжурию. Таким образом, отчетливо проявился один из эпизодов народившегося противостояния СССР и Японии в Маньчжурии.

Далее в телеграмме от Л.М. Карахана А.А. Трояновскому от 23 декабря 1928 г. говорилось: "Японцы, по имеющимся сведениям, занимаются провокационной работой в Барге. В частности, подкупают белогвардейцев для устройства выступлений, вроде имевшего на днях налета на станцию Унур. Цель, видимо, вселить в китайцев тревогу за монгольскую границу и

---

[157] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А.А.Трояновскому от 19 июня 1928 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1966. – Т. 11. – С. 399.

[158] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР советским консулам в Харбине, Шэньяне и Пекине и Полномочному Представителю СССР в Японии А.А.Трояновскому от 22 июня 1928 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1966. – Т. 11. – С. 476.

[159] Телеграмма Заместителя Нраодного Комиссара Иностранных Дел СССР Представителю СССР в Японии А.А. Трояновскому от 18 августа 1928 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1966. – Т. 11. – С. 401.

[160] Советская Сибирь. – 1928. – 22 августа.

усилить ведущуюся в некоторых китайских кругах кампанию против нас и Монголии"[161].

Интересный случай описал в телеграмме А.А. Трояновскому М.М. Литвинов: "Танака на прощальном визите почему-то спрашивал, интересуемся ли мы еще пактом о ненападении. Ответил утвердительно, так как предлагаемые нами пакты включают нейтралитет, чего нет в пакте Келлога, а, кроме того, судьба последнего неизвестна, между тем как двухсторонние пакты могут быть осуществлены легче и скорее. Также упомянул, что двухсторонние пакты о ненападении отчетливее символизируют дружбу, чем многосторонний пакт. Сообщаю на всякий случай для сведения"[162].

Это может говорить о желании японских правительственных кругов избежать прямого столкновения с СССР в будущем. Интересно то, что в этот момент серьезно усилились англо-японские противоречия в Китае. В силу этого, у Японии сужалось поле для политических маневров. Об этом сообщал Л.М. Карахан в письме [163] А.А. Трояновскому. По мнению Л.М. Карахана, США в этих противоречиях тоже играли большую роль, но при некоторой пассивности более активными он считал англичан. Противоречия в основном касались торговли и рынков в Азии. Относительно КВЖД японцев, по всей видимости, интересовала судьба южной ветки этой дороги. Так, Л.М. Карахан телеграфировал А.А. Трояновскому: "Вполне возможно, что некоторым японским деятелям мерещится возможность "взаимного понимания" на основе уступки им южной ветки (КВЖД), но об этом не может быть и речи"[164].

В 1929 г. 13 апреля умер граф С. Гото, который, по мнению многих современных исследователей, как отечественных, так и зарубежных, оказал большое влияние на процесс установления и нормализации отношений Японии и СССР. По этому поводу поверенному в делах Японии в СССР г. Сако была передана нота[165] с соболезнованиями.

---

[161] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А.А.Трояновскому от 23 декабря 1928 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1966. – Т. 11. – С. 633.

162 Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А.А. Трояновскому от 19 октября 1928 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1966. – Т. 11. – С. 543.

[163] Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А.А.Трояновскому от 12 октября 1928 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1966. – Т. 11. – С. 536-540.

[164] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А.А. Трояновскому от 31 января 1929 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1967. – Т. 12. – С.

[165] Нота Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Поверенному в Делах Японии в СССР Сако от 13 апреля 1929 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1967. – Т. 12. – С.154.

С. Гото предложил в 1928 г Г.В. Чичерину идею о "японо-русско-китайском союзе", если точнее, о совместной "защите и надлежащем руководстве" Китаем со стороны СССР и Японии. И.В. Сталин не поддержал данную идею, ссылаясь на важность освободительной борьбы в Китае. Однако перед СССР стояла проблема сохранения собственных прав на КВЖД. Вскоре дело дошло до вооруженного столкновения.

27 мая 1929 г. маньчжурские милитаристы организовали налет на советское генеральное консульство в Харбине. А 10-11 июля была захвачена КВЖД. Более 200 советских граждан – работников дороги – было арестовано, другие отстранены от своих должностей и заменены "белогвардейцами". Советское правительство вынуждено было отозвать всех своих дипломатических, консульских и торговых представителей из Китая, а так же работников КВЖД, прекратить всякую железнодорожную связь с Китаем.

Начались всяческие систематические нападения на советскую территорию, на селения и пограничные посты, обстрелы судов на Амуре. 6 августа 1929 г. приказом Реввоенсовета СССР была создана Особая Дальневосточная Армия, вскоре она разгромила и обезоружила основную группировку китайских сил. Действия этой армии склонили Китай пойти на мирные переговоры.

22 декабря 1929 г. в Хабаровске был подписан советско-китайский протокол. Протокол предусматривал восстановление в полном объеме деятельности всех советских должностных лиц и служб на КВЖД, освобождение всех без исключения советских граждан, арестованных в связи с конфликтом, разоружение белогвардейских отрядов и высылку из Маньчжурии их организаторов вдохновителей. Для восстановления дипломатических отношений с Китаем планировалось созвать конференцию. Она открылась 11 октября 1930 г. и такие важные вопросы, как восстановление дипломатических и торговых отношений, на ней не были решены.

В 1928 г. в Японии инициативу захватила Квантунская армия, она сделала первые шаги к захвату Маньчжурии. Был ликвидирован Чжан Цзолинь, взорван. В Китае ей предпринимались самовольные действия, правительство ставилось перед свершившимися фактами. Москва воспринимала эти факты, как империалистические амбиции Японии. Особенно неоднозначно воспринято было предложение МИД Японии

китайской стороне об устранении преимущественного положения СССР в управлении КВЖД.

Таким образом, можно говорить, что к концу 20-х – началу 30-х гг. с Японией установилась сложная система взаимоотношений, было налажено экономическое и культурное сотрудничество, установлены дипломатические отношения. Усилиями дипломатов открыты торговые представительства. Однако сближение породило возникновение большого количества хозяйственных споров. Сильны были и имущественные разногласия, не редко не было единой трактовки договоров и соглашений. Каждая сторона старалась трактовать их в свою сторону, это приводило к затяжным спорам и долгим переговорам. Япония все чаще требовала уступок, вплоть до передачи южной ветки КВЖД, на что руководство СССР пойти не могло. Не редки были прямые столкновения Японии и СССР, носившие, как правило, характер инцидентов. Японией велась активная антисоветская пропаганда, хотя официальный Токио все отрицал. Так же вызревали серьезные предпосылки для осложнения советско-японских отношений, особенно на почве конкуренции в Маньчжурии. Существенное влияние на двусторонние отношения оказывала политика западных держав, главным образом Англии и США, стремившихся проникнуть на азиатские рынки в ущерб интересам Японии. Япония в осуществлении своей политики в этом направлении нередко старалась опереться на Советский Союз.

Глава 2. Советско-японские отношения в 1931– 1941 гг.

2.1.Основные проблемы советско-японских отношений в 1931-1936 гг.

1931 год в советско-японских отношениях открывается разногласиями по "Чосен банку" во Владивостоке. 1 января 1931 г. посол Японии в СССР К. Хирота беседовал с Л.М. Караханом относительно условий разрешения конфликтной ситуации. Посол просил разрешить закрытому наркомфином "Чосен банку" продолжить деятельность и избежать дополнительного налога, который был наложен на банк советским правительством. Л. Карахан ответил, что вопрос, по его мнению, считается решенным, но пообещал донести до руководства точку зрения Японии на эту ситуацию. Обратил внимание посол К. Хирота на то, какой большой шум был поднят в советской печати по этому поводу. Л. Карахан ответил, что это результат ответа на критику со стороны японской прессы. В заключение беседы Л. Карахан отметил: "Я обещал Хирота в возможно ближайшее время дать ответ по вопросу о дальнейшем существовании "Чосен банка" на основе особого разрешения, хотя оговорился, что я лично не имею надежды на то, что эта просьба японского правительства будет удовлетворена, и ставлю её перед правительством только потому, что японское правительство официально просит Советское правительство этот вопрос рассмотреть"[166].

В начале 1931 г. в Токио шли переговоры относительно арендной платы за рыболовные участки. Переговоры находились на грани срыва, и японские рыбопромышленники подняли большой шум в прессе относительно этого. Звучали заявления о том, что СССР шантажирует Японских рыбопромышленников, диктуя условия в одностороннем порядке. Однако на деле ситуация была не так проста, СССР действовал в рамках рыболовной конвенции. В личной беседе с К. Хирота Л. Карахан подчеркнул особо еще одну тонкость ситуации: "Я так же подчеркнул, что большинство японских рыбопромышленников уже внесло арендные платежи и что упорство до сих пор проявляет одна лишь фирма "Нитиро". Если взять в конкретных цифрах существо спора, то речь идет о разнице приблизительно в 600 тыс. иен за год, которые фирма "Нитиро" отказывается платить. Хирота лучше меня знает, что эти 600 тыс. иен представляют лишь небольшую часть тех ежегодных сверхприбылей, которые эта фирма имеет от рыболовного промысла в наших

[166] Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Хирота от 1 января 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 10-13.

водах. Таким образом, спор идет не о возможности осуществления прав, предусмотренных рыболовной конвенцией , а речь идет о том что "Нитиро" не хочет лишится 600 тыс. иен сверхприбылей" [167]. Трудность вопроса заключалась в том что фирма "Нитиро" была связанна с влиятельнейшим японским кланом "Сацума" и фирмой "Мицубиси". Трудности, с которыми столкнулся временно исполняющий обязанности премьера К. Сидэхара в этом вопросе, по мнению К. Хирота, были непреодолимы. Этот факт демонстрирует силу влияния некоторых рыбопромышленных кругов на правительство Японии. Группа компаний "Мицубиси" представляла собой предприятия тяжелой промышленности, занималась авиастроением.

20 февраля 1931 г. послу Японии в СССР было сделано официальное заявление [168]. По существу в заявлении говорилось, что относительно арендной платы советская сторона соглашалась на компромиссный вариант в 35 иен, взамен требуемых 40, для японских рыбопромышленников. Относительно судьбы "Чосон банка" то решение о его закрытии не могло быть отменено. Советская сторона, не желая обострять отношения, после неоднократных уступок снова пошла на компромисс, хотя далеко не по всем вопросам. Стоит отметить, что японскому правительству приходилось действовать в условиях колоссального давления со стороны промышленных кланов.

25 февраля 1931 г. от Л. М. Карахана представителю СССР в Японии А. А. Трояновскому пришла телеграмма[169], в которой предлагалась обратить внимание японского МИДа на инцидент с советским пароходом "Лозовский", в отношении которого японская полиция допустила "возмутительное поведение" и дискриминацию, на пароходе был проведен обыск без ордера. Кроме того, японская полиция выдвинула требование выдать списки членов партии. Случай был не первым, и интенсивность инцидентов такого характера возросла, по этому поводу А. А. Трояновскому предлагалось устроить устный демарш. В ответной телеграмме А.А. Трояновский сообщал: "На Вашу телеграмму от 25 февраля 1931 г. Предложенный вами демарш уже

[167] Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Хирота от 14 февраля 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 84-88.
[168] Заявление Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л.М. Карахана Послу Японии в СССР Хирота от 20 февраля 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 93-95.
[169] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А.А.Трояновскому от 25 февраля 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 96.

сделан. МИД ссылается на глупость полиции, которая основывается на том, что пароход пришел в закрытый порт"[170].

Неуступчивость в рыболовном вопросе японская сторона объясняла особыми национальными чувствами к этому виду деятельности. Так в одной из бесед [171] посол К. Хирото говорил Л.М. Карахану, что испытывает смущение за те инструкции, которые он получает от правительства. Само же японское правительство находится под атаками оппозиции, а общественное мнение в Японии возмущено до предела. Условия, предложенные советской стороной в рыбном вопросе, как компромисс Японии, на удивление посла не принимались, что серьезно осложняло советско-японские отношения.

В докладе правительства VI съезду советов СССР сообщалось: "Наши отношения с Японией продолжают нормально развиваться в сторону дальнейшего упрочнения дружбы и необходимости взаимного понимания, основы которых заложены Пекинским соглашением. Я с удовольствием отмечаю тот факт, что за годы, прошедшие с момента подписания соглашения, и в частности за последние два года, не зарегистрировано ни одного политического конфликта между СССР и Японией. Вместе с тем, торговые связи между нами значительно развились, уже сейчас больше чем в 4 раза превышая размер довоенной торговли Японии с царской Россией"[172]. Официально Москва не признавала факт ухудшения отношений, а, напротив, заявляла об их улучшении, выражала уверенность, что компромисс в рыбном вопросе будет найден, и японский народ не пойдет на поводу у группы промышленников. Япония в докладе в отличие от многих других стран запада не была подвергнута яркой критике. В докладе говорилось так же и о факте углубляющегося экономического кризиса, который, несомненно, обострит отношения в капиталистическом лагере.

16 марта 1931 г. было совершено покушение на советского торгпреда Павла Аникева. По этому поводу посол Японии в СССР К. Хирота в беседе с Л.М. Караханом сообщил следующее: "что от японского корреспондента в Москве он узнал о покушении на торгпреда Аникеева. Он не имеет никакой информации от МИД и никаких инструкций, но счел своим долгом явиться, чтобы выразить лично от себя "свои симпатии" и соболезнование по поводу

[170] Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии заместителю Народного Комиссара Иностранных дел СССР Л.М. Карахану от 27 февраля 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 101.
[171] Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Хирота от 4 марта 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 107-112.
[172] Из доклада Правительства СССР VI съезду Советов от 8 марта 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 154.

печального случая, имевшего место в Токио"[173]. Покушение совершил некто "Сато". Л.М. Карахан выражал уверенность, что покушение организовано недовольными советской политикой представителями рыбопромышленных кругов. 17 марта в популярной у русских эмигрантов парижской газете "Последние новости" сообщалось: "Виновник покушения на торгпреда добровольно явился в полицию. Оказался он японцем, по имени Нобукатсу Сато. Сато заявил, что стрелял в Аникиева, возмущенный позицией большевиков в конфликте с японцами по вопросу о рыболовстве на Амуре" [174] . Обстоятельства покушения более подробно раскрывает телеграмма в народный комиссариат иностранных дел СССР, в ней сообщалось: "Сегодня в 9 часов утра, когда Аникиев, живущий на частной квартире и регулярно ездивший на службу, садился в автомобиль, в него стрелял неизвестный японец. Аникиев немедленно был отправлен в госпиталь университета Кэйо. По сообщению оттуда, он ранен тремя пулями – одна в руку, другая в ногу и третья в бок. Врачи считают положение не опасным. Стрелявший скрылся. Я предполагаю указать министерству, что это результат необоснованного возбуждения в верхней и нижней палатах, статей в прессе и информации в МИД о рыбных переговорах"[175]. Совокупно это подтверждает высказывание Л.М. Карахана о связи покушения с рыбным вопросом. Стоит отметить, что П. Аникиев к рыбным переговорам отношения не имел и стал жертвой, по всей видимости, из-за большого числа поездок, что упрощало подготовку покушения.

После покушения на П. Аникиева, А.А.Трояновский телеграфировал в Москву: "Сегодня как раз в верхней палате обсуждается резолюция по рыбному вопросу. Это аккомпанемент. Срочно шлите инструкции" [176] . В Японии в это время складывалась сложная и противоречивая обстановка, сильны были антисоветские выпады в обществе и прессе. О ненормальности сложившейся обстановки высказался в одной из личных бесед посол К. Хирота: "Вообще обстановка в Японии тяжелая и ненормальная. Покушения на государственных деятелей не редки: два премьера – Хара, Танака – были убиты, нынешний Хамагути – тяжело ранен"[177]. Интересную информацию отразил в своих мемуарах О.А. Трояновский, сын дипломата

[173] Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Хирота от 16 марта 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 199.
[174] Последние новости. – 1931. – 17 марта.
[175] Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии в Народный Комиссариат Иностранных дел СССР от 16 марта 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 201.
[176] Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР от 16 марта 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 202.
[177] Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Хирота от 17 марта 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 203.

А.А. Трояновского. Так, он писал следующее: "Было покушение на торгпреда Аникеева, в него стрелял японец при выезде из дома, где он жил. Очевидно, это покушение было связано с ведущимися в то время нелегкими переговорами по рыбной ловле. Этот вопрос всегда занимал важное место в отношениях между двумя странами, ведь продукты моря служат главной пищей японцев (видимо, поэтому Япония стоит на первом месте в мире по продолжительности жизни). В те первые годы в связи с массовыми арестами местных коммунистов было немало обвинений посольства в связях с местной компартией. Помнится, что такие события, как нападения на посольство, производили на мою тогда еще детскую психику сильное впечатление. Я всегда боялся, как бы что-нибудь не случилось с отцом"[178].

23 марта 1931 г. через А.А. Трояновского японскому правительству была вручена нота протеста, формально по поводу покушения на П. Аникева, но в ней оговаривалась и широкая антисоветская кампания в японской прессе. Японцы эту ноту проигнорировали. Вслед за этим правительством СССР было сделано официальное заявление[179], в нем все так же выражался протест на развернутую антисоветскую компанию. Переговоры в Москве по рыбному вопросу затягивались и шли крайне трудно, но в японской прессе их ход искажался, что возбуждало общественное мнение против СССР. 2 апреля в газете "Известия" было опубликовано сообщение ТАСС, в котором опровергались "измышления японской печати"[180] по поводу переговоров в Москве.

22 апреля 1931 г. со стороны посла К. Хирота поступило новое предложение относительно рыбного вопроса. Но предложение советскую сторону не устраивало, тогда К. Хирота заявил, что его пребывание в Москве бесполезно. Кроме того, Л. Карахан телеграфировал А.А. Трояновскому в Токио о заявлении К. Хирота: "отказался передать в Токио нашу новую уступку в 34 сены"[181]. Это могло говорить о том, насколько твердую позицию заняла японская сторона. Вероятно, посол предполагал, что даже такая серьезная уступка со стороны СССР неприемлема для японских промышленников. В телеграмме от А.А. Трояновского в Москву об его встрече с К. Сидэхара сообщалось: "Сидехара добавил, что ему, возможно,

[178] Трояновский, О.А. Через годы и расстояния: История одной семьи: историческая литература / О.А. Трояновский. – Москва. : ВАГРИУС, 1997.
[179] Заявление Правительства СССР Правительству Японии от 1 апреля 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 226.
[180] Известия. –1931. – 2 апреля.
[181] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А.А. Трояновскому от 22 апреля 1931 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 14. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 267.

придется в связи с рыбным вопросом уйти в отставку"[182]. После переговоров А.А. Трояновского с К. Сидэхара стороны все же пришли к временному соглашению. Тем временем, были установлены сроки ликвидации "Чосен банка", банк должен был быть ликвидирован к 20 мая 1931 г.

К предстоящим майским торгам на рыболовные участки японская сторона просила выставить на повторные торги ранее заторгованные участки. Советская сторона заявила, что участки уже заторгованы 22 апреля и повторно выставляться не будут. Тогда японский посол попросил при назначении торгов быть максимально справедливыми в оценке стоимости аренды участков.

2 мая 1931 г. в Авачинской бухте произошел инцидент с японским контрминоносцем "Юкадзэ", судно встало на якорь в трех милях от Петропавловска. Свой заход командир судна объяснил необходимостью охраны рыбопромышленников. На требования погранвластей покинуть бухту командир судна ответил отказом. По этому поводу Л.М. Карахан телеграфировал в Токио А.А. Трояновскому: "Обратите внимание японского правительства на то обстоятельство, что врученный нами проект соглашения о 12 мильной зоне не получил движения, несмотря на то, что действия японских судов, по всей вероятности, приведут в течение сезона к целому ряду конфликтов, ответственность за которые ляжет целиком на японское правительство"[183].

Видно, что японская сторона по-прежнему игнорировала советский проект о территориальных водах. Стоит отметить, что подобного рода конфликты происходили довольно часто. Японцы активно протестовали против тенденции, сложившейся на торгах, при которой преимущество стало отдаваться советским предприятиям и они заторговывали более прибыльные участки, в большем количестве.

18 сентября 1931 г. произошло событие, получившее в дальнейшем название "Маньчжурский инцидент". 19 сентября 1931 г. японский посол К. Хирота был вызван Л.М. Караханом для беседы. В ходе беседы посол уверял, что сам не имеет точного представления о произошедшем. Из той телеграммы, что посол получил, о событиях в Мукдене было известно следующее: "18 сентября 1931 г. в 10 часов вечера, к северу от Мукдена, китайские части направились на железнодорожную линию и разрушили

[182] Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л.М. Карахану от 23 апреля 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 272.

[183] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А.А.Трояновскому от 4 мая 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 310.

полотно железной дороги. Охрана ЮМЖД защищала линию от разрушения со стороны китайских солдат, в результате чего между китайцами и японцами произошло сражение. В Мукдене никакие сражения не имели места" [184]. В тоже время представитель Китая Мо Дэ-хой в беседе [185] с Л.М. Караханом выражал уверенность, что Китай не будет воевать с Японией. Мо Дэ-хой говорил о том, что, по его сведениям, японцы оккупировали ряд пунктов в южной Маньчжурии. 24 сентября Л.М. Карахан телеграфировал в Монголию следующее: "В связи с проводимой японцами оккупацией Маньчжурии, в частности с продвижением их по Таонаньской дороге, возможны провокационные действия их в Барге и на границе МНР. Можно ожидать активизации белогвардейцев, показателем чего является приезд в Маньчжурию атамана Семенова. Необходимо обратить внимание на восточный район МНР, наладить с ним связь и получение оттуда информации" [186]. Из этого следует, что 18 сентября 1931 г. началась оккупация Маньчжурии японцами. Вероятно, что император и центральный японский генералитет не имел представления о планах квантунского командования, но, узнав о событиях, сожалеть не стали. 14 ноября в советской прессе было опубликовано сообщение ТАСС следующего содержания: "Нелепое измышление о каких-то "красных китайских партизанах" и о корейских коммунистах, якобы наступающих из Благовешенска и Верхнего Амура, и о подвозе оружия и боевых припасов можно объяснить лишь стремлением зарвавшихся авантюристов отвести внимание общественного мнения в сторону от их собственных действий"[187]. Сообщение демонстрировало расхождение взглядов Москвы и японских милитаристов на происходящие события. Стоит отметить, что КВЖД оставалась недоступной для переброски охранных войск "во избежании возникновения инцидентов с японцами" помощи генералу Ма Чжань-шаню они оказать не могли.

Официально СССР придерживался позиции строго невмешательства, отрицал факт какой-либо помощи китайской стороне. Кроме того, японский посол дал заверение о том, что советским интересам в Маньчжурии не будет нанесено ущерба. Все эти заявления были опубликованы 15 ноября 1931 г. в

---

[184] Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Хирота от 19 сентября 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 529-530.

[185] Из записи беседы Официального делегата СССР на советско-китайской конференции Л.М. Карахана с Полномочным Представителем Китая на конференции Мо Дэ-хоем от 19 сентября 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С.527-528.

[186] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике А.Я. Охтину от 24 сентября 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 538.

[187] Известия. – 1931. – 14 ноября.

газете "Известия"[188]. Еще 7 января 1932 г. А.А. Трояновский телеграфировал в Москву: Вместе с тем, разрабатывается вопрос о создании маньчжурского правительства с привлечением в него трех белогвардейцев, имена которых можно будет выяснить. Очевидно, ближайшее будущее покажет, какой план имеется у японцев относительно СССР. В военных кругах бродят мысли о занятии Сахалина, Приморья и Камчатки" [189] . Официальный Токио опровергал эти слухи, японский премьер министр Ц. Инукаи в беседе с А.А. Трояновким говорил: "слухи о привлечении белогвардейцев в маньчжурское правительство смешны" [190]. Более всего со слов Ц. Инукаи японцев волновал рыбный вопрос, нежели маньчжурские события.

5 декабря 1932 г. японцами был занят Харбин, столица КВЖД. Вскоре японцами было организовано так называемое "Всеманьчжурское совещание", которое в начале марта 1932 года провозгласило создание государства Маньчжоу Го во главе с бывшим китайским императором Пу И. С самого начала против Японии выступили китайские охранные войска, так называемая "Армия спасения родины" во главе с генералом Су Бивэнем. Японская армия разгромила китайские войска в Маньчжурии, не получавшие поддержки от Нанкинского правительства. Разбитый Су Бивэнь отказался вступать в переговоры с японским генеральным штабом и 4 декабря через консула обратился к советскому правительству с просьбой интернироваться на советскую территорию. Не дожидаясь ответа, вечером 4 декабря 1932 г. Су Бивэнь со своим штабом самовольно прибыл на станцию Отпор в Забайкалье. Японское правительство через поверенного в Москве Амо потребовало выдачи Су Бивэня, как военного преступника, затем просило не выпускать интернированных в Китай, но СССР отверг эти претензии.

Газета "Правда" в начале декабря 1932 г. сообщила "Сегодня со станции Маньчжурия прорвались на 86-й разъезд и дальше на советскую территорию отдельные части и группы из армии генерала Су Бен-веня. Часть бежавших на территорию СССР проникла пешим ходом, другая же часть, захватив силой вагоны и паровозы, двинулась на советскую территорию эшелонами. Все бегущие на нашу территорию китайские солдаты, так же как и офицерский состав, разоружаются и интернируются. Всего интернировано около тысячи человек" [191] . Более подробно дальнейшую судьбу

[188] Известия. – 1931. – 15 ноября.
[189] Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А.А.Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР от 7 января 1932 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1969. – Т. 15. – С. 16.
[190] Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А.А.Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР от 12 января 1932 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1969. – Т. 15. – С. 20.
[191] Правда. – 1932. – 6 декабря.

интернированных раскрывает в своей монографии "Китайцы в Сибири в XVII – XX вв.: проблемы миграции и адаптации"[192] красноярский ученый В.Г. Дацышен.

О событиях в Маньчжурии Г.В. Чичерин написал в ноябре 1931 г. И.М. Майскому следующее: "думаю, что японцы полетели в Манжурию потому, что задыхаются, а колонизаторы они плохие. Ненавидящий их Лидзло картинно описывал, как японец в Манжурии делается лавочником и, нажившись, взваливает на спину мешок с деньгами и возвращается в Японию. А китайцы колонизируют Манчжурию вовсю. Внутренние противоречия толкают!" [193] . Вероятно, И.М. Майский имеет ввиду противоречия относительно рынков в Маньчжурии. Япония пошла на колонизацию из-за того, что сама Япония мала, и в ней "тесно". Стоит отметить, что событиям в Маньчжурии не решилась помешать ни одна иностранная держава.

Важную и малоизвестную проблему поднимает, в своей статье "Японские беженцы в Забайкалье"[194] В.Г. Дацышен. В статье говорится о том, что осенью 1932 г. на советскую территорию (ст. Манциевская в Забайкалье) из охваченных антияпонским восстанием приграничных районов были эвакуированы более 200 мирных жителей, в основном женщины и дети. Благодаря советским (В.В. Смирнову и Л.М. Карахану) дипломатам японцы спаслись от гнева восставших, а местные власти обеспечили беженцев всем необходимым для выживания в суровых условиях сибирской зимы. Пример эвакуации японских подданных в 1932 г. показывает, что политические противоречия между СССР и Японией не являлись непреодолимым препятствием.

В 1934 г. началось обсуждение вопроса возможности продажи своей доли КВЖД Японии. Несмотря на растущую враждебность со стороны Японии – пресса всего мира чуть ли не ежедневно твердила о скорой войне на Дальнем Востоке – И.В. Сталин сохранял нейтралитет: СССР отказал китайским генералам в помощи против Японии, не стал сотрудничать с Лигой Наций, не отвергал в принципе возможности признания Маньчжоу-го де-юре и согласился на обмен консулами и совместное управление КВЖД, что выглядело признанием де-факто. "Советская Россия явно предпочитает Маньчжоу-го анархии и дурному правлению китайских военных диктаторов.

---

[192] Дацышен, В.Г.Китайцы в Сибири XVII – XX вв.: проблемы миграции и адаптации/ В.Г. Дацышен. – Красноярск; Сибирский федеральный ун-т, 2008. – 327 с.

[193] Майский, И.М. Избранная переписка с российскими корреспондентами : в 2 кн. / И.М. Майский. – М.: Наука, 2005. – Кн. 1. – С. 381.

[194] Дацышен, В.Г. Японские беженцы в Забайкалье в 1932 г. (Из истории советско-японских отношений) / В.Г. Дацышен // Россия и АТР. – 2013. – № 2 (80). – С. 38-45.

Более того, можно сказать, что нынешнее отношение обоих правительств – японского и советского – к Маньчжоу-го являет собой один из немногих примеров, доказывающих, что "капиталистическое" государство может вполне дружески сотрудничать с коммунистическим в том случае, когда ставки велики... Не столь важно, будет Маньчжоу-го признано или нет, пока Япония и Советская Россия могут поддерживать и укреплять свое согласие для защиты нового государства... и поддержания мира и порядка на прилегающих территориях". Напомним, что и Токио установил дипломатические отношения с Маньчжоу Го, независимость которого была провозглашена 1 марта 1932 г., только 15 сентября того же года.

24 апреля 1933 г. новый японский посол в Москве Т. Ота предложил Л.М. Карахану «заключить какой-нибудь акт политического характера», намекнув на продажу КВЖД. 2 мая М.М. Литвинов ответил согласием продать дорогу Маньчжоу Го. 8 мая 1933 г. запротестовали китайцы: посол Ян Хойцин вручил Л.М. Карахану меморандум о том, что "все вопросы, касающиеся Китайско-Восточной железной дороги, должны по-прежнему регулироваться соглашениями, заключенными между Китаем и Советским Союзом в 1924 г., и должны решаться исключительно правительствами этих двух стран". Нанкин заявил, что не признает никакое соглашение о КВЖД, заключенное без его участия.

В декабре 1932 г. И.В. Сталин пошел на восстановление дипломатических отношений с "гоминьдановцами", хотя и назвал их в письме к Молотову "мелкими жуликами"[195]. 12 мая 1933 г. М.М. Литвинов заявил, что соглашения «не ограничивают право СССР на продажу дороги кому бы то ни было, а тем более той власти, которая существует в Маньчжурии и фактически осуществляет там права и обязанности, вытекающие для китайской стороны из Пекинского и Мукденского соглашений». Иначе говоря, представителям Гоминьдана показали на дверь.

23 мая 1933 г. японское правительство решило купить дорогу, если удастся договориться о цене, чтобы добиться полного контроля над Маньчжурией и прекращения коммунистической пропаганды. Формальным покупателем должно было выступать Маньчжоу-го – сделка подчеркивала его «независимость». 29 мая посол Т. Ота сообщил в Наркоминдел о согласии маньчжурского правительства и предложении Японии выступить в качестве посредника[196]. 1 июня маньчжурские власти переименовали дорогу

[195] Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925-1936 гг. – М., 1996. – С. 240-241.
[196] Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1969. – Т. 15. – С. 279-281, 332-333, 831-833.

в Северо-Маньчжурскую, по аналогии с ЮМЖД, но советская сторона и в дальнейшем строго придерживалась прежнего названия.

Переговоры о продаже КВЖД начались 26 июня 1933 г. в Токио. Советскими полномочными делегатами были новый полпред К.К. Юренев, заведующий 2-м Восточным отделом НКИД Б. И. Козловский и вице-председатель правления КВЖД С. М. Кузнецов. Маньчжоу Го представляли посол в Токио Дин Шиюань и вице-министр иностранных дел Охаси Тюити. Стоит отметить, что все важные посты в Маньчжоу Го занимали японцы. «Честными маклерами» выступали директор Европейско-Американского департамента МИД Японии Того Сигэнори, будущий посол в СССР, и Нисси Харухико, начальник первой секции его департамента. Первый рабочий день 27 июня открылся речью министра иностранных дел К. Утида, но более он в переговорах участия не принимал.

К 10 сентября 1934 г. прошло 15 месяцев советско-японских переговоров по поводу продажи КВЖД. Советская сторона настаивала на цене в 160 млн. йен, японцы эту цену принимать не желали. 19 сентября 1934 г. советский полпред в Японии К.К. Юренев в беседе [197] с министром иностранных дел Японии К. Хирота сделал новое предложение по цене продажи КВЖД в 140 млн. иен. Однако от СССР было выдвинуто несколько дополнительных условий. Одним из этих условий было, чтобы соглашение о КВЖД вступало в силу немедленно после подписания, без ратификации. Отдельно оговаривался состав имущества, которое передавалось Маньчжоу Го. Настаивала советская сторона на том, чтобы сразу поступила половина суммы за железную дорогу, остальная половина передавалась в течение 3-х лет. Так же настаивала советская сторона на установлении "золотой клаузы" в отношении денежной части суммы выкупа. Устанавливался порядок увольнения советских служащих с КВЖД, по нему их предупреждали о предстоящем увольнении за 4 месяца. В предложении советской стороны прозвучала ощутимая уступка в цене со 160 до 140 млн. иен.

За время переговоров на самой КВЖД происходило большое количество конфликтных ситуаций. Так, в памятной записке генерального консула СССР в Харбине Н.Я. Райвида от 11 октября 1934 г. говорилось: "В последнее время участились самовольные действия японских воинских частей по захвату принадлежащих Китайской Восточной железной дороге зданий, сопровождаемому насильственными и незаконными захватами квартир советских служащих дороги и выбрасыванием из них

[197] Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Японии с Министром Иностранных Дел Японии Хирота от 19 сентября 1934 г. // Документы внешней политики СССР. – М., 1971. – Т. XVII. – С. 601-603.

принадлежащего агентам имущества"[198]. Еще об одной важной проблеме вокруг переговоров о КВЖД советская пресса писала так: "Из остальных спорных вопросов важное место занимает вопрос о возврате имущества СССР, не принадлежавшего КВЖД и застрявшего в Маньчжурии со времени интервенции и гражданской войны" [199]. Оставшиеся на переговорах разногласия к 1 ноября 1934 г. сводились по вопросу к выкупной сумме.

10 марта 1935 г. от заместителя наркома иностранных дел СССР Б.С. Стомонякова была отправлена телеграмма советскому полпреду в Японии К.К. Юреневу следующего содержания: "При парафировании соглашения о КВЖД заявите Хирота, что мы ожидаем освобождения всех арестованных советских служащих и рабочих до подписания соглашения о КВЖД. От себя лично выразите надежду, что Хирота этим жестом завершит дело умиротворения, начатое переговорами о КВЖД"[200]. Японцы в 1934 году проводили аресты советских служащих КВЖД, обвиняя их в подрывной деятельности против японского командования, с целью оказать давление на СССР и добиться уступок. 11 марта состоялось парафинирование соглашения о КВЖД в связи, с чем М.М. Литвинов дал сообщение в советской печати следующего содержания: "Мне кажется, что не может быть двух мнений о том, что соглашение о КВЖД должно рассматриваться как разрешение одной из сложнейших дальневосточных проблем и в тоже время как крупнейшее положительное событие в развитии советско-японских отношений"[201].

Серьезно беспокоил японцев факт присутствия на границах Маньчжоу-Го советских войск. Стороны предварительно договаривались, что после подписания соглашения войска будут отведены. Так, в телеграмме из Москвы полпреду СССР в Японии К. К. Юрьеву говорилось: "можете подтвердить официальный характер моего заявления и нашу готовность после подписания соглашения о КВЖД приступить к изучению вопроса об отводе части войск"[202]. Вероятно, что Москва даже желала отвести войска подальше от Японии.

---

[198] Памятная записка и. о. Генерального консула СССР в Харбине Н. Я. Райвида Генеральному консулу Японии в Харбине Морисима от 11 октября 1934 г. // Документы внешней политики СССР. – М., 1971. – Т. XVII. – С. 634.

[199] Известия. – 1934. – 1 ноября.

[200] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в Японии К.К.Юреневу от 10 марта 1935 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1973. – Т. 18. – С. 171.

[201] Сообщение советской печати о заявлении Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М.М.Литвинова корреспондентам японских газет в связи с парафинированием соглашения о КВЖД от 15 марта 1935 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1973. – Т. 18. – С. 180.

[202] Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К.К. Юреневу от 16 марта 1935 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1973. – Т. 18. – С. 180.

23 марта 1935 г. было подписано "соглашение об уступке Маньчжоу-Го прав СССР в отношении КВЖД"[203]. Текст договора состоял из 14 статей, в основном там определялся порядок передачи железной дороги и связанные с этим имущественные отношения. Окончательная цена устанавливалась в 140 млн. иен, сумма в 46 млн. йен уплачивалась наличными. Оговаривались так же права и обязанности советских служащих КВЖД, дополнительно сроком на 3 месяца заключалось транзитное соглашение между СССР и Японией.

Таким образом, одновременно с продажей СССР прав на КВЖД Маньчжоу-Го, в отношениях с Японией стало прослеживаться некоторое смягчение. Вот какие выводы делает известный ученый японовед В.Э. Молодяков относительно этого вопроса в своей статье "Почему Сталин продал КВЖД: механизм решения": История переговоров о продаже КВЖД показывает, что Сталин верно оценил ситуацию, сложившуюся в Маньчжурии в результате японской оккупации, противостоять которой СССР не мог. Отказавшись от железной дороги, советское руководство, разумеется, не перестало думать об укреплении своих позиций на Дальнем Востоке и в Центральной Азии, которая для Москвы была не менее важна, чем Маньчжурия для Токио. Уступка КВЖД, объединение транспортной сети Маньчжурии под японским контролем и уязвимость Амурской дороги в случае военного конфликта стали главными причинами сооружения Байкало-Амурской магистрали, стратегический характер которой сразу же отметил выдающийся геополитик Карл Хаусхофер, перерабатывая в 1936 г. для нового издания свой классический труд Геополитика Тихого океана"[204]. Кроме того, И.В. Сталин и руководство не могли найти лучшего решения по поводу дороги, которую они итак обещали передать Китаю, чем получить за нее деньги здесь и сейчас от Японии. Косвенно этот акт еще и позволял снизить напряженность на востоке страны.

2.2. Ухудшение советско-японских отношений в 1937–1941 гг.

В этот период в советско-японских отношениях наблюдается серьезное похолодание со стороны правительств обоих государств. Помочь избежать столкновения с Японией должна была продажа прав на КВЖД. Тем не менее, после подписания соглашения антисоветские провокации не прекратились.

[203] Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Маньчжоу-Го об уступке Маньчжоу-Го прав Союза Советских Социалистических Республик в отношении Китайской Восточной железной дороги (Северо-Маньчжурской железной дороги) от 23 марта 1935 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1973. – Т. 18. – С.204-213.

[204] Молодяков, В.Э. Почему Сталин продал КВЖД: механизм решения / В.Э. Молодяков // Япония. Ежегодник. – 2009. – № 38. – С. 294-310.

Так, 30 января 1936 г. японский отряд вторгся на советскую территорию у пади Мешеряково. Советские пограничники прогнали японский отряд. Нарушали советскую границу и японские летчики. Так, Б.С. Стомоняков телеграфировал советскому полпреду в Японии: "Заявите протест против непрекращающихся нарушений японскими самолетами нашей границы"[205]. 9 января в газете "Известия" [206] было опубликовано сообщение ТАСС, в котором говорилось, что Германия ведет переговоры с Японией. В письме заместителя наркома иностранных дел СССР Н. Крестинского к полпреду в Германии Я.З. Сурицу говорилось: "Что же касается вопроса об изменении немцами их политической позиции по отношению к нам, то никаких признаков каких-либо изменений в этом направлении ни в Берлине, ни в Москве, ни в других пунктах земного шара не замечается. Наоборот, все больше и больше признаков консолидации германо-японских отношений, консолидации, имеющей ярко антисоветское заострение"[207]. Еще в 1935 г. в Маньчжурии прокатилась волна арестов советских граждан, в 1936 г. эта тенденция продолжилась. В коллективном труде "Международные отношения на Дальнем Востоке" указывалось, что в 1936 г. у японского командования были планы вторжения на советский Дальний Восток и в Забайкалье. Планировали японские военные использовать для этого в том числе белогвардейцев.

12 марта 1936 г. СССР и МНР подписали Протокол о взаимопомощи. Он предусматривал в случае угрозы нападения на территорию СССР или МНР принять совместные меры для обеспечения безопасности. Оказывать всяческую помощь друг другу, в том числе и военную. Срок действия протокола устанавливался в 10 лет. Во введении протокола было записано: "Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республики, исходя из отношений неизменной дружбы, существующей между странами со времени освобождения территории Монгольской Народной Республики в 1921 году при поддержке Красной Армии от белогвардейских отрядов, находившихся в связи с военными силами, вторгшихся на территорию Союза Социалистических Республик, руководимые желанием поддержать дело мира на Дальнем Востоке и содействовать дальнейшему укреплению существующих между ними дружественных отношений, решили оформить в виде настоящего

[205] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К.К. Юреиеву от 8 января 1936 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1974. – Т. 19. – С. 15.
[206] Известия.– 1936.– 9 января.
[207] Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Я.З. Сурицу от 11 января 1936 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1974. – Т. 19. – С. 25.

Протокола существующее между ними с 27 ноября 1934 года джентльменское соглашение, предусматривающее взаимную поддержку всеми мерами в деле предотвращения и предупреждения угрозы военного нападения, а так же оказание друг другу помощи и поддержки в случае нападения какой-либо третьей стороны на Союз Советских Социалистических Республик или Монгольскую Народную Республику, для какой цели и подписать данный договор"[208]. Текст протокола состоял из 4 пунктов; с советской стороны протокол подписал полпред в МНР Таиров, с монгольской подписал председатель "Малого Хурала" некто Амор.

К 1937 г. СССР заключил пакты о ненападении с 10 граничащими с ним государствами из 11. Японское правительство дважды отклонило предложения по заключению такого пакта. К тому же, японское руководство убедилось в том, что западные державы не смогут помешать Японии вести успешную войну против Китая. Кроме того, 25 ноября 1936 г. между Германией и Японией был подписан "антикоминтерновский пакт", заложивший основу германо-японского блока. Полпред СССР в Японии К.К. Юренев сделал японскому представителю следующее заявление по этому поводу: "Японское правительство, конечно, имеет право бороться с коммунизмом в своей стране, и это право принадлежит и Германии. Моему правительству, однако, непонятно, почему необходимо международное соглашение для этой борьбы, ибо вряд ли Германия будет посылать свою полицию в Японию, а Япония в Германию. Кроме того, Советскому правительству известно, что соглашение о борьбе с коммунизмом является лишь прикрытием для другого японо-германского соглашения, направленного непосредственно против СССР. Советское правительство уполномочивает меня заявить Вам, г. министр, о том, что оно считает, что подписание такого соглашения, несомненно, нанесет тяжелый удар японо-советским отношениям"[209]. Примечательно, что о ходе переговоров не знали ни японский посол в Берлине, ни германский посол в Токио. Антикоминтерновский пакт, как следует из слов советского полпреда в Токио, в первую очередь был направлен против СССР. В тоже время Японцы развернули на севере Китая бурную экономическую деятельность и начали активное железнодорожное строительство, образовали многие промышленные компании. С 1936 г. Япония в Китае начинает активнейшую

[208] Протокол [о взаимопомощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой] от 12 марта 1936 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1974. – Т. 19. – С. 136.

[209] Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К.К.Юренева Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б.С. Стомонякову от 19 ноября 1936 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1974. – Т. 19. – С. 603.

экспансию, развернула там широчайшую разведывательную и подрывную деятельность, всюду старалась расставлять своих представителей. В итоге к 1937 г. совершенно отчетливо выявился агрессивный курс японской политики в Азии, главным инструментом японской политики становилась армия.

Отдельно стоит сказать о представлениях советского командования о японской армии. Эту проблему в своей статье "Япония в представлениях советского военного руководства 30-х гг. XX в." [210] рассматривает исследователь А.С. Ложкина. Она пишет о том, что в течении межвоенного периода представления военной элиты о Японии не были статичными, они изменялись под влиянием международной обстановки, а так же в результате борьбы группировок внутри командного состава армии СССР. Большинство представителей военной элиты давали высокие оценки боеспособности японской армии. Основными её особенностями являлись сильный флот, мощная авиация, высокие боевые качества в обороне. Слабостью японской армии отмечали нерешительный офицерский состав. Сильны были в японской армии отголоски культурных традиций.

Важной проблемой была деятельность консульства Японии в Новосибирске. После оккупации японцами Маньчжурии начался процесс ухудшения советско-японских отношений, это напрямую отразилось на работе консульства. Уже во второй половине 30-х годов японские работники консульства воспринимались не иначе, как шпионы. К 1937 г. отношения с Японией ухудшились, а большинство консульств Японии в СССР закрылось, одним из первых стало консульство в Новосибирске. Формальным основанием для закрытия консульства послужила разница в общем количестве консульств между теми, что открыты СССР в Японии и теми, что были открыты Японией в СССР, разница эта составляла два консульства.

7 июля 1937 года японские войска, внезапно атаковали китайцев у моста Лугоуцяо, в окрестностях Пекина. Началось японское вторжение в Северный Китай. Официально японцы заявляли, что никаких территориальных претензий в Китае не имеют. Однако гоминьдановская армия отступала, а японцы наращивали численность своей группировки. 21 августа 1937 г. между СССР и Китаем был подписан договор о ненападении. 21 сентября 1937 г. М.М. Литвинов, выступая в Лиге наций, сказал: "На азиатском материке без объявления войны, без всякого повода и оправдания одно государство нападает на другое – на Китай, наводняет его 100-

[210] Ложкина А.С. Япония в представлениях советского военного руководства 30-х гг. XX в. / А.С. Ложкина // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История. Политология». – 2008. – № 4/5. – С. 111-115.

тысячными армиями, блокирует его берега, парализует торговлю в одном из крупнейших мировых коммерческих центров. И мы находимся, по видимому, лишь в начале этих действий, продолжение и конец которых не поддаются еще учету" [211] . С подписанием договора Китай мог рассчитывать на получение помощи со стороны СССР. 26 сентября 1937 г. советское правительство объявило ноту [212] протеста по поводу многократных бомбардировок г. Нанкина. 17 июня 1938 г. Советское правительство выступило с протестом по поводу действий японской армии в Китае. Указывалось, что действия японской авиации в Гуанчжоу являются совершенно неоправданным актом жестокого насилия над мирным и беззащитным населением, что это вызывает глубочайшее возмущение общественного мнения в СССР. Так СССР четко обозначил свою сторону в японо-китайском противостоянии. В Китае "Гоминьдан "пошел на сотрудничество с китайскими коммунистами в борьбе против японцев, что нашло самый живой отклик у руководства СССР. Советское государство организовало для Китая переброску военной техники, боеприпасов и добровольцев через Синьцзян. Советская дипломатия в этот период старалась не втягиваться в войну с Японией. Вероятно, это был расчет позволить Японии завязнуть в войне и тем самым подорвать её позиции в Азии. Более того, у советского руководства были крайне сложные отношения с лидером гоминьдана Чан Кайши, однако ничего не помешало быстро переориентироваться СССР на помощь Китаю, в том числе и Чан Кайши. Произошли такие метаморфозы, вероятно, вследствие опасения руководства СССР, что Япония после захвата Китая переориентируется на советский Дальний Восток.

В 1937-1938 г. японские правящие круги стали активно распространять мнения в японской прессе об агрессивных намерениях СССР. 11 июля 1938 г. в японской прессе было опубликовано сообщение о том, что границу Маньчжоу-Го нарушили советские пограничники. 20 июня в Москве японский посол Сигэмицу Мамору потребовал удаления советских частей с высоты Заозерной, которая, по утверждению японского посла, являлась частью территории Маньчжоу-Го. В ответ М.М. Литвиновым был предъявлен текст Хунчунского соглашения с Китаем 1886 г., к соглашению была приложена карта, на карте высота Заозерная лежала на русской территории. Вскоре нарком иностранных дел Б.С. Стомоняков телеграфировал в Токио советскому полпреду К.А.Сметанину следующее: "Согласно только что полученным сведениям, сегодня, 19 июля, в 16 часов

[211] Известия. – 1937. – 22 сентября.
[212] Известия. – 1937. – 27 сентября.

два японо-маньчжурских отряда, один числом в 50 человек и другой численностью до одной охранной роты, перешли советскую границу на север от оз. Хасан и попытались овладеть двумя высотами, расположенными к северу от высоты у оз. Хасан, на которую японское правительство через свое посольство в Москве предъявило необоснованные претензии 15 и 20 июля с.г. В результате принятых нашей пограничной охраной мер японо-маньчжурские части были вынуждены отступить на маньчжурскую территорию, причем с обеих сторон были убитые и раненные"[213]. 29 июля японцы начали атаку сопки Безымянной, охраняемой небольшим пограничным отрядом. В советской печати вышло опровержение сообщений японской прессы, в котором говорилось: "Японская печать распространяет слухи, будто 22-ого на р. Уссури имел место бой с красноармейцами, которые якобы прогнаны. На самом деле имело место высадка десанта японо-маньчжур на острове, бесспорно принадлежащем нам, вследствие чего наши силы часть высадившихся маньчжур перебили, а другую часть вместе с пулеметом, винтовками и патронами взяли в плен"[214].

Атака, предпринятая японцами 29 июня была отбита, через 2 дня японцы повторили атаку. Японцев в итоге удалось вынудить отступить ценой больших усилий. 11 августа 1938 г. после применения танков и авиации, а так же артиллерии боевые действия завершились. После этого было объявлено перемирие и создана демаркационная комиссия. Советские авторы писали, как правило, о сокрушительном поражении японских войск, но после того, как были сняты грифы секретно с архивных документов, относящихся к конфликту, вскрылись несколько иные обстоятельства дела, указывающие на слабую боеспособность Красной армии. Историк Е.А. Бочков в своей статье "Особенности организации материально технического обеспечения войск Дальневосточного фронта в период советско-японского конфликта в районе озера Хасан. 1938 г."[215] пишет о том, что снабжение советских войск, их выучка и общая боеспособность были на низком уровне. Тем не менее, стоит отметить, что советские солдаты вели боевые действия без опыта, в крайне сложных условиях местности, вдали от ближайших железнодорожных узлов.

Более того, еще до конфликта на о. Хасан произошел любопытный случай. 14 июня 1938 г. обманным путем перешел границу с Маньчжурией и

[213] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Японии К.А.Сметанину от 29 июля 1938 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 21. – М.: Госполитиздат, 1977. – С. 407.
[214] Известия. – 1938.– 23 июля.
[215] Бочков Е.А. Особенности организации материально технического обеспечения войск Дальневосточного фронта в период советско-японского военного конфликта в районе озера Хасан. 1938 г. / Е.А. Бочков // Новейшая история России. – 2013. – № 2. – С. 18-41.

попросил политического убежища высший офицер ОГПУ-НКВД комиссар государственной безопасности 3-его ранга Г.С. Люшков, взяв с собой большое количество документов и лично владеющий большим количеством секретной информации. Вероятно, Г.С. Люшков выдал японскому командованию сведения о слабой боеготовности советских частей на Дальнем Востоке, о проводимых чистках среди командного состава. Одним из косвенных подтверждений не высокой боеготовности стало наличие на поле боя большого числа не взведенных гранат, которые бойцы кидали из укрытий в сторону японских сил.

Следует отметить, что по результатам столкновений в районе озера Хасан японская сторона, напротив, отмечала хорошее оснащение советской армии. В записях японского командования говорилось о том, что советские солдаты были укомплектованы: винтовками, винтовочными гранатами, автоматическими винтовками, боевыми патронами, ручными гранатами. Так же советская сторона втрое превосходила силы японцев (1-ой корейской армии), задействовала артиллерию и авиацию. Исходя из вывода японского командования, именно от артиллерии силы 1-ой корейской армии понесли основные потери. Более того, советская сторона использовала танки, но местность не позволяла их применить эффективно, с ними успешно боролись японские саперы. Японские силы не использовали авиацию, не имели артиллерийской поддержки, имели приказ не переходить в активное наступление вне расположения своих частей. Это связывают с расстановкой приоритетов на завоевание Китая и продвижение в Южной Азии квантунской армии. Известно, что между генералитетами 1-ой корейской и квантунской армий сохранялось соперничество и борьба за распределение военного ресурса. Тем не менее, несмотря на критическое положение и отступление, итоги боев были восприняты в японском штабе как победа. Общее настроение по поводу итогов столкновений и боеспособности советской стороны, где "японцы были в меньшинстве, но сражались на равных", было пренебрежительное. Никаких критических исправлений в организацию своей армии в то время Япония не внесла. Напротив, к примеру, были сделаны крайне спорные выводы о низкой боеспособности танков. По мнению К. Касахара[216] это явилось одним из факторов будущих поражений Японии во второй мировой войне. Косвенно это говорит и о том, что данное направление для руководящей верхушки японской армии не было приоритетным и уже отчетливо видна ориентация на зону ответственности

[216] Касахара, К. Какой урок извлекла Япония в боях у озера Хасан /К. Касахара // Российский гуманитарный журнал. История. Исторические науки. - 2016. -№6. - С. 561.

квантунской армии, завоевание Китая и Юго-восточной Азии. Япония не стремилась вступить в прямой полномасштабный конфликт с СССР.

11 мая 1939 г. пограничные части МНР, расположенные юго-восточнее оз. Буир–Нур, в 20 км восточнее р. Халхин–Гол, подверглись внезапному нападению японских войск. Это дало возможность японцам вклиниться в территорию МНР и подойти к реке Халхин-Гол. Здесь завязались бои между монгольскими пограничными частями и японскими войсками. Одновременно японское командование сосредоточило в Восточной Маньчжурии главные силы Квантунской армии, предположительно для развития наступления в направлении Уссурийска. 19 мая 1939 г. В.М. Молотов вызвал японского посла и заявил ему протест против грубого нарушения границы МНР. 2 июля советское командование, сосредоточив крупные силы, предприняло атаку в районе высоты Баин-Цаган. К утру 5 июля бои в этом районе закончились отступлением японцев. 8 июля японцы, получив подкрепления, вновь перешли в наступление. Завязались многодневные кровопролитные бои. 20 августа советские силы перешли в наступление и 28 августа завершили окружение японской группировки. 16 сентября было опубликовано официальное сообщение относительно прекращения боевых действий.

Советские авторы преподносят этот конфликт, как оглушительный разгром японской армии. В своих работах военный корреспондент К.М. Симонов, побывавший на Халхин-Голе, писал о том, какими были огромными потери советских войск, действовавших в тяжелейших условиях [217] . Особенно запомнилась К.М. Симонову атака советского бронетанкового отряда на высоту Баин-Цаган, после которой этот отряд был практически уничтожен. Стоит отметить, что при подготовке агрессии в Монголии японской военной миссией в Маньчжоу-Го была организована широкая агентурная сеть, к сотрудничеству с которой самым активным образом привлекались бывшие белогвардейцы. Особый интерес для этого ведомства представляли перебежчики. Только с 1936 по 1938 гг. из разных районов в Маньчжурию перебежало 188 чел[218].

Кроме того, исследователь Н. Пузыня в своей работе[219] пишет о том, что именно после боев на реке Халхин-Гол вектор японской экспансии окончательно развернулся в Китай и Южную Азию, Океанию. Кроме того, одной из причин японской агрессии называется попытка принудить СССР к

[217] Симонов, К.М. Собрание сочинений / К.М. Симонов. – М.: Художественная литература, 1979. – Т. 1. – С. 351.
[218] Курас, Л.В. Японская военная миссия в Маньчжоу-Го: подготовка к агрессии (к 75-летию событий на Халхин-Голе) / Л.В. Курас // Власть. – 2014. – № 8. – С. 143-147.
[219] Пузыня, Н.Н. Конфликт на Халхин-голе и смена вектора внешней политики Японии / Н.Н. Пзыня // Вестник Челябинского государственного университета. История. – 2009. - №37. - С.62-67.

отказу в военной помощи Китаю, дабы ускорить продвижение экспансии на данном направлении. Поражение Японии на Халкин-Голе сформировало мнение о невозможности успешной и продуктивной борьбы с СССР в регионе как минимум до вступления Германии в войну с СССР. Однако в конце августа 1939 г. Германия заключила пакт о ненападении с СССР, что в Японии вызвало весьма неоднозначную реакцию, воспринято как нарушение "антикоминтерновского пакта", что так же способствовало окончательному переорентированию на завоевание Китая и южных приморских территорий. Кроме того, Японию в "южном" направлении вынуждало и обострение торговых противоречий с США и Великобританией, однако Н. Пузыня не считает это обстоятельство решающим в вопросе выбора Японией вектора экспансии. Основным фактором исследователь называет именно военное поражение от СССР.

Интересным остается тот факт, что на существование японских концессий в СССР не повлиял антикоминтерновский пакт, заключенный Японией в 1936 г., а после вооруженных столкновений у озера Хасан и в районе реки Халхин-Гол, концессионные отношения осложнились, но не прекратились [220]. На фоне того, что в 1937 г. все концессии в СССР прекратили свое существование, с двумя сахалинскими концессиями так и не были расторгнуты концессионные договоры, хотя угольный концессионер был вынужден законсервировать свое производство на Северном Сахалине. В отношении нефтяной концессии "Кита Карафуто Секию Кабусики Кайша" СНК СССР принял беспрецедентное в советской практике решение. 5 июля 1938 г. было издано секретное постановление "О нефтяной концессии на Сахалине". Постановлением Правительства Союза ССР Центральному комитету Союза нефтеперегонных заводов было разрешено приступить к переговорам с правлением японского концессионного общества о перезаключении коллективного договора. Фактически это означало, что концессия продолжит свою деятельность. Практически концессии продолжали действовать до 1944 г., после чего они отошли к СССР. Японские концессии на Северном Сахалине послужили существенным подспорьем в жизнеобеспечении советской части острова. Угольные и нефтяные концессии были важным источником поступления иностранной валюты, поскольку платежи осуществлялись в японских йенах и американских долларах. Стоит отметить, что отношения между местными органами власти и японскими концессионерами в течении долгого времени оставались напряженными, обе стороны считали сложившееся положение

[220] Булатов, В.В. Японские концессии на Северном Сахалине как инструмент советской внешней политики / В.В. Булатов // Власть. – 2008. – № 11. – С. 124-128.

временным и пытались укрепить свои позиции за счет ослабления противоположной стороны.

Важным этапом в истории советско-японских отношений стал "Пакт о нейтралитете", заключенный с Японией в 1941 г. В ходе переговоров, происходивших в Москве 9 июля 1940 г., было достигнуто соглашение об уточнении маньчжуро-монгольской границы в районе Халхин-Гола. В тоже время посол Японии в СССР С. Того от имени японского правительства предложил подписать японо-советский пакт о нейтралитете. Правительство СССР ответило согласием. Переговоры по пакту на некоторое время затянулись. 24 марта между И.В. Сталиным и министром иностранных дел Японии Ё. Мацуокой состоялась беседа, в ней собеседники заверяли друг друга в дружбе и добрых намерениях. Из записи беседы под грифом секретно: "При этом т. Сталин говорит, что какова бы ни была идеология в Японии или даже в СССР, это не может помешать практическому сближению двух государств, если имеются взаимное желание обеих сторон. Со своей стороны т. Сталин указывает на то, что ему известно, что никакая идеология не помешает тому, чтобы практически поставить вопрос о взаимном улучшении отношений" [221] . Одновременно шли переговоры по поводу заключения с Японией новой рыболовной конвенции. 5 апреля 1941 г. состоялась беседа [222] между зам. наркома иностранных дел СССР С.А. Лозовским и советником посольства Японии в СССР Х. Ниси. В ней были обсуждены основные моменты по поводу заключения рыболовной конвенции, советской стороной предлагался срок новой конвенции, установленный в 5 лет. Были оговорены участки, запрещенные к промыслам, а так же размер отчислений за аренду. 7 апреля 1941 г. В.М. Молотов принял министра иностранных дел Японии И. Мацуоку[223]. В этот же день у посла и его сопровождающего состоялась беседа с зам. наркома иностранных дел СССР С.А. Лозовским, в которой по поводу по поводу рыболовной конвенции японцы сказали следующее: "Вы очень много требуете денег с рыбопромышленников. Если бы СССР покупал рыбные консервы у японских рыбопромышленников по ценам, которые платит Англия, тогда еще можно было бы пойти на предложение советской стороны, но сейчас, когда японским промышленникам некуда сбывать свою продукцию, дело

[221] Беседа Генерального Секретаря ЦК ВКП (б) И.В.Сталина с Министром Иностранных Дел Японии Е.Мацуокой от 24 марта 1941 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Международные отношения, 1995. – Т. 23. – Кн. 1. – С. 502.

[222] Беседа Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР С.А.Лозовского с Советником Посольства Японии в СССР Х. Ниси от 5 апреля 1941 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Международные отношения, 1995. – Т. 23. – Кн. 1. – С.523-530.

[223] Известия. – 1941. – 8 апреля.

становится значительно сложнее"[224]. В течение своего визита посол Японии в СССР Ё. Мацуока несколько раз встречался с председателем совнаркома В.М. Молотовым, это активно освещалось в советской прессе. Так, например, в газете "Известия" неоднократно появлялись сообщения, подобные этому: "11 апреля Председатель Совнаркома СССР и Нарком иностранных дел т. В.М. Молотов имел третью беседу по вопросу советско-японских отношений с министром иностранных дел Японии г-ном Иосуке Мацуока, которого сопровождал японский посол в Москве г-н Татекава"[225]. 12 апреля состоялась беседа И.В. Сталина и посла Мацуока уже относительно пакта о нейтралитете; из беседы: "Япония имеет с Германией союзный договор, однако из того, что Япония имеет с Германией союзный договор, не вытекает, что Японии нужно связывать силы СССР. Наоборот, если что-то произойдет между СССР и Германией, то он предпочитает посредничать между СССР и Германией. Япония и СССР являются пограничными государствами, и он хотел бы улучшить отношения между Японией и СССР"[226]. В беседе посол предлагает без долгих обсуждений сразу заключить пакт о нейтралитете в формате "дипломатического блицкрига", далее обсуждается вопрос продажи Северного Сахалина и, так как она невозможна, посол соглашается на поставки 100 тыс. тон нефти. По китайскому вопросу Ё. Мацуока заявил, что Япония борется в Китае исключительно против англосаксов.

13 апреля 1941 г. между СССР и Японией был подписан пакт о нейтралитете. Текст пакта был опубликован в "Известиях"[227] 15 апреля 1941 г. Следуя нему, стороны договаривались поддерживать мирные и дружественные отношения между собой, уважать территориальную целостность и неприкосновенность друг друга. В случае, если одна из сторон оказывалась объектом военных действий, то другая обязывалась соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта. Пакт вступал в силу со дня ратификации. Пакт сохранял силу 5 лет и автоматически продлевался, если одна из сторон не денонсировала его. Со стороны СССР его подписал В. М. Молотов, а со стороны Японии И. Мацуока и И. Татекава. После этого стороны обменялись поздравительными письмами, так же опубликованными в "Известиях". Стоит отметить, что в мартовских и апрельских номерах

[224] Беседа Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР С.А.Лозовского с Министром Иностранных Дел Японии Ё. Мацуокой и Послом Японии в СССР И. Татекавой от 7 апреля 1941 г. // Документы внешней политики СССР.– М.: Международные отношения, 1995. – Т. 23. – Кн. 1. – С. 536-537.
[225] Известия. – 1941. – 12 апреля.
[226] Беседа Генерального Секретаря ЦК ВКП(б) И.В.Сталина с Министром Иностранных Дел Японии Ё. Мацуокой от 12 апреля 1941 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Международные отношения, 1995. – Т. 23. – Кн. 1. – С. 560-564.
[227] Известия. – 1941. – 15 апреля.

газеты "Известия" тема войны в Китае освещается значительно слабее обычного, отсутствуют критические заметки в адрес Японии, что после разлада и военных столкновений в 1938-1939 г. было совершенно обычным для советской периодической печати. Это свидетельствовало о тщательной подготовке общественного мнения в СССР к заключению пакта с Японией.

Таким образом, заключение пакта о нейтралитете с Японией позволяло теоретически обезопасить восточные границы СССР. В действительности, советское командование продолжало держать на востоке страны до 40 дивизий. Пакт являлся прямым следствием желания руководства страны найти компромисс с японским государством, которое вынуждено было по своим внутренним экономическим и политическим соображениям искать мира с СССР. Действия пакта подкреплялись экономическими договоренностями, особенно в области нефтяных поставок. Япония крайне нуждалась в поставках нефти, она была необходима, прежде всего для нужд японского ВМФ. Новое освещение получила проблема подписания Пакта о нейтралитете в исследованиях Б. Славинского. Остановимся на наиболее принципиальных моментах концепции Б. Славинского. Прежде всего, исследователь убедительно доказал, что Пакт о нейтралитете сыграл положительную роль в развитии военно-политической ситуации на Дальнем Востоке. Существование Пакта оказывало положительное влияние на систему международных отношений в районе Тихого океана и Северо-Восточной Азии, деформированную войной. Б. Славинский неоднократно подчеркивает, что Пакт о нейтралитете был "уникальным феноменом в истории международных отношений". "Весь мир был охвачен пожаром, и только два крупных соседних государства – Советский Союз и Япония – оставались в мире" [228] . Кроме того, в дальнейшем нарушения пакта просматривались не только сто стороны Японии, но и со стороны СССР. Еще одна сторона пакта в том, что он не содержал ни одного упоминания о корейцах, после его заключения в рядах корейских коммунистов наблюдалось серьезное разочарование. Важно отметить, что с 1936 г. по 1941 г. не прекращалось экономическое сотрудничество с Японией, хотя оно и приобрело более сдержанные рамки.

[228] Славинский, Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941–1945 гг.: монография / Б. Н. Славинский. – Москва: Новина, 1995. – С. 301.

2.3. Советско-японские культурные связи 1922-1941 г.

Активное развитие советско-японские культурные связи получили лишь после заключения пекинской конвенции в 1925 г. До 1925 г. имели место лишь немногочисленные поездки советских представителей и отдельных заинтересованных лиц. Обстановка на Дальнем Востоке оставалась достаточно напряженной и после 1925 г. но в этот период благодаря взаимным усилиям советско-японские культурные контакты начинают активно развиваться. В том же году было создано Всесоюзное общество связи с заграницей (ВОКС), целью которого было развитие научной и культурной связи между учреждениями, научными организациями и отдельными научными и культурными работниками СССР и заграницей. Хоть ранее деятельность общества изучалась различными учеными, однако в контексте советско-японских отношений впервые ВОКС рассматривает исследователь к.и.н. Ложкина А.С.[229] Главной задачей общества ставилось распространение информации о достижениях советской культуры и формирование позитивного образа СССР в странах Европы, Америки и Азии. Благодаря О. Каменевой (супруга Л. Каменева) общество приобрело значимость в глазах советского руководства, ВОКС активно сотрудничало с ОГПУ-НКВД, - к примеру одной из задач была слежка и сбор информации об иностранных гражданах, прибывающих в СССР. По мнению Л. Ложкиной, ВОКС представлял из себя орган "контрпропаганды". Важное место в деятельности ВОКС занимала задача развития отношений с Японией, об этом свидетельствует большое количество советско-японских обществ культурной связи, которые превосходили по числу аналогичные в других странах. Среди таких обществ можно отметить следующие: Японо-Советское литературное общество, Японо-Советское общество, Общество международной культурной связи, Японо-Советское культурное общество. Стоит отметить, что значительную роль в развитии советско-японских культурных и научных связей сыграл известный российский востоковед, уполномоченный ВОКС в Японии Е.Г. Спальвин.

Е.Г. Спальвин был знатоком японского языка и культуры, работал при советском полпредстве, был организатором многочисленных выставок русского и советского искусства в Японии, являлся редактором "Известий Восточного института" и "Известий Восточного факультета". Во время

[229] Ложкина, А.С. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей и развитие советско-японских культурных отношений (1925-1939 гг.) / А.С. Ложкина // Япония. Ежегодник. – М.: "АИРО-XXI", 2015. - С. 119-131.

своего пребывания в Японии Е.Г. Спальвин в своих заметках оставил обширную информацию о японской культуре, обществе и государстве.

По мнению А.С. Ложкиной можно выделить четыре формы культурного сотрудничества, продвигаемых ВОКС:

1. Организация выставок, концертов, театральных гастролей.

2. Обмен книгами, научными препаратами.

3. Организация кинопоказов.

4. Взаимное посещение японцами СССР и советскими гражданами Японии.

Выставочная деятельность была наиболее удачной, по мнению А.С. Ложкиной. В 1926 г. прошла промышленно-торговая выставка в универмаге "Даймару" в Осаке. В апреле 1926 г. в Москве состоялся вечер Японской литературы. В этом же году в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Одессе и Минске прошли выставки детской книги и рисунка. В мае 1927 г. Всесоюзное общество, совместно с Советско-японской ассоциацией и газетой "Асахи", провели выставку, где было выставлено около ста сорока полотен и двухсот рисунков русских художников-авангардистов. В 1929 г. в Ленинграде и Москве проходила выставка японского кино. Японо-советское литературно-художественное общество в августе 1931 г. проводило выставку материалов по советской культуре. В начале 1930-х гг. в Москве прошла выставка японской живописи из коллекции Музея Изящных Искусств и Восточного Музея.

Отдельным событием исследователи выделяют гастроли театра "Кабуки". Гастроли проходили с большими сложностями и, тем не менее, удались "выше всяких похвал".[230]

Важным событием так же считался концерт в память М.П. Мусорского, прошедший в Токио в 1931 г. Японских музыкантов, в свою очередь, старались приглашать в СССР. Так, был организован приезд известного японского дирижера Коноэ Хидэмаро, 25 января 1931 г. он дирижировал Большим Симфоническим Оркестром Радиоуправления, выступление вызвало большой ажиотаж среди советской публики.

Кроме того, в силу специфики положения советских ученых, ВОКС брало на себя функции обмена научными материалами. В основном обмен происходил через организацию "Косуай Бунка Синкокай". Отдельно стоит сказать о приглашении в Японию писателя Б. Пильняка. Писатель пробыл в Японии два с половиной месяца. Провел многочисленные встречи с

[230] Кулинич, Н.Г. Первые гастроли японского театра Кабуки в СССР / Н.Г. Кулинич // Гуманитарные науки и юридические исследования. Исторические науки и археология. - 2016. - № 4. - С. 81-86.

представителями японской культурной интеллигенции. Достаточно подробно данный эпизод раскрывает французская исследовательница Савелли Д.[231]Прибытие Б.Пильняка в Японию стало первым посещением "красным писателем" страны восходящего солнца. Однако в дальнейшем для Б. Пильняка его пребывание в Японии сыграло злую шутку, в 1938 г. он был осужден по обвинению в шпионаже в пользу Японии и расстрелян. Во время своего пребывания в Японии советский писатель столкнулся с "характерным особым отношением" со стороны японской власти, за ним постоянно следили агенты японской полиции, японцам под страхом избиения запрещалось с ним общаться, применялись обыски и прочие методы "выдавливания". Делалось это из страха распространения коммунистической идеологии, так или иначе с таким особым отношением сталкивались многие советские гости.

В начале 20-х японская культура была популярна исключительно у интеллигенции, довольно узкого круга советских граждан, именно поэтому основную массу контактов составляют культурные связи. Однако с 1925 года объем туристической активности со стороны советских граждан начинает расти. Стоит отметить, что по сохранившимся японским данным, поток советских туристов был в 5 раз меньше, чем туристов из Китая или США. В Японию приезжали в основном представители творческих профессий. Они руководствовались в основном личными интересами. Так, в Японии в 1920-е гг. побывали поэты Рюрек Ивнев, Илья Севильский, Давид Бурлюк, искусствовед Николай Пунин. Такого рода культурный туризм не был массовым, этому способствовали ряд факторов: высокая стоимость поездки, сложности в получении разрешения на путешествие, низкий уровень транспортной инфраструктуры и обслуживания. Серьезную проблему для туристов составлял и языковой барьер, английский язык в Японии был не популярен, вероятно, в силу националистических настроений в японском обществе. Японские туристы делились на 2 категории, собственно туристы и транзитные, чей путь лишь пролегал через территорию СССР. Стоит отметить, что поездка транзитом через СССР в Польшу оказывалась выгоднее туристической поездки собственно в СССР. Так же туристической активности создавал препятствие "этноцентризм", господствующий в умах как граждан СССР, так и японских граждан, что сильно усложняло взаимопонимание. Если не считать туристическими все поездки, организованные государством, которые во многих случаях так же протекали с большими сложностями, стоит сделать вывод, что правительства СССР и Японии только декларировали значимость туристического обмена, однако

[231] Савелли, Д. Борис Пильняк как ключевая фигура советско-японских культурных отношений (1926-1937) / Д. Савелли // Вестник Евразии. История. Исторические науки. - 2002. - № 2. - С. 18-44.

мало делали для его успешной реализации. Инициатива туристических контактов часто исходила от частных лиц, а не от государств. Более подробно вопросы Советско-японского туризма в рассматриваемый период раскрывает историк, к.и.н. Дарья Валерьевна Киба [232] . Туристические контакты активно развивались до середины 30-х годов, после чего произошло их резкое падение в связи с усилением политических разногласий между СССР и Японией. В СССР узкий круг интеллигенции, увлекавшейся японской культурой и совершавшей поездки в Японию, к началу 40-х годов почти полностью уничтожили репрессии.

Отдельно стоит упомянуть о японской православной церкви, с 1912 г. её возглавлял епископ (с 1921 г. - архиепископ, с 1931 г. митрополит) Сергий (Тихомиров). С началом революции в России начался процесс отторжения японской православной церкви от русской церкви. События 20-х годов привели к образованию "временно самоуправляющейся Русской православной церкви за границей" (1921 г. Сербия). Активная монархическая позиция РПЦЗ ставила под удар церковь в СССР. В 1927 г. митрополит Сергий, глава с 1925 г. РПЦ, издал декларацию "о полном признании власти и совместной работе с ней для блага советской родины". В ней содержалось требование в письменной форме дать обязательство полной лояльности к СССР в любой общественной деятельности. Не давшие такого обязательства исключались из "клира" московской епархии. Заграничный синод постановил прекратить административные отношения с московской епархией. Требуемую подписку дали небольшое число иерархов, в том числе и глава японской православной церкви. Японская православная церковь состояла в большинстве своем из японцев, она была единственно крупной национальной церковью в отличие от других зарубежных образований РПЦ. Тем не менее, после революции прекратилось её финансирование из России, ей пришлось выходить на самообеспечение и серьезно сокращать штат служителей. Однако митрополит Сергий настаивал на каноническом единстве с РПЦ в СССР. Какое-то время до конца 1920-х годов Сергий поддерживал связь и с РПЦЗ и РПЦ, однако "Москва" полностью отрезала от внешнего мира РПЦ к 1931 г. а восточным иерархам РПЦЗ пришло письмо о том, чтобы они прекратили все контакты с Сергием Японским. Подробно тему Японской православной церкви раскрывает в своей статье Н.А. Суханова[233].

[232] Киба, Д.В. Туристические связи как фактор межкультурного диалога Японии и СССР в 1920-1930-е гг. / Д.В. Киба // Росиия и АТР. - 2016. - № 2. - С. 106-120.
[233] Суханова, Н.А. Японская православная церковь в 1917-1948 гг. : от Московской патриархии к Американской митрополии / Н.А. Суханова // Япония. Ежегодник. - 2006. - №35. - С. 272-288.

Таким образом, Японская православная церковь оказалась в вакууме, многим прихожанам казалось неприемлемым единение с "красной церковью", на котором настаивал Сергий Японский. Кроме того, в 1939 г. в Японии вышел закон о религиозных организациях. Согласно закону все религиозные организации в 1941 г. должны были пройти обязательную регистрацию в министерстве народного просвещения, обязательным условием было руководство организацией японцем. Закон серьезно ударил по всем христианским конфессиям в Японии, во главе которых стояли иностранцы. Начался процесс замены руководителей на японцев. Сергий был вынужден покинуть свой пост, и передал управление японцу Арсению Ивасава. Ивасава был влиятельным человеком, связанным с военными кругами. Почти сразу после его назначения в церкви возникли разногласия. На соборе был избран другой руководитель, настоятель церкви в Оска Яков Тохэй. Ивасава остался в оппозиции. Тем временем вести о разногласиях в японской церкви дошли до руководства РПЦЗ, там настаивали на невозможности существования церкви без епископа. Ивасава нашел кандидата Иоана Оно (он устраивал японское военное командование) в марте 1941 г. он отправился в Харбин для получения епископского сана, однако прихожане в Японии не восприняли нового иерарха, пока в 1941 г. 18 июня не состоялся внеочередной собор Японской православной церкви, на котором присутствовал епископ Николай Оно, протоирей Яков Тохэй и их сторонники, а так же японские военные чиновники из министерства народного просвещения. Под давлением военных чиновников духовенству пришлось признать нового епископа одновременно с Яковом Тохэй. Однако противоречия и скрытая оппозиция в Японской православной церкви сохранялись еще долгий период, что, в конечном итоге, привело её к присоединению к американской епархии в 1948 г.

Отдельно следует упомянуть о работе японских СМИ в 1922-1941 г. В Японии на тот момент существовала достаточно развитая система периодической печати, многие газеты издавались на других языках и на коммерческой основе сотрудничали с иностранными изданиями. Начиная с 1930 гг., японские СМИ активно проводят мобилизационную пропаганду, оправдывают все амбициозные устремления Японского государства. Причина в том, что японские газеты, в отличие от западной печати, контролировались военными. Повсеместно публиковались идеи превосходства японской нации, на что выделялись внушительные средства. Инакомыслие подавлялось всевозможными средствами. Всевозможные эмигрантские издания так же шли в русле японской информационной

политики. Таким образом, японская печать была еще одним инструментом активной экспансии на международном информационном пространстве[234].

[234] Санжиева, Л.Б. О некоторых аспектах участия Японии в международном информационном обмене в 1930-х гг. / Л.Б. Санжиева // Власть. - 2014. - № 5. - С. 161-165.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главной целью исследования было построение целостной исторической картины советско-японских отношений в период 1922-1941 гг. Для достижения поставленной цели в рамках исследования был решен ряд задач. Удалось подробно рассмотреть советско-японские отношения в период 1922-1941 гг. Осветить основные проблемы нормализации советско-японских отношений. Выявить основные факторы, влиявшие на развитие советско-японских отношений, а так же проанализировать роль и влияние ведущих деятелей в советско-японских отношениях. Результат исследования позволяет сделать следующие выводы:

1. На основании изученного материала можно выделить 4 основных периода в развитии советско-японских отношений в 1922-1941 гг., это:

- возобновление и нормализация отношений в 1922-1925 гг. В этот период завершается Японская интервенция, проводится большое количество переговоров, устанавливаются дипломатические связи между СССР и Японией;

- расширение и улучшение отношений в 1925-1932 гг. В этот период Япония официально признает Советское государство, между СССР и Японией налаживается широкое концессионное сотрудничество. Устанавливаются культурные связи, проводятся совместные выставки в Японии, Москву посещают артисты японского театра;

- похолодание в отношениях в 1932-1936 гг. В этот период Япония оккупирует Маньчжурию и создает там марионеточное государство Маньчжоу-Го. Происходит продажа прав СССР на КВЖД государству Маньчжоу-Го. Япония и Германия заключают антикоминтерновский пакт, что негативно сказывается на советско-японских отношениях;

- ухудшение отношений в 1936-1941 гг. В этот период СССР предоставляет широкую помощь Китаю в его борьбе с Японией. Между СССР и Японией происходит ряд вооруженных столкновений, на озере Хасан (1938 г.) и на реке Халхин-Гол (1939 г.). В 1941 г. Япония и СССР подписывают пакт о нейтралитете. На протяжении всего периода экономическое сотрудничество между СССР и Японией сокращается, но исчезает;

2. В первой половине 20-х годов основными проблемами нормализации советско-японских отношений были проблемы:

В первой половине 20-х гг. советское правительство активно боролось за завершение японской интервенции мирными способами. Крайне важным

для советского правительства был вопрос официального признания. Важной была проблема конкуренции ЮМЖД и КВЖД. Крайне важным в советско-японских отношениях был концессионный вопрос.

3.Основные факторы, оказавшие влиявшие на советско-японские отношения:

Важным фактором являлось внутреннее экономическое развитие обоих государств, Япония нуждалась в ресурсах, СССР нуждался в промышленных товарах и оборудовании, эти обстоятельства подталкивали государства идти на сближение.

В первой половине 1920-х годов важным фактором было, влияние региональных властей на советско-японские отношения, это проявлялось в деятельности ДВР, а так же различных земских правительств.

Большое влияние на развитие советско-японских отношений в разные периоды оказывала позиция западных держав по отношению к политике Японии и СССР на Дальнем Востоке. Позиция США на "Вашингтонской конференции" вынуждала Японию завершить интервенцию.

Политика Японии в Маньчжурии являлась важным фактором, влиявшим на состояние советско-японских отношений, особенно ярко это проявлялось с 1932 года, когда Маньчжурия фактически была оккупирована Японией.

Оказывали влияние на ход развития советско-японских отношений и случайные события. Великое землетрясение Канто, произошедшее 1 сентября 1923 года, привело к череде событий, например, инциденту с пароходом "Ленин".

4. Личная позиция государственных деятелей, занимавших те или иные государственные посты, по самым разным вопросам являлась еще одним важным фактором, влиявшим на развитие советско-японских отношений. Так, частные усилия Гото Симпея привели к проведению неофициальных переговоров с Л.М. Караханом в Токио, что в дальнейшем привело к заключению в 1925 году "Пекинского договора".

Взаимные жесты дружбы тесно переплетались с конфликтами, на протяжении всего хода развития отношений, это говорит о существовании большого количества параллельно протекающих процессов в советско-японских отношениях. Так, при оккупации Японией Маньчжурии в 1932 г. советскими властями были спасены японские граждане.

Можно говорить о том, что проблемы советско-японских отношений не лежат в плоскости исключительно политики, противостояния и агрессивной "империалистической экспансии" как писало большинство советских

авторов. Советско-японские отношения представляли собой сложную, многофакторную систему, где общий ход событий при доминирующей роли экономических предпосылок, определялся комплексом объективных и субъективных факторов, а так же исторических случайностей.

В советско-японских отношениях доминировали факторы внутреннего развития Японии и СССР. Активность двухсторонних отношений обуславливалась наличием как совместных границ и территорий, в которых пересекались интересы обоих государств, так и частными интересами различных группировок внутри Японии. В советско-японских отношениях в большинстве случаев доминировал прагматичный, обусловленный экономическими реалиями подход, но с учетом идеологических и политических нюансов.

Таким образом, выводы, полученные в результате проведенного исследования, позволяют на их основе построить целостную историческую картину советско-японских отношений в 1922-1941 гг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники:

1. ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. : научное издание / отв. ред. Г. Адибеков, Х. Вада. – М.: РОССПЭН, 2001. – 792 с.

2. Документы внешней политики СССР. Т. 3. – М.: Госполитиздат, – 1959. - 723 с.

3. Документы внешней политики СССР. Т. 4. – М.: Госполитиздат, – 1960. - 838 с.

4. Документы внешней политики СССР. Т. 5. – М.: Госполитиздат, – 1961. - 807 с.

5. Документы внешней политики СССР. Т. 6. – М.: Госполитиздат, – 1962. - 671 с.

6. Документы внешней политики СССР. Т. 7. – М.: Госполитиздат, – 1963. - 760 с.

7. Документы внешней политики СССР. Т. 8. – М.: Госполитиздат, – 1963. - 834 с.

8. Документы внешней политики СССР. Т. 9. – М.: Госполитиздат, –1964. - 883 с.

9. Документы внешней политики СССР. Т. 10. – М.: Госполитиздат, – 1965. - 688 с.

10. Документы внешней политики СССР. Т. 11. – М.: Госполитиздат, – 1966. - 792 с.

11. Документы внешней политики СССР. Т. 12. – М.: Госполитиздат, – 1967. - 816 с.

12. Документы внешней политики СССР. Т. 13. – М.: Госполитиздат, – 1967. - 883 с.

13. Документы внешней политики СССР. Т.14. – М.: Госполитиздат, – 1968. - 872 с.

14. Документы внешней политики СССР. Т. 15. – М.: Госполитиздат, – 1969. - 868 с.

15. Документы внешней политики СССР. Т. 16. – М.: Госполитиздат, – 1970. - 920 с.

16. Документы внешней политики СССР. Т. 18. – М.: Госполитиздат, – 1973. - 717 с.

17. Документы внешней политики СССР. Т. 19. – М.: Госполитиздат, – 1974. - 824 с.

18. Документы внешней политики СССР. Т. 20. – М.: Госполитиздат, 1976. - 815 с.

19. Документы внешней политики СССР. Т. 21. – М.: Госполитиздат, 1977. - 792 с.

20. Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн.1. – М.: Международные отношения, –1992. - 712 с.

21. Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн.2. – М.: Международные отношения, –1992. - 692 с.

22. Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн.1. – М.: Международные отношения, – 1995. - 750 с.

23. Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. – М.: Международные отношения, –1998. - 446 с.

24. Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 2. – М.: Международные отношения, –1998. - 839 с.

25. Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебрениковых, 1919–1934. Т.1. – М.: Издательство Гуверовского института, 2006. - 448 с.

26. Майский, И.М. Избранная переписка с российскими корреспондентами : в 2 кн. / И.М. Майский. Кн.1. – М.: Наука, 2005. - 644 с.

27. Москва – Токио: Политика и дипломатия Кремля. 1921–1931: сб. документов: В 2 кн. / Рос. акад. наук, Ин–т всеобщей истории, Ин–т рос. истории; Архив Президента Рос. Фед. – М.: Наука, 2007. - 434 с.

28. Трояновский, О.А. Через годы и расстояния: История одной семьи: историческая литература / О.А. Трояновский. – М.: ВАГРИУС, 1997. – 383 с.

Периодическая печать:

29. Красноярский рабочий. Региональная общественно-политическая газета. 1920-1925 г.

30. Последние новости. Парижская общественно-политическая газета. 1937 г.

31. Советский Сахалин. Региональная общественно-политическая газета. 1925 г.

32. Известия. Центральная общественно политическая газета. 1920-1941 г.

Литература:

33. Андрюков, Б.Г. Участие Владивостокского морского госпиталя в медицинском обеспечении Хасанской операции / Б.Г. Андрюков // Здоровье. Медицинская экология. Наука.- 2011. - № 2. - С. 36-43.

34. Азаренков, А.А. Геополитический вызов России: "Вашингтонская система" региональной стабильности и возвращение СССР на Дальний Восток / А.А. Азаренков // Вестник Московского государственного областного университета серия 'История и политические науки' . - 2009. - № 2. - С. 61-66.

35. Аварин, В. Я. Борьба за Тихий океан: (Агрессия США и Англии, их противоречия и освободительная борьба народов) / В.Я. Аварин. – М.: Госполитиздат, 1952. - 671 с.

36. Бармин, В.А. Советская и зарубежная печать о соперничестве Советского Союза и великих держав в Синьцзяне в 1930-х гг. / В.А. Бармин // Вестник Алтайского государственного университета. - 2013. - № 4. - С. 26-30.

37. Борисова, А.В. Роль рыболовной конвенции 1928 года в развитии Русско-японских дипломатических отношений накануне Второй мировой войны / А.В. Борисова // Мир Евразии. - 2013. - № 1 (20). - С. 14-17.

38. Булатов, В.В. Японские концессии на Северном Сахалине как инструмент советской внешней политики / В.В. Булатов // Власть. - 2008. - № 11. - С.124-128.

39. Бочков, Е.А. Особенности организации материально технического обеспечения войск Дальневосточного фронта в период советско-японского военного конфликта в районе озера Хасан. 1938 г. / Е.А. Бочков // Новейшая история России. - 2013. - № 2. - С. 18-41.

40. Воробьева, Т.А. Советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г. в современной отечественной историографии / Т.А. Воробьева // Вестник ВятГГУ. - 2010. - № 2 (1). - С. 25-38.

41. Гайкин, В.А. Японская интервенция на Дальнем Востоке России (1918-1922) и антияпонская борьба в Маньчжурии / В.А. Гайкин // Россия и АТР. - 2012. - № 4. - С. 104-113.

42. Грачев, А.В., Ципкин Ю.Н. Обстановка на государственной границе СССР с Маньчжурией июль-декабрь 1941 г. / А.В. Грачев, Ю.Н. Ципкин // Вестник ТОГУ. - 2013. - № 1(28). - С. 307-312.

43. Дацышен, В.Г. Китайцы в Сибири в XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации / В.Г. Дацышен. – Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2008 –327 с.

44. Дацышен, В.Г. Русско-японские отношения на Северном Сахалине в период японской оккупации (1920-1925 гг.) / В.Г. Дацышен // Япония. Ежегодник. - 2014. - № 43. - С. 193-209.

45. Дацышен, В.Г. Японские беженцы в Забайкалье в 1932 г. (Из истории советско-японских отношений) / В.Г. Дацышен // Россия и АТР. - 2013. - № 2 (80). - С. 38-45.

46. Дацышен, В.Г. Проблемы японского труда в рыбной промышленности российского Дальнего Востока / В.Г. Дацышен // Мир Евразии. - 2013. - № 1 (20). - С. 20-24.

47. Дацышен, В.Г. Японское консульство в Новосибирске. Из истории советско-японских отношений / В.Г. Дацышен // Сибирь и Центральная Азия: актуальные вопросы политического и социокультурного развития. Пятые научные чтения памяти Е.М. Залкинда. Материалы международной научной конференции 27 апреля 2012 г. Под. общ. ред. А.В. Старцева – Барнаул: Азбука, 2012. С.126-128.

48. Дьяченко, Н.В. Японский фактор и Советско-монгольские отношения в начале 30-х годов XX в. / Н.В. Дьяченко // Вестник БГПУ: Гуманитарные науки. - 2004. - № 4. - С. 120-124.

49. Дондоков, Ц.С. Безопасность граждан и организованная преступность в Дальневосточной республике: 20-ые годы XX века / Ц.С. Дондоков // История государства и права. - 2008. - № 11. - С. 35-39.

50. Дубинский, А.М. Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке / А.М.Дубинский. - Москва : Мысль, 1966. - 593 с.

51. Ермакова, Л. Об одной японской коллекции (Первая арфа в Японии и Советский союз 1930-х) / Л. Ермакова , К. Танака , С. Хияма // Япония. Ежегодник. - 2013. - № 42. - С. 357-372.

52. Ёкотэ, С. Представления японцев о России в начале периода Сёва (середина 1920-х – середина 1930-х гг.) // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. К 60-летию профессора Вада Харуки. М.: АИРО-XX, 2001.

53. Жалсапова, Ж.Б. Конфликт на Монголо-маньчжурской границе 1939 года в отражении иностранной прессы : происхождение и начало / Ж.Б. Жалсапова // Вестник Челябинского государственного университета. - 2009. -№ 29. - С. 126-129.

54. Журина, Е.Н. Движение к признанию СССР и его сторонники в США в 1932-1933 годах / Е.Н. Журина // Вестник БГУ. - 2012. - № 2. - С. 31-36.

55. Жигалов, Б.С. О характере и целях дальневосточной политики Советского государства в 1920-1924 гг. / Б.С. Жигалов // Вестник ТГУ. История. - 2010. - № 4 (12). - С. 135 -148.

56. Жуков, Е.М. Международные отношения на Дальнем Востоке / АН СССР. Ин-т Дальнего Востока; редкол.: акад. Е.М. Жуков (отв. ред.) и др. – М.: Мысль, 1973- 324 с .

57. Зимонин, В.П. Пакт о нейтралитете с Японией дипломатическая история / В.П. Зимонин // Военный академический журнал. - 2014. - № 1. - С. 145-155.

58. Зайцев, Ю.М. Подготовка сопредельной территории Дальнего Востока к войне (1932-1945) / Ю.М. Зайцев // Россия и АТР. - 2010. - № 3. - С. 5-14.

59. История гражданской войны в СССР : в 5 томах./ Ред. комиссия тома: Будённый С. М., Найда С. Ф., Обичкин Г. Д., Софинов Н. Г., Стручков А. А., Шатагин Н. И. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. — Т. 5. — 420 с.

60. Исаев, А.А. Оборонно-массовая работа на Дальнем Востоке в конце 1920-х - начале 1940-х гг. / А.А. Исаев // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. - 2014. - № 1. - С. 59-69.

61. Исаев, А.А. Социально-политические настроения на японских концессиях о. Сахалин в 1930-е - начале 1940-х гг. / А.А. Исаев // Ойкумена. - 2009. - № 4. - С. 78-82.

62. Куртинец, С.А. Разведывательная деятельность японских консульств на советском Дальнем Востоке (1922-1931) / С.А. Куртинец // Вестник ДВО РАН. - 2011. - № 1. - С. 28-35.

63. Куртинец, С.А. Разведывательно-подрывная деятельность японского консульства во Владивостоке в начале 20-х голов XX века / С.А. Куртинец // Власть и управление на Востоке России. - 2011. - № 1 (54). - С. 100-104.

64. Курас, Л.В. Атаман Семенов : Любовь, переросшая в предательство / Л.В. Курас // Власть. - 2014. - № 2. - С. 184-188.

65. Касахара, К. Какой урок извлекла Япония в боях у озера Хасан / К. Касахара // Российский гуманитарный журнал. История. Исторические науки. - 2016. - № 6. - С. 554-563.

66. Кулинич, Н.Г. Первые гастроли японского театра Кабуки в СССР / Н.Г. Кулинич // Гуманитарные науки и юридические исследования. Исторические науки и археология. - 2016. - № 4. - С. 81-86.

67. Кротова, М.В. Генерал В.Н.Касаткин неизвестные страницы жизни в Харбине / М.В. Кротова // Новый исторический вестник. - 2012. - № 33. - С. 110-118.

68. Курас, Л.В. Японская военная миссия в Маньчжоу-Го: подготовка к агрессии (к 75-летию событий на Халхин-Голе) / Л.В. Курас // Власть. - 2014. - № 8. - С.143-147.

69. Кутаков, Л.Н. Портсмутский мирный договор: из истории отношений Японии с Россией и СССР. 1905-1945 гг. / Л. Н. Кутаков. – М.: Соцэкгиз, 1961. - 291 с.

70. Киба Д.В. Туристические связи как фактор межкультурного диалога Японии и СССР в 1920-1930-е гг. / Д.В. Киба // Россия и АТР. - 2016. - № 2. - С. 106-120.

71. Лисицына, Е.Н. Советский экспорт нефти и "План Мацуката" / Е.Н. Лисицина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. - 2011. - № 132. - С. 33-39.

72. Ложкина А.С. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей и развитие советско-японских культурных отношений (1925-1939 гг.) / А.С. Ложкина // Япония. Ежегодник. - М.:"АИРО-XXI", 2015. - С. 119-131.

73. Ложкина, А.С. Япония в представлениях советского военного руководства 30-х гг. XX в. / А.С. Ложкина // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История. Политология». - 2008. - № 4/5. - С. 111-115.

74. Молодяков, В.Э. Почему Сталин продал КВЖД: механизм решения / В.Э. Молодяков // Япония. Ежегодник. - 2009. - № 38. - С.294-310.

75. Молодяков, В.Э. Россия и Япония в поисках согласия (1905 - 1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи / В. Э. Молодяков. – М.: Аиро-XXI, 2012. - 655 с.

76. Молодяков, В.Э. От вражды к партнерству. Сиратори Тосио и внешняя политика Японии в отношении СССР, 1930-1941 / В.Э. Молодяков // Форум японских и российских исследователей. Новый мир истории России. М., 2001.

77. Накамура, С. Японцы и русские. Из истории контактов // С. Накамура. – М.: Прогресс, 1983. - 303 с.

78. Пузыня, Н. Н. Конфликт на Халхин-голе и смена вектора внешней политики Японии / Н.Н. Пузыня // Вестник Челябинского государственного университета. История. - 2009. - № 37. - С. 62-67.

79. Пономарева, Б.Н. История внешней политики СССР, 1917-1985: в 2 т. / Б.Н. Пономарева; под ред. А.А. Громыко. – М.: Наука, 1986. - 534 с.

80. Рубанов, Е.А. Фашисткое и националистическое движение в среде русской эмиграции в Манчжурии в 1930-1940-е гг. / Е.А. Рубанов // Россия и АТР. - 2014. - № 3. - С. 115-125.

81. Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых / Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения ; [отв. ред. И. А. Латышев]. – М.: Наука, - 1986. - С.89-106.

82. Субханкулов, Р.Ф. Основные аспекты развития отечественной историографии участия СССР в войнах и военных конфликтах второй половины 1930-х гг. / Р.Ф. Субханкулов // Вестник МГГУ им. М.А.Шолохова. - 2012. - № 2. - С. 57-70.

83. Суханова, Н.А. Японская православная церковь в 1917-1948 гг. : от Московской патриархии к Американской митрополии / Н.А. Суханова // Япония. Ежегодник. - 2006. - № 35. - С. 272-288.

84. Санжиева, Л.Б. О некоторых аспектах участия Японии в международном информационном обмене в 1930-х гг. / Л.Б. Санжиева // Власть. - 2014. - № 5. - С. 161-165.

85. Субханкулов, Р.Ф. Участие СССР в вооруженных конфликтах у озера Хасан и реки Халхин-Гол : историографический аспект / Р.Ф. Субханкулов // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. - 2011. - № 1. - С. 32-39.

86. Севостьянов, Г.Н. Дипломатическая история войны на Тихом океане : от Пирл-Харбора до Каира / Г.Н. Севостьянов. – М.: Наука, 1969. - 648 с.

87. Савелли, Д. Борис Пильняк как ключевая фигура советско-японских культурных отношений (1926-1937) / Д. Савелли ; Г. Косач // Вестн. Евразии. - 2002. - № 2. - С.18-45.

88. Сафронов, В.П. СССР, США и военная агрессия на дальнем востоке и Тихом океане, 1931-1945 гг. / В.П. Сафронов // РАН. Ин-т рос. истории. – М., 2001.

89. Сидоров, А.Ю. Внешняя политика Советской России на Дальнем Востоке (1917-1922) / А.Ю. Сидоров // Социальные и гуманитарные науки. История. - 1997. - 173 с. - С. 123-132.

90. Ткачева, Г.А. Обороноспособность дальневосточного региона в 1941-1945 гг. / Г.А. Ткачева // Россия и АТР. - 2004. - № 2. - С. 43-52.

91. Фунакава, Х. Инцидент с арестом сотрудников генерального консульства Японии во Владивостоке / Х. Фунакава // Ойкумена. - 2012. - № 1. - http://www.ojkum.ru/

92. Фудзимото, В. Дорога к признанию : установление японо-советских дипломатических отношений в 1925 году / В. Фудзимото // Родина. - 2005. - № 10. - С. 23-26.

93. Черепанов, К.В. Некоторые аспекты советской внешнеполитической деятельности на Дальнем Востоке в конце 1920-х - начале 1930-х гг. (по материалам Архива внешней политики Российской Федерации) / К.В. Черепанов // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность. - Омск, 2014. - № 1. - С. 98-107.

94. Шалкус, Г.А. Создание и деятельность японских концессий на северном Сахалине в 1925-1944 гг. / Г.А. Шалкус // Сибирский торгово-экономический журнал. - 2008. - № 7. - С. 1-5.

95. Шматов, В.Г. К вопросу о характере, видах и объемах советской помощи Китаю в период японской агрессии (1937-1942 гг.) / В.Г. Шматов // Известия Алтайского государственного университета. - 2014. - № 1 (том1). - С. 249-252.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Гуманитарный институт
Кафедра всеобщей истории

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
_____ В.Г. Дацышен
подпись инициалы, фамилия
«29» 06 2017 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИКАКАФИЦИОННАЯ РАБОТА МАГИСТРАНТА

Советско-японские отношения в 1922 – 1941 гг.
Тема

46.04.01. История
код и наименование направления
46.04.01.01 История Азии и Африки
код и наименование магистерской программы

Научный руководитель 15.06.17 профессор, д-р. ист. наук В.Г. Дацышен
подпись, дата должность, ученая степень инициалы, фамилия

Выпускник 15.06.17 А.А. Абрамочкин
подпись, дата инициалы, фамилия

Рецензент 15.06.17 доцент, канд. ист. наук М.Г. Тарасов
подпись, дата должность, ученая степень инициалы, фамилия

Красноярск 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 3
Глава 1.Советско-японские отношения в 20–х гг. XX в. 14
1.1. Проблемы советско-японских отношений в 1920-1922 гг. 14
1.2.Нормализация советско-японских отношений в 1922-1925 гг..... 34
1.3. Советско-японские отношения во второй половине 20-х годов XX века. 41
Глава 2. Советско-японские отношения в 1931-1941 гг. 60
2.1.Основные проблемы советско-японских отношений в 1931-1936 гг..... 60
2.2. Ухудшение советско-японских отношений в 1937-1941 гг..... 72
2.3. Советско-японские культурные связи 1922-1941 г. 84
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 90
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ..... 93

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена как общественно политическими, так и научными факторами. Япония является на сегодня одной из наиболее развитых стран мира и важнейшим экономическим и культурным партнером для России. С каждым годом все большую популярность приобретают в нашей стране элементы японской культуры из самых разных областей, от литературы до обычаев и ритуалов. Высоко ценятся в России товары японского производства. Кроме того, вопрос русско-японских отношений сегодня особенно актуален в связи с нерешенной проблемой принадлежности Курильских островов.

Состояние отношений между Японией и Россией на протяжении всего периода совместной истории являлось важнейшим фактором, определявшим ход событий не только в азиатском регионе, но и в мире. Весь объем накопленного опыта взаимоотношений необходим для правильного понимания процессов, происходящих сегодня между Россией и Японией. Правильное понимание процессов позволяет выстраивать продуманную политику, прогнозировать и принимать верные решения в разрешении противоречий во взаимовыгодном для обеих стран ключе. История взаимоотношений России и Японии содержит немало положительных примеров разрешения противоречий в позитивном, взаимовыгодном ключе. Тем не менее, тема русско-японских отношений в отечественной исторической науке до сих пор остается недостаточно изученной, следовательно, большой пласт исторического опыта остается не освоенным.

Историография. Первые работы, посвященные проблемам советско-японских отношений 1922-1941 гг., были написаны уже современниками. Книга Е.М. Жукова "История Японии"[1], вышедшая в 1939 г., описывала политику Японии с марксистко-ленинских позиций. Япония в данной работе представала исключительно агрессором, показывалось влияние политики

[1] Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых / Акад. наук СССР, Ин–т востоковедения ; [отв. ред. И. А. Латышев]. – Москва : Наука, – 1986. – С. 82.

умиротворения Германии, которая усиливала опасность войны не только в Европе, но и в Азии. К первым работам так же можно отнести работу Г.Н. Войтинского "Японский империализм и война на Дальнем Востоке"[2] 1936 г., в которой автор прогнозировал агрессию Японии в Китае, а захват Маньчжурии Японией интерпретировал, как начало нового этапа в отношениях СССР и Японии. Главным недостатком данных работ была крайняя идеологизация и политизация.

В отдельную группу можно выделить общие работы советских ученых, не специализированные на изучении советско-японских отношений, в которых так или иначе проблемы советско-японских отношений были затронуты. Это такие работы, как 2-х томная "История внешней политики СССР"[3] под редакцией А.А. Громыко и Б.Н. Пономарева, изданная в 1980 г. Через призму гражданской войны советско-японские отношения представлены в работе "История гражданской войны в СССР" [4], в ней рассматриваются проблемы японской интервенции. Работа Л.Н. Кутакова, изданная в 1961 г. "Портсмутский мирный договор 1905–1945 гг." [5] рассматривает советско-японские отношения через призму борьбы СССР с Японией за ликвидацию несправедливых условий Портсмутского мирного договора, автором было введено в научный оборот большое количество новых документов. Другой интересной работой Л.Н. Кутакова была работа "Дипломатия агрессоров", вышедшая в 1967 г., где на основе большого количества документов в ней представлена историческая картина подготовки к большой войне японо-германского блока. Работа А.М. Дубинского

[2] Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых / Акад. наук СССР, Ин–т востоковедения ; [отв. ред. И. А. Латышев]. – Москва : Наука, – 1986. – С.80.
[3] Пономарева Б.Н. История внешней политики СССР, 1917–1985: в 2 т. / Б.Н. Пономарева; Под ред. А.А. Громыко. – Москва : Наука, – 1986. – 534 с.
[4] История гражданской войны в СССР : в 5 томах./ Ред. комиссия тома: Будённый С. М., Найда С. Ф., Обичкин Г. Д., Софинов Н. Г., Стручков А. А., Шатагин Н. И. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1960. –Т.5.– 420 с.
[5] Кутаков, Л.Н. Портсмутский мирный договор: из истории отношений Японии с Россией и СССР. 1905–1945 гг. / Л. Н. Кутаков. – Москва : Соцэкгиз, 1961. – 291 с.

"Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке" [6], рассматривала проблемы советско-японских отношений через призму развития национально освободительных движений в Азии. В работе Е.М. Жукова "Международные отношения на Дальнем Востоке" [7], рассматриваются отношения между СССР и Японией, в системе общемировых дипломатических отношений. В работе автор приходит к выводу, что агрессивные намерения японских милитаристов при невмешательстве мирового сообщества привели к кровопролитной войне в Азии, только благодаря СССР агрессор был остановлен.

Обширную историографию составляют исследования, посвященные войне на Тихом океане. Главной причиной войны авторы этих работ называют межимпериалистические противоречия. Исследования, посвященные изучению Тихоокеанской войны, начали публиковаться в СССР практически сразу после её завершения. Так, в 1947 г. появился труд В. Аварина "Борьба за Тихий океан"[8], в котором подробно рассматривалось японо-американское торговое соперничество в Китае. Главное, В. Аварин выделял два периода в поведении Японии – до нападения на СССР Германии и после, в результате чего Япония бросилась в "водоворот войны". Все эти работы были основаны на марксистско-ленинском подходе, существенным их недостатком оставалась идеологизация. Работа Г.Н. Севостьянова "Дипломатическая история войны на Тихом океане" [9] рассматривает межимпериалистические противоречия великих держав на Тихом океане в едином комплексе.

Советский историографический период протекал во время, когда источники были закрыты и господствовали цензурные ограничения,

---

[6] Дубинский, А.М. Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке / А.М.Дубинский. – Москва : Мысль, 1966. – 593 с.

[7] Жуков, Е.М. Международные отношения на Дальнем Востоке / АН СССР. Ин–т Дальнего Востока; редкол.: акад. Е.М. Жуков (отв. ред.) и др. – Москва : Мысль, 1973– 324 с.

8 Аварин, В. Я. Борьба за Тихий океан: (Агрессия США и Англии, их противоречия и освободительная борьба народов) / В.Я. Аварин. – Москва : Госполитиздат, 1952. – 671 с.

[9] Севостьянов, Г.Н. Дипломатическая история войны на Тихом океане : от Пирл–Харборо до Каира / Г.Н. Севостьянов. – Москва : Наука, 1969. – 648 с.

конфликты до 1940 г. описывались в контексте предыстории второй мировой войны. Освещение этих событий вплоть до распада СССР в значительной степени были связаны с задачами партийно-государственной пропаганды. В то же время, в советский период был накоплен большой фактический материал, который, тем не менее, был хорошо проработан[10].

В последние годы интерес к советско-японским отношениям значительно возрос, возникли новые научные подходы к изучению их истории. Среди новых исследований стоит отметить работы ученого В.Э. Молодякова. Работа В.Э. Молодякова "Россия и Япония в поисках согласия (1905-1945 гг.): геополитика, дипломатия, люди и идеи" [11], основана на большой базе новейших как российских, так и зарубежных источников. Это первое полное комплексное исследование истории советско-японских отношений. В.Э. Молодяков в процессе исследования советско-японских отношений выделил основные территориальные, экономические, дипломатические проблемы и противоречия между странами, часть из которых актуальны и сегодня.

Стоит отметить труды ученых, проводящих отдельные исследования по истории советско-японских отношений. В целом таких работ большинство. Так, историю деятельности японского консульства в городе Новосибирске изучал красноярский ученый В.Г. Дацышен (его исследование "Японское консульство в Новосибирске. Из истории советско–японских отношений")[12]. В.Г. Дацышен в работе "Русско-японские отношения на Северном Сахалине в период японской оккупации (1920-1925 гг.)" [13] занимался изучением проблем экономической деятельности японцев на Северном Сахалине. К его исследованиям относится статья "Японские беженцы в Забайкалье в 1932 г. (из истории советско-

[10] Субханкулов Р.Ф. Основные аспекты развития отечественной историографии участия СССР в войнах и военных конфликтах второй половины 1930-х гг. / Р.Ф. Субханкулов//Вестник МГГУ им. М.А.Шолохова. - 2012. -№2. - С57-70.

[11] Молодяков, В.Э. Россия и Япония в поисках согласия (1905 – 1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи / В. Э. Молодяков. – Москва : Аиро–XXI, 2012. – 655 с.

[12] Дацышен, В.Г. Японское консульство в Новосибирске. Из истории советско–японских отношений / В.Г. Дацышен // Сибирь и Центральная Азия: актуальные вопросы политического и социокультурного развития. Пятые научные чтения памяти Е.М. Залкинда. Материалы международной научной конференции 27 апреля 2012 г. Под. общ. ред. А.В. Старцева. – Барнаул: Азбука, 2012. - С.126–128.

[13] Дацышен, В.Г. Русско–японские отношения на Северном Сахалине в период японской оккупации (1920–1925 гг.) / В.Г.Дацышен // Япония.Ежегодник. – 2014. – № 43. – С. 193 – 209.

японских отношений)"[14], в ней рассматривается малоизвестный исторический факт помощи японским гражданам, которую им оказали и фактически спасли от гибели власти СССР. К одиночным исследованиям так же можно отнести работу Ц.С. Дондокова "Безопасность граждан и организованная преступность в Дальневосточной республике: 20-ые годы XX века"[15], в ней рассматривается влияние японской интервенции на состояние преступности в ДВР. Геополитический подход использует историк А.А. Азаренков в своей работе "Геополитический вызов России: "Вашингтонская система" [16] региональной стабильности и возвращение СССР на Дальний Восток. Вопросы антияпонской борьбы в Маньчжурии изучал историк В.А.Гайкин[17]. Деятельность японских концессий на Северном Сахалине изучал историк Г.А. Шалкус [18] . Разведывательную и подрывную деятельность японских консульств изучал историк Куртинец С.А[19]., который в своих работах показал, насколько широкая сеть агентов пронизывала советский Дальний Восток в начале 20-х гг. XX в.

Зарубежные ученые тоже успешно занимались изучением советско-японских отношений. В самой Японии было проведено большое количество исследований по истории дипломатических отношений на базе японских источников. Однако японские исследователи в основном занимались данным вопросом в общей системе, и развитие отношений на Дальнем Востоке. В работах Ёкотэ С. "Представления японцев о России в начале периода Сёва (середина 1920-х – середина 1930-х гг.)"[20], Накамура С. "Японцы и русские. Из

[14] Дацышен, В.Г. Японские беженцы в Забайкалье в 1932 г. (Из истории советско–японских отношений). / В.Г. Дацышен // Россия и АТР. –2013. –№ 2 (80). – С. 38–45.
[15] Дондоков, Ц.С. Безопасность граждан и организованная преступность в Дальневосточной республике: 20–ые годы XX века /Ц.С. Дондоков // История государства и права.– 2008 . – № 11.– С. 35-39.
[16] Азаренков, А.А. Геополитический вызов России :"Вашингтонская система" региональной стабильности и возвращение СССР на Дальний Восток / А.А. Азаренков // Вестник Московского государственного областного университета серия 'История и политические науки' . – 2009. – № 2. – С. 61-66.
[17] Гайкин, В.А. Японская интервенция на Дальнем Востоке России (1918-1922) и антияпонская борьба в Маньчжурии / В.А. Гайкин // Россия и АТР. – 2012. – № 4. – С. 104-113.
[18] Шалкус, Г.А. Создание и деятельность японских концессий на северном Сахалине в 1925-1944 гг. / Г.А. Шалкус //Сибирский торгово-экономический журнал. – 2008. – № 7. – С. 1-5.
[19] Куртинец, С.А. Разведывательно–подрывная деятельность японского консульства во Владивостоке в начале 20-х годов XX века / С.А. Куртинец // Власть и управление на Востоке России. – 2011. – № 1 (54). – С. 100-104.
[20] Ёкотэ, С. Представления японцев о России в начале периода Сёва (середина 1920-х – середина 1930-х гг.) // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. К 60-летию профессора Вада Харуки. М.: АИРО-XX, 2001.

истории контактов" [21] , Фудзимото В. "Установление японо-советских дипломатических отношений в 1925 г." [22] и других на основе огромного количества дипломатических материалов из японских архивов и японской прессы тех лет были исследованы основные направления дипломатических отношений между двумя странами.

Однако большое количество зарубежных работ по советско-японским отношениям посвящено предвоенным и военным годам. Этими исследованиями занимались американские и европейские специалисты, - такие, как Вильям Волльф, Дерилл Бериган, Вильям Д. Барнтс. Исследователь советско-японских отношений В.Э. Молодяков, подходя критически, отмечает конъюнктурность большинства западных работ, особенно американских.

Таким образом, существует обширная историография, посвященная проблемам советско-японских отношений. Тем не менее, она по-прежнему не охватывает весь комплекс проблем и противоречий советско-японских отношений. Крупные работы часто носят излишне общий характер, не раскрывают глубинных проблем. Отдельные исследования, подробно раскрывающие те или иные исторические проблемы, не систематизированы, а потому не могут дать общей картины с учетом более глубокого раскрытия исторических проблем.

Объектом исследования является советско-японские отношения в 1922-1941 гг.

Предметом исследования является совокупность политических, дипломатических и культурных взаимодействий и связей между СССР и Японией в период с 1922-ого по 1941 г.

Целью магистерской работы создание целостной картины истории советско-японских отношений в 1922-1941-е гг.

Задачи исследования:

– рассмотреть советско-японские отношения в 20-х и 30-х гг. XX в.;

[21] Накамура, С. Японцы и русские. Из истории контактов // С. Накамура. – Москва: Прогресс, 1983. – 303 с.
[22] Фудзимота, В. Дорога к признанию: установление японо-советских дипломатических отношений в 1925 году / В. Фудзимото // Родина. – 2005. – № 10. – С. 23-26.

– исследовать проблемы нормализации советско-японских отношений в первой половине 20-х гг. XX в.;

– исследовать систему факторов, определяющих развитие двухсторонних отношений;

– проанализировать роль ведущих деятелей обоих государств в процессе становления советско-японских отношений в рассматриваемый период.

Хронологические рамки исследования охватывают 1920-1941 гг.

Нижняя граница охватывает 1920 гг., когда Япония – последняя из стран-участниц в Гражданской войне в России – выводит свои войска с территории Дальнего Востока. После этого Советский Союз и Япония начинают долгий процесс восстановления дипломатических и торговых отношений друг с другом, которые после долгих споров приводят к подписанию соглашения о сотрудничестве в 1925 г.

Верхняя граница охватывает 1937-1941 гг. и заканчивается подписанием пакта о нейтралитете между СССР и Японией в 1941 г.

Территориальные рамки.

В научном исследовании территориальные рамки охватывают как территории обоих государств СССР и Японии, так и исторические территории Северо-Восточного Китая.

Методология и методика исследования.

Методологической основой исследования являются принципы историзма и объективности. Принцип историзма ориентирует исследователя на всестороннее изучение проходивших процессов, на учет особенностей и закономерностей прошлого, специфики исторического этапа развития общества. В соответствии с этим, советско-японские отношения исследуются в динамике, становлении и развитии. Отношения между двумя странами рассматриваются в общем контексте политической и экономической ситуации внутри стран, с учетом обстановки в регионе и мире.

Объективность требует всестороннего учета всех имеющихся факторов и явлений при изучении любого объекта. Она позволяет выявить предпосылки для установления межгосударственных контактов, их основные направления и особенности, а также ряд проблем, стоявших на пути укрепления конструктивных двухсторонних связей между СССР и Японией.

В работе использовались традиционные для исторического исследования методы: конкретно-исторический, сравнительно-исторический, историко-системный, проблемно-хронологический.

Сравнительно-исторический метод дал возможность провести исследование в тесной взаимосвязи с исторической обстановкой, а также проследить качественные изменения на различных этапах. Историко-системный анализ позволил обратить внимание на взаимосвязи всех направлений взаимоотношений двух стран. Проблемно-хронологический анализ способствовал структурированию работы.

Комплексное применение всех перечисленных методов способствовало изучению советско-японских отношений в системе межгосударственных связей и формулированию на основе этого выводов.

Источниковая база исследования.

Для решения задач исследования был привлечен комплекс исторических источников. Тематически источники можно разделить на законы и подзаконные акты, материалы делопроизводственного характера, источники личного происхождения, справочные материалы. Важное значение для исследования советско-японских отношений имеют опубликованные документы. Значительное число законов, подзаконных актов, договоров и дипломатических протоколов, различного рода делопроизводственных документов были опубликованы в специальных сборниках. Большим собранием опубликованных источников является многотомный сборник "Документы внешней политики СССР"[23], 20 томов

[23] Документы внешней политики СССР: в 24 томах / Т. 3-21. – М.: Госполитиздат, 1959-1977.

этого издания использовано для изучения советско-японских отношений в 1922-1941 гг. Они содержат законы, договоры и протоколы, соглашения и конвенции, записи бесед советских дипломатов, фрагменты дипломатических переписок, письма, послания, распоряжения. Сборник документов "ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг."[24] является совместным трудом РГАПСИ и Фонда японских историков, содержит большое количество впервые опубликованных документов, посвященных отношениям Исполкома Коминтерна с Компартией Японии. Важным для исследователя советско-японских отношений является тематический сборник документов "Москва–Токио. Политика и дипломатия Кремля" [25] , в котором представлены документы, касающиеся советско-японских отношений, из Архива Президента РФ. Интересен для исследования советско-японских отношений сборник документов "Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Коминтерн. 1919–1943".

Важнейшим источником для изучения советско-японских отношений являются документы личного характера. Дневники и переписка государственных деятелей отражают их личный взгляд на исторические события. Интересной для исследователя представляется изданная в 2005 г. переписка советского посла в Великобритании И.М. Майского с корреспондентами[26]. Ценным источником служат опубликованные дневники русских эмигрантов "Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебениковых" [27] , которые отражают взгляд и реакцию русских эмигрантов на изучаемые исторические события, а так же несут информацию о самих событиях.

Мемуары государственных деятелей относятся к крайне субъективной

[24] ВКП (б), Коминтерн и Япония. 1917-1941 гг.: научное издание / отв. ред. Г. Адибеков, Х. Вада. – М.: РОССПЭН, 2001. – 792 с.
[25] Москва-Токио: Политика и дипломатия Кремля. 1921-1931: сб. документов: в 2 кн. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщей истории, Ин-т рос. истории; Архив Президента Рос. Фед. – М.: Наука, 2007.
[26] Майский, И.М. Избранная переписка с российскими корреспондентами: в 2 кн. / И.М. Майский. Кн. 1. – М.: Наука, 2005.
[27] Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебрениковых, 1919-1934. – М.: Издательство Гуверовского института, 2006. – Т. 1.

группе исторических источников. Зачастую их авторы и составители преследовали цели оправдания или осмысления предшествующих событий. Однако эти документы значительно расширяют представления об изучаемой эпохе. Воспоминания о пребывании в Японии О.А. Трояновского, изложенные в мемуарах "Трояновский Олег Александрович. Через годы и расстояния"[28], позволяют получить представления, в какой обстановке жили дипломаты, работавшие в Японии. Важным источником по истории советско-японских отношений является газеты. В работе использованы публикации из центральных и местных газет, выходивших в 20-30-е годы XX в. Такие газеты, как "Известия" и "Правда", были официальными органами советской печати. Газета "Последние новости", издававшаяся в Париже и пользующаяся большой популярностью у белоэмигрантов отражала альтернативный взгляд на исторические события. Газеты "Советский Сахалин" и "Красноярский рабочий" отражали региональную специфику советско-японских отношений.

Таким образом, для исследования истории российско-японских отношений привлечен целый комплекс исторических источников: законодательные и подзаконные акты, международные и двухсторонние договорно-правовые акты, материалы официального делопроизводства, разнообразные источники личного происхождения, периодическая печать. Такая база используемых источников позволяет провести исследование советско-японских отношений в 1922-1941 гг.

Новизна исследования – заключается в систематизации исторических знаний по проблеме и анализе как хорошо известных источников и исторических работ, так и недавно вышедших, требующих к себе пристального внимания. Несмотря на то, что в последнее время интерес научной общественности к проблемам советско-японских и российско-японских отношений возрос, в отечественной науке практически нет

[28] Трояновский, О.А. Через годы и расстояния: История одной семьи: историческая литература / О.А. Трояновский. – М.: ВАГРИУС, 1997. – 383 с.

комплексного исследования, посвященного проблеме советско-японских отношений. На сегодняшний день данная тема представлена только общими работами по истории российско-японских и советско-японских отношений. Данная работа представляет собой попытку подробного исследования системы советско-японских дипломатических отношений в 1920-1940–е гг.

Структура магистерской работы.

Магистерская работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и использованных источников.

Глава 1. Советско–японские отношения в 20-х гг. XX в.

1.1. Проблемы советско-японских отношений в 1920-1922 гг.

К 1922 г. между РФСФР и Японией по факту сложилась сложная система взаимоотношений, переговорный процесс между двумя государствами проходил формально не на прямую, а фактически посредством государственного образования, именуемого Дальневосточной Республикой (ДВР), которая играла роль буфера.

Процесс создания ДВР проходил с января по апрель 1920 г. Мера была вынужденной, принималась руководством РСФСР в сложных международных и военно-политических условиях, а под целями подразумевалось не допустить прямого столкновения с Японией и по возможности вытеснить интервентов с Дальнего Востока мирным путем. Председатель СНК В.И. Ленин в своем докладе на VIII фракции РКП(б) "О концессиях" сообщал: "Дальний Восток, Камчатка и кусок Сибири фактически сейчас находятся в обладании Японии, поскольку её военные силы сейчас там распоряжаются, поскольку, как вы знаете, обстоятельства принудили к созданию буферного государства — в виде Дальневосточной Республики..."[29]. Как отмечал историк Н.А. Шиндялов в своей статье[30], война с Японией представлялась крайне не желательной, в том числе и потому, что нависла угроза войны с Польшей, становилась реальной угроза войны на два фронта.

ДВР формально провозглашалась буржуазной демократической республикой, но с руководящей ролью коммунистической партии. Съездом трудящихся Забайкалья от 6 апреля 1920 г. было провозглашено образование ДВР. В ее состав включались Забайкальская, Амурская, Приморская, Сахалинская, Камчатская области и территория КВЖД, однако реально ДВР занимало только Западное Забайкалье. Восточное Забайкалье оставалось на тот момент под властью атамана Семенова ("Читинская пробка"). Договор о границах между РСФСР и ДВР от 15 декабря 1920 г.[31] "(был составлен в двух экземплярах: Москва 15 декабря, Чита 30 декабря) разграничивал территорию бывшей Российской Империи между ДВР и РФСФР, а так же

[29] Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров В.И.Ленина о концессиях на фракции РКП(б) VIII Съезда Советов от 21 декабря 1920 г. //Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 3. – С. 406.

[30] Шиндялов Н.А. Ликвидация "Читинской пробки" // Россия и АТР, 2011. – № 1. – С. 2.

[31] Договор о границах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики с Дальневосточной Республикой от 15 декабря 1920 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 3. – С. 385.

относил к ДВР территорию Северного Сахалина, который на тот момент был уже оккупирован японскими частями.

Летом 1920 г. между ДВР и Командованием японских экспедиционных войск на Дальнем Востоке был заключен договор о перемирии[32]. Так, в одной из нот за подписью И. д. Министра Иностранных дел Червонного и адресованной Верховному Комиссару Японии Мацудайра, датированной от 7 августа 1920 г., сообщалось: "Правительство ДВР проникнуто глубоким желанием прекратить гражданскую войну и создать условия для успокоения на территории русского Дальнего Востока и возможность приступить к мирному труду, добрососедскому сожительству с японским народом и его правительством"[33].

Отмечается в данном документе[34] и тот факт, что банды атамана Семенова имеют возможность действовать в Забайкалье исключительно благодаря присутствию там японских войск. Действия банд наносят существенный урон государственному имуществу, инфраструктуре и причиняют значительный вред населению. Правительство ДВР рассчитывает, что японское командование выполнит взятые на себя обязательства об уважении условий перемирия со стороны формирований Семенова. Таким образом, создание ДВР в начале 1920 г. было одним из важнейших шагов, предпринятых руководством РСФСР, путем компромисса вступить на путь мирного диалога с Японией. Посредством диалога предполагалось решить проблему японской интервенции, а так же лишить "белых" поддержки со стороны Японии, что неизбежно привело бы к их разгрому.

Подготавливалась и экономическая основа для сотрудничества, так "декретом СНК РСФСР о концессиях"[35] от 23 ноября 1920 г. определялись общие экономические и юридические условия для функционирования концессий. В тексте декрета говорилось о том, что концессионеру будет предоставляться вознаграждение долей продукта с правом вывоза за границу. В случае применения концессионером крупных технических модернизаций ему будут предоставлены торговые преимущества. Для компенсации рисков концессионеру возможно предоставление продолжительных сроков

[32] Договор о перемирии между Правительством Дальневосточной Республики и Командованием японских экспедиционных войск на Дальнем Востоке от 15 июля 1920 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 3. – С. 44.

[33] Нота и.о. Министра Иностранных Дел Дальневосточной Республики Верховному Комиссару Японии Мацудайра от 7 августа 1920 г.//Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 3. – С. 92.

[34] Нота и.о. Министра Иностранных Дел Дальневосточной Республики Верховному Комиссару Японии Мацудайра от 7 августа 1920 г. // Документы внешней политики СССР.– М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 3. – С. 91.

[35] Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР о концессиях от 23 ноября 1920 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 3. – С. 338–339.

концессии. Кроме того, правительство РСФСР гарантировало, что имущество концессионера не будет подвергаться ни реквизиции, ни национализации, ни конфискации. Концессионер имел право использовать наемный труд рабочих с соблюдением трудового законодательства РСФСР.

При обосновании преимуществ и необходимости проведения концессионной политики В.И.Ленин в тексте доклада о концессиях от 21 декабря 1921 г. сообщал следующее : "..тем не менее вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, и если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна." [36] Ленин далее отмечает, что в вопросе первостепенно именно политическое значение, а экономически этот вопрос второстепенный. В документе Ленин сообщает, почему заманивание концессиями выгодно: "Концессия предполагает то или иное восстановление мирных соглашений, восстановление торговых отношений, предполагает возможность для нас открытия прямой широкой закупки необходимых для нас машин. И мы все усилия должны направить на то, чтобы это осуществить". Отмечается в докладе три главные, по мнению В.И. Ленина концессии: лесные на севере, продовольственные, горные концессии в Сибири. Таким образом, руководством РСФСР создавались условия для дальнейшего экономического сотрудничества с капиталистическими державами посредствам предоставления концессий последним. Экономическое сотрудничество, по мнению В.И. Ленина, неизменно вело к установлению перемирий и других форм сотрудничества. Стоит отметить, что В.И. Ленин говорил о концессиях, как о форме продолжения войны с капиталистическими странами.

При таком положении дел японская сторона в начале 1921 г. не спешила с нормализацией отношений. В ноте министра иностранных дел Дальневосточной Республики министру иностранных дел Японии Утида, от 18 января 1921 г. говорилось о том, что первоначальная причина посылки японских войск в Россию "с целью облегчить положение чехословацких войск" [37] , продекларированная актом от 2 августа 1918 г. Японским Императорским Правительством и выполняемая с соблюдением принципа невмешательства во внутренние дела России, а так же незамедлительной эвакуации по достижению этой цели (эвакуации чехословацких войск) всех сил. Эвакуация чехословацкого корпуса закончилась в августе 1920 г. Тем не

[36] Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров В.И.Ленина о концессиях на фракции РКП(б) VIII Съезда Советов от 21 декабря 1920 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 3. – С. 406.

[37] Нота Министра Иностранных Дел Дальневосточной Республики Министру Иностранных Дел Японии Утида от 18 января 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 3. – С. 479-483.

менее, Японское Императорское Правительство актом от 31 марта 1920 г. заявило что считает невозможным провести эвакуацию своих войск до того, как политическая обстановка в крае урегулируется и наступит успокоение (ввиду необходимости защиты японских граждан, находящихся как на территории Дальнего Востока, так и на территории Кореи и Манчжурии). В ответ на это в ноте оговаривалось, что все необходимые условия по защите иностранных граждан уже созданы на подконтрольных ДВР территориях и необходимости в дальнейшем пребывании экспедиционных сил нет. Напротив, японское командование в нарушениё всех правил самоопределения народов силой удерживает законные власти от борьбы с преступниками и от установления порядка.

Особенно препятствовало установлению добрососедских отношений, по мнению министра ДВР А.М. Краснощекова, сочувствие командования "уголовному преступнику Семенову". Им же выражалась полная готовность ДВР к установлению дружественных отношений, а также перечислялись необходимые для этого условия: исполнение принципа невмешательства во внутренние дела Дальнего Востока и отказ от поддержки отдельных групп населения в их внутренней борьбе, установление твердого срока для эвакуации японских войск с территории Дальнего Востока. Таким образом, характер интервенции к 1921 г. внешне изменился на откровенную и неприкрытую экспансию. А попытки ДВР установить отношения наталкивались на фактическое нежелание руководства делать встречные шаги в этом направлении.

В ноте Министра Иностранных Дел Дальневосточной Республики Министру Иностранных Дел Японии Утида от 18 января 1921 г. выражался протест правительства ДВР против насильственного захвата Японией рыбных промыслов на территории Дальнего Востока, оговоренных в меморандуме, врученном начальником Японской Дипломатической миссии во Владивостоке управляющему иностранными делами бывшего Владивостокского правительства. Там же говорилось: "Факт этот находится в вопиющем противоречии со всеми торжественными декларациями Японского Правительства о непреклонном уважении к правам русского народа, его территориальной целостности и суверенитету"[38]. Более того, уже 3 марта 1921 г. министр иностранных дел (ДВР) Краснощеков в ноте[39] министру иностранных дел Японии Утида сообщал о том, что японскими

[38] Нота Министра Иностранных Дел Дальневосточной Республики Министру Иностранных Дел Японии Утида от 18 января 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 3. – С. 484.
[39] Нота Министра Иностранных Дел Дальневосточной Республики Министру Иностранных Дел Японии Утида от 3 марта 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 3. – С. 561.

силами 23 февраля 1921 г. были заняты пункты (Яковлевка, Покровка, Сысоевка), которые находятся за 30-ти километровой обусловленной зоной, этим самым осложняя обстановку "без благовидных оснований".

В ноте от 7 марта 1921 г. за подписью А. Краснощекова[40] тому же министру Утида говорилось о непрекращающихся убийствах мирных людей, вооруженными бандитами, которые именуют себя "семеновцами". В ноте сообщалось: "Недавно эти преступники вновь обагрили себя кровью: несколько десятков человек было убито в поселках Раздольном, Хорол и Жариково; население Фадеевки было обезоружено и оставлено на произвол хунхузов, и многие граждане были уведены в неизвестном направлении. Подозрительные личности распускают слухи, что Японское Военное Командование, как и прежде, вооружает, поддерживает и инспирирует банды Семенова и что в недалеком будущем эти банды возобновят свои налеты при полной поддержке Японского Военного Командования". Указывалось на то, что правительство ДВР старается добиться установления искренних и дружественных отношений между японским и русским народами и с этой целью считает важным прекращение деятельности всех, кто сеет недоверие между русским населением и Японским командованием. Японское командование просили подтвердить следующее: что оно не инспирирует, не поддерживает, не вооружает так называемых "семеновцев" и других контрреволюционеров, что оно не ведет с ними никаких переговоров по поводу враждебных действий против Русского Правительства.

В ноте упомянута деятельность так называемых "хунхузов"– это бандиты, состоявшие преимущественно из китайцев и действовавших в приграничных районах Дальнего Востока. Они объединялись на территории Китая в устойчивые крупные группировки криминального характера, незаконно переходили государственную границу и на территории республики совершали преступления. Хунхузы нападали на золотые прииски и похищали золото, совершали налеты на населенные пункты, массовые убийства, похищали людей, скот и увозили их за кордон. Часть хунхузов получала оружие от японцев, которые ставили перед ними задачу разорять сельское население и тем самым вызывать у него недовольство существующей властью. По мнению историка Ц.С. Дондокова, которое он изложил в своей статье[41], это давало возможность японцам оправдывать свое пребывание на Дальнем Востоке якобы для поддержания порядка. Так же

[40] Нота Министра Иностранных Дел Дальневосточной Республики Министру Иностранных Дел Японии Утида от 7 марта 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 3. – С. 573.
[41] Дондоков, Ц.С. Безопасность граждан и организованная преступность в Дальневосточной республике: 20–ые годы XX века. / Ц.С.Дондоков // История государства и права. – 2008. – № 11. – С. 35-39.

большую проблему представлял и так называемый политический бандитизм, организованный японцами и белогвардейцами. К примеру, генерал–майор Забайкальского казачьего войска Н.Ф. Шильников, штаб которого действовал на ст. Манчжурия под видом организации Красного Креста, сформировал и направил в Забайкалье несколько бандитских отрядов. В каждой банде состояло от 20 до 200 человек, и переправлялись они на русскую сторону под видом рабочих или торговцев. Таким образом, на протяжении 1921 г. в советско-японских отношениях остро стояла проблема содействия японской стороной бандитизму на территориях Дальнего Востока, что, конечно, не способствовало процессу нормализации отношений. Стоит отметить, что далеко не все банды пользовались поддержкой японцев, и их помощь некоторым формированиям – лишь один из факторов, игравших роль в криминализации региона.

В решении проблем, стоящих перед советским государством, предлагалось использовать американо-японские противоречия. Так, В.И. Ленин еще в докладе о концессиях [42] предлагал столкнуть интересы США и Японии, заставить их конкурировать между собой по поводу выдачи концессий и тем самым ослабить позиции Японии. 11 марта 1921 г. замнаркоминодел Л.М. Карахан в телеграмме министру иностранных дел ДВР А.М. Краснощекову [43] сообщал о том, что на торгах по вопросу "рыбалок" следует привлечь внимание американцев, и постараться закрепить рыбалки если не за русскими, то за американцами путем максимальных предложений последним, в противовес захвату их японцами.

Важно заметить, что руководство ДВР в деле решения вопроса об интервенции Японии не только активно искало содействия со стороны Соединенных Штатов, но и правительств всего мира. Об этом косвенно свидетельствует обращение учредительного собрания ДВР к правительствам и народам всего мира, датированное 23 марта 1921 г., за подписью председателя учредительного собрания Д.Шилова и секретаря С. Суховского. Второй пункт условий, необходимых для процветания демократии, основанной на принципах народовластия, гарантии гражданских прав и свобод, защиты частной собственности, гласил: "Необходимо, чтобы ДВР была освобождена от иностранных войск и иностранного вмешательства"[44].

---

[42] Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров В.И.Ленина о концессиях на фракции РКП(б) VIII Съезда Советов от 21 декабря 1920 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 3. – С. 406.

[43] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР Министру Иностранных Дел Дальневосточной Республики А.М.Краснощекову от 11 марта 1921 г.//Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1959. – С. 588.

[44] .Обращение Учредительного Собрания Дальневосточной Республики к правительствам и народам всего мира от 23 марта 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С.18.

Кроме того, в меморандуме учредительного собрания ДВР правительству США от 24 марта 1921 г. справедливо отмечалось: "Факт пребывания Межсоюзнического железнодорожного комитета на территории русского Дальнего Востока и по сей день говорит о всё еще продолжающейся союзнической интервенции и формальном участии в ней САСШ"[45]. В данном меморандуме правительство САСШ (США) просили дать следующие разъяснения:

1. Считает ли Правительство Северо-Американских Соединенных Штатов свою декларацию от 5/VIII все еще действующей.

2. Если действующей, то чем объясняет оно продолжение интервенции уже после ухода чехословацких войск.

3. Если не действующей, то когда намерено Правительство САСШ столь же торжественно объявить населению Дальнего Востока об окончании интервенции, как оно объявило о начале её.

4. Когда правительство САСШ, пригласившее японское правительство к военному кооперированию на русском Дальнем Востоке, с той же определенностью положит фактический конец начатой в 1918 г. этим приглашением интервенции.

Тем самым в меморандуме от 24 марта 1921 г. ставился вопрос перед США об ответственности за судьбу интервенции. Это притом, что американские силы покинули Дальний Восток еще в 1920 году, вероятно по причине того, что цели их пребывания были достигнуты. Японские силы остались. Вероятно, цели их пребывания на Дальнем Востоке могли отличаться изначально от общесоюзных или измениться уже в ходе их участия в общесоюзной интервенции. Учитывая факт соперничества между США и Японией, маловероятно, что реализация интересов последней на русском Дальнем Востоке была выгодной правительству США. Таким образом, ДВР делает еще одну попытку вовлечь правительство США на своей стороне в решение вопроса об интервенции. Одновременно с меморандумом, составленным для США этим же числом, а именно 24 марта 1921 г. была составлена нота учредительного собрания ДВР правительству Японии. В ней сообщалось: "Настал момент для Японского Правительства доказать своими действиями, что, вводя в 1918 г. свои войска на территорию русского народа, Япония не преследовала тайной цели территориальных захватов, пользуясь временным ослаблением сил русского народа,

[45] Меморандум Учредительного Собрания Дальневосточной Республики Правительству США от 24 марта 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С.21–23.

вызванным войной, связанной с ней войной и революцией"[46]. Таким образом, правительство ДВР фактически указывало на "тайные цели Японии", предлагая либо их признать, продолжив интервенцию, либо признать ДВР и завершить интервенцию. Открытое признание Японии в экспансионистском захвате Дальнего Востока существенно осложнило бы её положение в международной среде.

Позиция японского командования проявилась на тот момент в ряде событий. Так, 21 марта 1921 г. Главнокомандующий экспедиционной армией в Сахалинской области генерал–лейтенант С. Козима объявил населению этой области о предполагающемся занятии Николаевска, Де-Кастри, Маго, Софийска и других пунктов и о введении в них гражданского управления "для водворения спокойствия и порядка"[47]. 19 апреля 1921 г. в Де–Кастри прибыл японский транспорт и высадил войска; было установлено японское радио, а на русском телеграфе введена японская цензура, введен запрет на связь с высшими русскими властями без разрешения японцев.

В ночь с 30 на 31 марта, во время осуществления попытки переворота во Владивостоке, японское командование обезоружило милицию и оказало содействие "контрреволюционным бандам". Начальник военно-административного отдела японского командования на Сахалине опубликовал объявление от 19 февраля 1921 г. о сдаче с торгов в аренду русских рыболовных и рыбообделочных участков, местом торгов была выбрана канцелярия военно-административного командования на Сахалине, а желающие ознакомится с постановлениями и правилами могли сделать это в консульстве и на японском языке. Таким образом, по мнению руководства ДВР Япония показала явные захватнические устремления, на этот раз без всяких предлогов, вроде "угрозы чехословакам, Корее, Маньчжурии"[48]. Хотя формально японское командование продолжало отрицать связь с белыми силами, фактически эта связь имела совершенно неприкрытый характер. По поводу этого правительством ДВР была отправлена очередная нота[49] за подписью Б. Сквирского министру иностранных дел Японии Я. Утида.

Более того, по заявлению Г.В. Чичерина, РСФСР якобы располагало сведениями о том, что во Владивосток, по соглашению Франции и Японии для участия в интервенции предполагалось перебросить врангелевцев. В

[46] Нота Учредительного Собрания Дальневосточной Республики Правительству Японии от 24 марта 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С.27.
[47] Нота Правительства Дальневосточной Республики Правительству Японии от 21 апреля 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С.78.
[48] Нота Правительства Дальневосточной Республики Правительству Японии от 21 апреля 1921 г.// Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С.79.
[49] Нота Министра Иностранных Дел Дальневосточной Республики Министру Иностранных Дел Японии Утида от 23 мая 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С.136.

радиограмме от 2 июня 1921 г. сообщалось: "Имеем сведения, что японцы по соглашению с Францией и при попустительстве других держав Антанты собираются перебросить врангелевцев во Владивосток для участия оттуда в интервенции против нас и против Дальневосточной Республики, связанной с нами договором и тесной дружбой"[50].

26 мая во Владивостоке произошло второе антибольшевистское выступление, на этот раз оно было более успешное. Японские силы, сначала сохраняя нейтралитет, а позже вмешавшись не на стороне "красных" в борьбе против хорошо вооруженного дивизиона Народной Охраны, вынудили последних отступить. Переворот свершился. Временный Народно-Революционный Комитет объявил о передачи власти Совету Съезда.

В свою очередь, Совет образовал из себя Временное Приамурское правительство в составе пяти человек: Н.Д. Меркулова, С.Д. Меркулова, С.И. Ефремова, А.Я. Макаревича и Е.М. Андерсона. Командующим войсками был назначен генерал-лейтенант Вержбицкий. В июле 1921 г. командующим Сибирской флотилией был назначен контр-адмирал Г.К. Старк. В ответ на эти действия еще в начале июля 1921 г. правительство ДВР передавало по радио очередную ноту правительству Японии. В данной ноте за подписью министра иностранных дел ДВР И.Л. Юрина переворот называли антинародной авантюрой, допущенной при полном содействии японского военного командования. Давалось указание на то, как в беседах один из представителей американской миссии в Чите отмечал, "что непорядок в пределах Дальневосточной Республики наблюдается только лишь там, откуда еще не ушли японские войска"[51]. Японцев призывали немедленно приступить к обсуждению создавшегося ненормального положения с правительством ДВР.

Летом 1921 г. стало известно о готовящейся конференции в Вашингтоне, на которую правительства РСФСР, ДВР не пригласили. В ноте 19 июля 1921 г. от правительства РСФСР правительствам Великобритании, Франции, Италии, США, Китая и Японии сообщалось: "Российское правительство, являющееся Правительством прибрежной тихоокеанской державы, не может скрыть своего крайнего изумления, узнав о существования намерения созвать подобного рода конференцию без его участия"[52]. Нарком иностранных дел Г.В. Чичерин в ноте сообщал о праве

[50] Радиограмма Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР всем Представителям РФСФР в европейских странах от 2 июня 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. - С.157.
[51] Нота Правительства Дальневосточной Республики Правительству Японии от 2 июня 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С.160–165.
[52] Нота Правительства РФСФР Правительствам Великобритании, Франции, Италии, США, Китая и Японии от 19 июля 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С.224-226.

правительства РСФСР в связи с тем, что оно не было приглашено, не признавать итогов конференции. Стоит отметить, что вопрос разоружения вызывал положительный отклик у правительства РСФСР.

18 августа 1921 г. министру иностранных дел Японии Я. Утида от заместителя министра иностранных дел ДВР Я. Янсона была направлена нота[53], в которой японцам предлагалось подтвердить свои намерения о начале переговоров с ДВР. В содержании ноты говорилось о том, что 3 августа генеральным консулом Японии в Мукдене г-ном Кацука был передан ответ г-ну Юрину в виде вербальной ноты с предложением начать переговоры в г. Дайрен между ДВР и Японией. Со своей стороны руководство ДВР настаивало на том, чтобы переговоры были официальными и полномочными.

К тому же, в телеграмме Б.З. Шумяцкого комиссару иностранных дел Г.В. Чичерину от 3 сентября 1921 г. говорилось о пленении Р.Ф. Унгерна со всем его штабом и о разгроме японского плана охватить ДВР со стороны Монголии. Как итог Б.З. Шумяцкий сообщал: "Провал унгернского наступления – это прорыв единого империалистического фронта и укрепление нашей позиции в отношении Японии"[54]. Более того, 17 октября 1921 г. со стороны Монголии на имя наркоминдела Г.В. Чичерина поступило предложение совместными усилиями с НРА ликвидировать в Западной Монголии "остатки белобанд Унгерна, Бакича, Казанцева, Кайгородова"[55]. Так же 5 ноября 1921 г. между правительством РСФСР и народным правительством Монголии было заключено соглашение об установлении дружественных отношений. В договоре оговаривалось взаимное признание правительств, установление торговли, оговаривались вопросы юрисдикции, подсудности и вопросы имущественных отношений. Кроме того, было оговорено "не допускать на своей территории образования или пребывания правительств, организаций, групп или отдельных лиц ставящих своей целью борьбу против другой стороны ..."[56] Таким образом, обстановка постепенно располагала Японию к ситуации, в которой она так или иначе вынуждена

[53] Нота Заместителя Министра Иностранных Дел Дальневосточной Республики Министру Иностранных Дел Японии Утида от 18 августа 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С.274.

[54] Телеграмма Уполномоченного НКИД РСФСР на Дальнем Востоке Народному Комиссару Иностранных Дел РФСФР Г.В. Чичерину от 3 сентября 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С.305.

[55] Нота Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР Министру Иностранных Дел Монголии от 28 октября 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С.448.

[56] Соглашение между Правительством Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и Народным Правительством Монголии об Установлении дружественных отношений между Россией и Монголией от 5 ноября 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С. 476.

была бы пойти на переговоры. На это влиял как внешнеполитический фон в виде не желания США усиления Японии в тихоокеанском регионе, так и фактическое развитие событий на Дальнем Востоке. "Белые", поддерживаемые японцами, постепенно терпели поражения от "красных" сил.

Стоит отметить, что и США преследовали исключительно свои интересы в отношениях с советской властью. Так, прибывший в Ургу американский консул старался сплотить местных князей и лам в целях изоляции революционного правительства от страны и в целях устранения советского влияния. В телеграмме от 22 сентября 1921 г. Б.З. Шумяцкий передавал Г.В. Чичерину: "От имени Вашингтона он домогался передачи мандата на посредничество между Монголией и Китаем Америке, обещая экономическую помощь"[57].

Важной вехой в развитии советско-японских отношений была Дайренская конференция, начавшая свою работу 26 августа 1921 г. Для ДВР общими основными вопросами были прекращение интервенции и признание ДВР. Кроме того, ставился вопрос и о судьбе Уссурийской железной дороги и связанного с ней имущества. Переговоры по этому поводу велись с японцами "Меркуловским правительством", имущество оценивалось в 700 тысяч американских долларов. ДВР считало данное имущество своим и, кроме того, обвинило японцев в том, что расхищения государственного имущества, находящегося на территории южного Приморья, происходит под защитой японских властей. По этому поводу в ноте, адресованной японской делегации на Дайренской конференции, сообщалось: "Правительство Дальневосточной Республики в силу изложенного не может не возложить общей ответственности за действия этих лиц и материальной ответственности за последствия этих действий на японских военных и гражданских представителей в Южном Приморье"[58].

Японцы дали формальное заверение на время конференции не оказывать поддержки антисоветским вооруженным формированиям, но фактически оно не соблюдалось. В другой ноте, врученной 17 ноября 1921 г. японской стороне на конференции по этому поводу сообщалось: "Так, например, нападение на военный пост армии Дальневосточной Республики в селе Вассановке 15 сентября было произведено 35 военными чинами, из

[57] Из телеграммы Уполномоченного Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР в Иркутске Народному Комиссару Иностранных Дел РСФСР Г.В.Чичерину от 22 сентября 1921 г.// Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С.370.

[58] Нота Заместителя Министра Иностранных Дел Дальневосточной Республики Председателю Японской Делегации на Дайренской конференции Мацусима от 29 сентября 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С. 381.

которых 33 были японские чины, а два – переодетые в японскую форму русские военные"[59].

Обсуждался вопрос ответственности за "Николаевские события", делегация ДВР на себя её брать отказывалась, говорилось: "произошедшие еще до образования Дальневосточной Республики и явившееся следствием пребывания японских войск на русской территории"[60]. Кроме того, в декабре японским командованием было принято решение произвести смену войск, находящихся в Приморской области, что вызвало у делегации ДВР удивление. Это может говорить о том, что японская делегация заняла выжидательную позицию и приняла решение повременить с выводом войск.

Так же, сами японцы на конференции в Дайрене выдвинули совершенно неприемлемые условия, требующие очевидных уступок. Вот как записано о требованиях японской стороны в ноте правительствам всего мира от 9 декабря 1921 года: "Японское правительство вступило в переговоры в Дайрене, добиваясь согласия русской власти на пребывание японских войск на территории Республики, на открытие военных укреплений и фактической уступки русской территории, прилегающей к Татарскому проливу"[61]. По своей риторике нота значительно более резко критиковала Японию, обвиняя её в захвате русских территорий и попытке подчинить себе ДВР.

Резюмируя все вышеперечисленное, можно сделать вывод о состоянии советско-японских отношений к окончанию 1921 г. и началу 1922 г. На дипломатическом уровне переговорный процесс проходил с большим трудом, Япония часто давала всякого рода заверения о добрых намерениях, о готовности приступить к скорейшему налаживанию добрососедских отношений с русской властью, но отказывалась на деле их исполнять. Советская власть, находясь в поисках любой возможной помощи, на полную старалась воспользоваться дипломатическими возможностями буферного государства. Использовались возможности оказания широкого спектра уступок в деле налаживания сотрудничества с Японией (а так же для всех, кто готов был на это сотрудничество идти), последней повсеместно поступали разного рода предложения от руководства ДВР. Руководством РСФСР и ДВР активно налаживались отношения с другими государствами региона, Монголией, Китаем, оказывалась помощь корейским партизанам.

[59] Нота Правительства Дальневосточной Республики Правительству Японии от 6 ноября 1921 г.// Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С.480.
[60] Нота Делегации Дальневосточной Республики Делегации Японии на Дайренской конференции от 6 декабря 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С. 561.
[61] Обращение Народного Собрания Дальневосточной Республики к народам и правительствам всего мира от 9 декабря 1921 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4. – С. 568-571.

Идеи "мировой революции" часто проигрывали прагматичным решениям, эту точку зрения обосновывает в своей статье[62] историк Б.С.Жигалов.

Японская армия заняла значительную часть восточной русской территории и эксплуатировала её по своему усмотрению. На захваченных территориях царило полнейшее беззаконие, зачастую при попустительстве японских сил. Попытка провести переговоры в Дайрене не увенчалась успехом, хотя, по мнению историка А.Ю. Сидорова, не была бесплодной, о чем он написал в своей работе[63]. Япония, выставляя неприемлемые условия и затягивая переговоры в Дайрене, вероятно ждала результатов Тихоокеанской конференции. Одновременно ход Вашингтонской конференции в отношении Японской политики на Дальнем Востоке складывался в пользу РСФСР и ДВР, что вынуждало Японию, так или иначе, пойти на контакт с советской Россией в ближайшем будущем. Стоит отметить, что большевики весьма сдержанно отнеслись к конференции, продекларировав заранее, что не признают её итогов, так как представителей России не пригласили к обсуждению вопросов, касающихся её прямых интересов.

В результате обсуждения ситуации на Дальнем Востоке, на тихоокеанской конференции 22-24 января 1922 г., практически все участники осудили присутствие японских войск в Приморье и на Северном Сахалине, а японский представитель Сидэхара пообещал, что Япония выведет свои войска с российской территории. Остро стоял вопрос о принадлежности КВЖД, на конференции в Вашингтоне была принята резолюция о возвращении её России как законному владельцу. Ряд исследователей при этом считают, что ряд решений Вашингтонской конференции шли Японии на пользу, так как закрепляли усиление её флота в акватории Тихого океана в сравнении с другими тихоокеанскими державами. Стоит отметить, что эти решения были приняты в январе 1922 г. но уже в начале декабря 1921 г. тон обращений, поступающих от ДВР к Японии, резко изменился в сторону тотальной критики и осуждения. Это можно проследить и по отношению руководства ДВР к "николаевскому инциденту". Если изначально ДВР просто открещивалась от ответственности за инцидент, то в декабре 1921 г. говорили уже о вине самих японцев, находящихся на территории России как захватчиков, и, следовательно, уже в силу этого ответственных за событие.

Таким образом, советско-японские отношения представляли с собой сложную, не линейную, динамически развивающуюся во времени систему

[62] Жигалов, Б.С. О характере и целях дальневосточной политики Советского государства в 1920–1924 гг. / Б.С. Жигалов // Вестник ТГУ. История. – 2010. – № 4 (12). – С. 135-148.
[63] Сидоров, А.Ю. Внешняя политика Советской России на Дальнем Востоке (1917-1922) / А.Ю. Сидоров // Социальные и гуманитарные науки. История. –1997. – С.123-132.

отношений, где каждый элемент представлял собой целый комплекс проблем и противоречий с большим числом факторов влияния как внешних, так и внутренних. Так, желание Японии сохранять и развивать в сторону экспансии сложившуюся систему отношений с советской Россией, натолкнулось на стремление постепенно укрепляющейся советской республики в условиях меняющейся международной обстановки изменить эту самую систему в свою пользу, вынудить Японию завершить интервенцию и далее на основах равноправного взаимовыгодного сотрудничества строить отношения.

Наиболее неприемлемым было требование Японии на конференции в Дайрене о поддержании в ДВР некоммунистического режима. Отказывалась ДВР предоставить право свободу судоходства по реке Амур и р. Сунгари для японцев. Делегация ДВР на конференции в Дайрене соглашалась предоставить японским предпринимателям промышленные концессии на северной части о. Сахалин. Об этом сообщалось в ноте[64] от 3 января 1922 г. Было согласие на создание рыболовных комиссий, но при условии участия в этом процессе Советской России. Процесс представлялся длительным и требовал заключения дополнительных соглашений. 5 января 1922 г. в Вашингтоне был представлен меморандум от специальной делегации ДВР под председательством А.А.Языкова, в меморандуме[65] отражался обширный список нарушений злодейств Японии на территории Дальнего Востока. Содержался призыв к участникам тихоокеанской конференции дать обещания разрешить проблему русского народа и освободить его от иностранного ига.

Тем временем правительство РСФСР устанавливало отношения с Сунь Ятсеном, основателем партии Гоминьдан и получившим власть в Китае. Сунь Ятсен в своем письме демонстрировал заинтересованность в сотрудничестве с коммунистической Россией. Правительство ДВР предлагало США заключить торговые соглашения и начать торговлю. В письме [66], направленному специальной торговой делегацией ДВР министру торговли США Г. Гуверу, предлагался в обмен на товары промышленного производства поставлять сырьевые ресурсы, такие, как золото, серебро, олово, цинк, рыбу лососевых пород, прочую рыбу, строевой лес, меха и

[64] Нота делегации Дальневосточной Республики на Дайренской конференции делегации Японии от 3 января 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С. 17.
[65] Меморандум Специальной делегации Дальневосточной Республики Вашингтонской конференции от 5 января 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С. 21-44.
[66] Письмо Председателя Специальной Торговой делегации Дальневосточной Республики в США Министру Торговли США Гуверу от 7 февраля 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С.86-89.

другие. Для добычи многих из этих ресурсов требовалось обновление оборудования, в чем просили содействия американских предпринимателей. Использование американского капитала предлагалось урегулировать заключением специальных концессий. В свою очередь Г. Гувер в ответном письме сообщал, что предложение представляет большой интерес для Соединенных Штатов, но решения такого рода принимаются Государственным Департаментом США, куда он и переслал сообщение.

14 марта 1922 г. делегации Японии на Дайренской конференции была передана нота[67] от представителей ДВР. В ней говорилось о том, что никаких полномочий русская власть во Владивостоке не имеет и является самозваной, а, следовательно, все заключенные с ней соглашения по поводу рыбных дел недействительны. По этому поводу правительство ДВР предлагало срочно созвать рыболовную комиссию для урегулирования этих вопросов. Японцы в ответе на эту ноту не посчитали вопрос срочным и требующим немедленного обсуждения.

В марте японские силы продолжали поддерживать "белоповстанцев", несмотря на заявления на Дайренской и Вашингтонской конференциях об обратном. Так, 2 апреля между станциями Свиягино и Евгеневка произошло прямое вооруженное столкновение между частями НРА и японскими силами, с применением последними артиллерии. В протестной ноте правительства ДВР говорилось по данному факту следующее: "Правительство Дальневосточной Республики заявляет свой решительный протест против ничем не оправданного вооруженного нападения частей японской императорской армии на Народно-Революционную армию, проявившую неоднократно свои мирные намерения по отношению к японским войскам"[68]. Любопытно, что, по словам министра иностранных дел ДВР Я. Янсона, бойцы НРА не сделали ни единого ответного выстрела по частям японской армии.

27 февраля 1922 г. японцы назначили торги на рыболовные участки в Амурском лимане, в низовьях Амура и Северном Русском Сахалине, торги должны были состояться 28 апреля в городе Александровске-на-Сахалине. Назначение торгов японскими властями на рыболовные участки на территории ДВР являлось нарушением суверенных прав последней. По этому поводу 5 апреля 1922 г. была предоставлена протестная нота[69] от ДВР для

[67] Нота делегации Дальневосточной Республики на Дайренской конференции делегации Японии от 14 марта 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С. 150.
[68] Нота Правительства Дальневосточной Республики Правительству Японии от 4 апреля 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С.181-184.
[69] Нота делегации Дальневосточной Республики на Дайренской конференции делегации Японии от 5 апреля 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С. 185.

японской делегации на Дайренской конференции. 16 апреля представители Японского Императорского Правительства заявили о том, что прекращают переговоры с Дальневосточной Республикой в Дайрене. Камнем преткновения послужил отказ японцами дать письменный акт, устанавливающей срок эвакуации. Более того, в ноте правительству Японии от 24 апреля сообщалось: "отряды японской армии продвигаются значительно дальше зоны своего предыдущего расположения. Японскими военными отрядами были заняты деревни Яковлевка и Чернышовка, находящиеся в 50 верстах к востоку от Уссурийской железной дороги, и станции Евгеневка и Мучная[70]".

В обращении правительства ДВР к населению республики от 6 мая говорилось: "явная поддержка, которую японские милитаристы оказывают владивостокским авантюристам, заставляет думать, что японскому правительству не нужно сотрудничество и спокойное развитие экономических и культурных условий, а нужен захват русских областей"[71].

Все это однозначно говорило о срыве переговоров в Дайрене и не желании Японии выводить свои войска с территорий Дальнего Востока.

Летом представители ДВР получили сообщение о том, что японское императорское правительство готово возобновить переговоры. В ответ особоуполномоченым Дальневосточной Республики в Харбине, 7 июля 1922 г. была передана нота[72] генеральному консулу в Харбине Ямоноути. В ней сообщалось о принципиальной готовности представителей ДВР начать переговоры, но на этот раз "снесясь" с Советской Россией. В ответ 18 июля 1922 г. через особоуполномоченого от ДВР в Харбине была передана правительственная нота министерства иностранных дел Японии, в которой сообщалось о готовности начать переговоры, решении японского правительства произвести полную эвакуацию японских войск с русских территорий на Дальнем Востоке. Со стороны ДВР предлагалось избрать для предстоящей конференции Читу или Москву, города с хорошей связью, предлагались так же Пекин или Токио. Японцы ответили категорическим отказом по поводу того, чтобы избрать местом переговоров Москву или Читу. В качестве альтернативы со стороны руководства ДВР был предложен г. Пекин как место для проведения переговоров, это было бы удобно и потому, что А.А. Иоффе находился уже там в качестве чрезвычайного

[70] Нота Правительства Дальневосточной Республики Правительству Японии от 24 апреля 1922г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С. 270-273.
[71] Обращение Правительства Дальневосточной Республики к Населению от 6 мая 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С.290-291.
[72] Нота Правительства Дальневосточной Республики Правительству Японии от 30 июня 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С.473-474.

полномочного представителя. А.А. Иоффе мог в случае положительного ответа от Японии договориться с правительством Китая о месте проведения конференции. В ответе японцами были предложены города Харбин, Дайрен, Мукден или Чанчунь. От возможности проведения конференции в Пекине японцы отказались. Правительство РСФСР, не желая откладывать переговоры, остановило свой выбор на г. Чанчуне, о чем говорилось в сообщении[73] от 5 сентября 1922 г.

Прибывший в г. Чанчунь А.А. Иоффе получил 9 сентября 1922 г. от Л. Карахана телеграмму с инструкцией занять твердую позицию и не делать уступок своих прежних. В телеграмме говорилось: "Россия принимает участие вообще, а не для скрепления подписи Дальневосточной Республики и разрешения рыболовных вопросов. Дайте понять, что Россия вернулась на Тихий океан и что всякие иллюзии насчет нашей слабости и возможности третировать нас как неравную державу бесплодны"[74]. Говорилось о том, что разрыв не опасен хотя и не желателен и ждать можно ни один месяц. На заседании конференции японцами предлагались все те же условия, что и на Дайренской конференции. Но поскольку переговоры в Дайрене были сорваны по причине не указания сроков эвакуации японских сил, то сейчас эвакуация уже началась.

На заседании конференции 6 сентября 1922 г. цели переговоров в Чанчуне японцами сводились к следующему: "получение гарантий в безопасности личности и имущества японских граждан; устранение прямой и косвенной угрозы границе ДВР и Японии; отмена прежних ограничений в области промышленности на Дальнем Востоке для японских граждан"[75]. А.А. Иоффе запросил консультаций из Москвы, так как считал, что Япония не идет на расширение сотрудничества в той степени, в какой Москва ждала этого от неё.

По сообщениям советской печати японцы не желали договариваться с РСФСР как с третьей стороной. Вместо этого они предлагали РСФСР договариваться с ДВР, а потом ДВР с Японией. Так, в газете «Известия» сообщалось: "В Дайрене велись переговоры исключительно между ДВР и Японией. В Чанчуне же они ведутся между РСФСР и ДВР, с одной стороны, и Японией – с другой. Делегация РСФСР и ДВР выражает свою готовность

[73] Сообщение Народного Комиссариата Иностранных Дел РФСФР о созыве конференции по урегулированию отношений с Японией от 5 сентября 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С.569-568.

[74] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР Уполномоченному Советского Правительства по переговорам с Японией А.А. Иоффе от 9 сентября 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С. 572.

[75] Известия. – 1922. – 14 сентября.

прийти к полному соглашению с японской делегацией на основе вышеизложенных положений"[76]. Переговоры шли непросто, Л.М. Карахан писал по этому поводу А.А. Иоффе: "Прошу Вас сообщать японские предложения в запротоколированных формулировках, ибо трудно принять решения, если японская делегация меняет свою точку зрения от одного заседания к другому. Остается очень несерьезное впечатление от способа переговоров, который практикует Мацуйдара"[77]. Л.М. Карахан считал, что переговоры нужны японцам для того, чтобы успокоить прессу и общественное мнение. Более того, японцы смотрели на переговоры в Чанчуне, как на продолжение Дайренских, советская сторона смотрела на них, как на совершенно новые по сути переговоры. На одном из заседаний на вопрос А.А. Иоффе о сроках эвакуации японских сил был получен следующий ответ: "Мацудайра сообщил, что Япония намерена эвакуировать Приморье к концу октября, Приамурье – к концу сентября, а Северный Сахалин – лишь после разрешения вопроса о Николаевских событиях. На вопрос т. Иоффе, какое отношение имеет Сахалин к Николаевским событиям, Мацудайра ответа не дал"[78]. В связи с этим, А.А. Иоффе констатировал, что Япония намерена продолжить оккупацию Сахалина на неопределенный срок. Япония приняла формулу, по которой она договаривалась одновременно с РСФСР и ДВР. Так как по другим вопросам согласия достигнуто не было, японская делегация заявила, что покинет конференцию в случае неуступчивости советской стороны.

В советской прессе это заявление освещалось так: "Председатель японской делегации закончил свое заявление сообщением, что если объединенная Российская делегация не изменит своей точки зрения, то японская делегация согласно полученной ею инструкции, прекратит настоящие переговоры и покинет Чанчунь"[79]. Советская делегация позиции не меняла и попросила два дня на решение своих вопросов в Чанчуне.

Важным вопросом стала передача Владивостока частям НРА. Японцы от мирной сдачи города отказались и просто не стали её обсуждать, требуя части НРА отступить под угрозой начать боевые действия. По поводу этого правительству Японии была передана нота[80], в которой ответственность за возможный ущерб возлагалась на правительство Японии и всех союзных с

[76] Известия. – 1922. – 17 сентября.
[77] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР Уполномоченному Советского Правительства по переговорам с Японией А.А.Иоффе от 19 сентября 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С. 586.
[78] Известия. – 1922. – 23 сентября.
[79] Известия. – 1922. – 28 сентября.
[80] Нота Правительств РСФСР и Дальневосточной Республики Правительству Японии от 21 октября 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С. 624-626.

ней правительств. В ходе этих событий японцы угрожали задержать свою эвакуацию, если части НРА не отступят от Владивостока. Так, в прессе сообщалось: "для Правительства Дальневосточной Республики является совершенно не понятным смысл и значение угрозы Японского Правительства, что японская армия вынуждена отложить свою эвакуацию из Приморья"[81]. В местах которые японцы покидали, происходил настоящий грабеж, вывозилось все, что можно было вывезти и представляло хоть какую-нибудь ценность. Все, что вывезти не представлялось возможным, уничтожалось. Большое количество оружия и других материальных ценностей передавалось в Манчжурию союзнику Японии Чжан Цзао-линю. В опубликованном 25 октября заявлении Г.В. Чичерина о положении на Дальнем Востоке говорилось: "По всему берегу Приморья японцы хищнически уничтожают лес. Например, около Императорской гавани, севернее Владивостока, великолепный лес, окружавший гавань, целиком уничтожен"[82]. Кроме того, во Владивостоке оставалось большое количество американских товаров, о судьбе которых беспокоилось американское правительство.

25 октября японцы покинули Владивосток, и город заняли части НРА. По этому поводу В.И. Ленин отправил поздравительную телеграмму правительству ДВР со следующим содержанием: «К пятилетию победоносной Октябрьской революции Красная Армия сделала еще один решительный шаг к полному территории РСФСР и союзных с ней республик от войск интервенцев-оккупантов"[83].

Таким образом, 25 октября завершилась японская интервенция на материковой части России. Под властью Японии остался Северный Сахалин. Необходимость в буфере отпала и 14 ноября 1922 г. вышло постановление народного собрания ДВР. Документ[84] постановлял:

1) Народное Собрание Дальневосточной Республики объявить распущенным;

2) На всем русском Дальнем Востоке объявить власть Советов;

3) Демократическую конституцию Дальневосточной Республики и её законы объявить отмененными;

---

[81] Известия. – 1922. – 27 октября.
[82] Известия. – 1922. – 25 октября.
[83] Телеграмма Председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР В.И.Ленина Правительству Дальневосточной Республики от 26 октября 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С. 632.
[84] Постановление Народного Собрания Дальневосточной Республики от 14 ноября 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С.674-677.

4) Просить ВЦИК и Съезд Советов России присоединить Дальний Восток к единой Российской Социалистической Федеративной Советской Республике, распространив на Дальний Восток действие Советской Конституции и Советских законов;

5) Создать Дальневосточный Революционный Комитет, которому передать всю полноту власти и поручить провести в жизнь объединение Дальнего Востока с Советской Россией и установлению повсеместно в нашем крае власти Советов.

15 ноября 1922 г. в ответной телеграмме[85] Президиум ВЦИК объявил ДВР частью РСФСР и утвердил Дальневосточный Революционный Комитет.

Таким образом, ДВР влилась в состав РФСФР, так как острая необходимость в ней отпала. Япония завершила интервенцию на континенте, но под её контролем остался Северный Сахалин, следовательно, она могла контролировать судоходство в устье Амура. Вопрос о завершении оккупации северного Сахалина японцы соотносили с вопросом о "Николаевских событиях", советская сторона не признавала на себе ответственности за эти события.

Уходя из Владивостока "белые" вывезли с собой значительную часть государственного имущества, в том числе и морские суда. Правительство РСФСР признавало за собой право собственности на это имущество, распродажа которого вскоре могла начаться на Китайской и Японской территории. В связи с этим, советское правительство обратилось с нотой[86] к правительству Японии на имя министра иностранных дел Я. Утида, с тем, чтобы японские власти не допускали в своих портах распродажи имущества РСФСР. В ноте сообщалось, что адмирал Г.К. Старк уже продал японцам транспорт "Охотск" и намерен идти в Инкоу для продажи остальных судов китайцам. Те суда, что окажутся в руках японцев, по мнению правительства РСФСР, следовало вернуть во Владивосток. Иначе это воспринималось бы как недружелюбный жест со стороны Японии.

[85] Телеграмма Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Дальневосточному Революционному Комитету от 15 ноября 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 5. – С. 683.

[86] Нота Правительства РСФСР Правительству Японии от 23 ноября 1922 г.// Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 6. – С. 16-17.

1.2.Нормализация советско-японских отношений в 1922–1925 гг.

30 декабря 1922 г. был подписан договор[87] об образовании СССР, с этого момента отношения приобретали вид СССР – Япония. 17 января 1923 г. через японского консула в г. Владивостоке была передана нота на имя министра иностранных дел Японии Я. Утида. В ней говорилось о том, что русская шхуна "Вега" и русский катер "Анна" были потоплены японскими пиратами близ Сахалина, а команды судов перебиты. В советской прессе сообщалось: "Как сообщают некоторые японские влиятельные газеты, в пиратских действиях принимают участие чины японских таможен и другие лица, имеющие отношения к местным японским властям"[88]. Правительство РСФСР призывало Японское Императорское Правительство принять меры к строгому расследованию данных инцидентов.

В Москве ссылались на то, что СССР не имеет на Дальнем Востоке флотов, следовательно, охрану должны были обеспечить японские ВМС. Так как они позволили вывести русскую эскадру из Владивостока адмиралу Старку, часть ответственности лежит на них.

После вывода войск Японией с территорий русского Дальнего Востока, американцев крайне волновал вопрос КВЖД и концессионный вопрос. В связи с успешными переговорами с японскими концессионерами американская миссия в Чите проявила крайнее беспокойство. В связи с этим, П.А. Кобозев телеграфировал в центр следующее: "Поочередно ежедневно являются ко мне Кук, Смит, Томас и Файмонвил[89]. Все стараются нащупать, не идет ли дело о военном союзе с Японией и с Чжаи Цзо-лином, очень настойчиво интересуются вопросом о КВЖД, добиваются возможности ездить по краю"[90]. В ответной телеграмме П.А. Кобзеву дали инструкцию донести до американцев, что в США с представителями СССР в официальные отношения вступать отказываются. Пока так обстоит дело, то и американским представителям не будут предоставлены привилегии сверх тех, что они уже имеют.

Более того, американского консула во Владивостоке обязывали получить консульскую экзекватуру, в связи с чем правительство США

---

[87] Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик от 30 декабря 1922 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 6. – С.118.

[88] Известия. – 1923. – 26 января.

[89] Кук и Смит – представители американской компании "Фар Истерн эксплорейшен компани" в Чите; Томас – неофициальный представитель США в Чите; Файмонвил – военный атташе при неофициальном представительстве США в Чите.

[90] Телеграмма Председателя Дальневосточного Революционного Комитета из Читы в Народный Комиссариат Иностранных Дел РСФСР от 18 апреля 1923 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 6. – С. 256.

должно было заключить с СССР особое соглашение об обмене консульствами. Стоит отметить, что данные меры составляли обычную дипломатическую практику и не подразумевали ничего экстраординарного.

Между СССР и Японией стали происходить пограничные инциденты. Так, 20 апреля 1923 г. Л. Карахан отправил ноту министру Я. Утида с требованием прекратить вооруженные нападения. В ноте говорилось: "17 апреля в 1 час ночи 15 японских вооруженных жандармов перешли пограничную линию реки Тумень-ула и напали на русский пограничный пост Чекаснме, находящийся на левом берегу этой реки, захватив в плен двух пограничников из русской охраны"[91].

В Японии стали проявлять интерес к возобновлению отношений, предлагалось немедленно провести обмен коммерческими агентами. В советской прессе 29 апреля было опубликовано сообщение: "За последний месяц Советским правительством было двукратно (30 марта и 24 апреля) получено официальное предложение японского правительства о частичном, впредь до заключения русско-японского договора общего характера, возобновлении сношений между Японией и Россией"[92].

Суть японских предложений состояла в следующем: Япония посылает своих агентов во Владивосток, Никольск-Уссурийск, Читу, Благовещенск, Николаевск-на-Амуре, Петропавловск и Москву; Советское правительство посылает своих агентов в Иокогаму, Нагасаки, Цуругу, Хакодате и Гензаи (Корея). Стоит отметить, что агенты должны были воздержаться от всякой прямой или косвенной пропаганды в той стране, в которой они находятся. Для начала скорейшего обсуждения советскому представителю в Японии было предоставлено право использования "шифра". В ответ министерству иностранных дел Японии была направлена нота[93], в которой японскую сторону призывали озаботиться возвращением пяти русских судов[94] и двух катеров, находящихся в Гензане. В случае успешного решения этого вопроса советская сторона обещала прийти к скорейшему соглашению с Японией.

1 сентября 1923 г. в Японии произошло сильнейшее землетрясение, разрушившее регион Канто. Практически полностью были разрушены г. Токио и Йокагама. В связи с этим, 4 сентября 1923 г. в СССР был издан

[91] Нота Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР Министру Иностранных Дел Японии Утида от 20 апреля 1923 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 6.– С. 257.
[92] Известия. – 1923. – 29 апреля.
[93] Нота Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР Министру Иностранных Дел Японии Утида от 30 апреля 1923 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 6. – С.274-275.
[94] Транспорты "Монгугай", "Эльдорадо", "Охотск", канонерская лодка "Манджур", посыльное судно "Защитник" и катера "Воевода" и "Ординарец".

декрет [95] об оказании помощи Японии. Одновременно с декретом правительство СССР направило ноту [96] с намерением оказать посильную помощь пострадавшим от землетрясения. 5 сентября М.И. Калинин отправил телеграмму Дальневосточному революционному комитету: "Немедленно отдайте распоряжение о посылке пароходов и продовольствия для оказания помощи пострадавшему населению Японии"[97]. 19 сентября 1923 г. был издан декрет ВЦИК [98], постановивший: образовать при Президиуме ВЦИК специальную комиссию по оказанию помощи пострадавшему трудящемуся населению Японии; авансировать в распоряжение комиссии 200 тыс. рублей золотом; предложить не облагать таможенными пошлинами грузы, отправляемые в адрес организаций по оказанию помощи пострадавшим в Японии; предложить установить бесплатную перевозку грузов из СССР в Японию и установить льготный тариф для иностранных грузов для Японии; организовать врачебный отряд для оказания помощи пострадавшим; поставить вопрос о сдаче на льготных условиях лесных делянок на Дальнем Востоке пострадавшим японцам и т.д.

12 сентября в порт Йокагамы прибыл пароход "Ленин" с грузом гуманитарной помощи. Но японские власти не позволили разгружать, и судно вынуждено было отплыть обратно. Причина была в том, что на борту, по мнению японских властей, находились японские коммунисты и коммунистическая литература, отсюда ими был сделан вывод, что настоящая цель прибытия судна это ведение пропаганды коммунизма. Г.В. Чичерин все обвинения отвергал, в своем сообщении заграничным представителям СССР он утверждал: " Никаких осмотров парохода не производилось и совершенно неверное сообщение о том, якобы на пароходе имелась коммунистическая литература, основано на чистейшем измышлении" [99]. Причиной недоразумения Г.В. Чичерин назвал желание "японской реакции" раздуть скандал и отдалить сближение Японии и России.

7 октября 1923 г. Л.М. Карахан отправил на имя министра внутренних дел Японии С. Гото длинное письмо [100]. В нем он выражал сочувствие

---

[95] Декрет Совета Народных Комиссаров СССР об оказании помощи Японии в связи с постигшей её катастрофой от 4 сентября 1923 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 6. – С. 427.

[96] Нота Правительства СССР Правительству Японии от 4 сентября 1923 г.// Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 6. – С. 427.

[97] Известия. – 1923. – 5 сентября.

[98] Декрет Центрального Исполнительного Комитета СССР об оказании помощи трудящимся Японии в связи с постигшей её катастрофой от 19 сентября 1923 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 6. – С. 449-451.

[99] Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР всем представителям СССР за границей от 21 сентября 1923 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 6. – С. 451.

[100] Письмо Представителя СССР в Китае Министру Внутренних Дел Японии Гото от 7 октября 1923 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 6. – С. 466-473.

пострадавшему в ходе стихии народу Японии. Говорил об инциденте с пароходом «Ленин» как о недостойном. Повинными в инциденте указывал "белые элементы" и японские реакционные круги. Обосновывал необходимость быстрого урегулирования русско-японских отношений путем заключения договора по типу "Рапалльского". Просили Японию не оглядываться на другие страны и пойти на сотрудничество с СССР.

Так же стоит отметить, что продолжение экономических отношений представлялось мало возможным без установления дипломатических официальных отношений, на что Л.М. Карахан обращал особое внимание. 24 октября 1923 г. Л.М. Карахан сделал заявление для японской печати. По поводу начала переговоров в нем говорилось: "Если верно сообщение одного японского агентства, что министерство иностранных дел Японии ждет нашего формального предложения о начатии переговоров и примет их без колебаний, то такие формальные предложения уже давно сделаны"[101]. Таким образом, представитель СССР декларировал полную готовность к переговорам с Японией и ожидал её официального предложения.

27 октября 1923 г. посланнику Японии в Китае К. Иосидзаве была передана нота [102] от представителя СССР в Китае Л.М. Карахана. В ней выражался протест по поводу двух инцидентов. В первом случае 17 сентября 1923 г. в гавань Самарга вошел с потушенными огнями японский пароход "Сидней Мару" и самовольно без разрешения местных властей начал вывозить имущество концессии, данной в свое время японским гражданам. Местные власти запретили вывоз имущества, и пароход ушел из гавани. Но 20 сентября вернулся с двумя японскими миноносцами и под угрозой применения силы продолжил погрузку имущества концессии, попутно уничтожая все, что не мог увезти с собой. Другой инцидент произошел 10 октября 1923 г. – четыре японских миноносца вошли без разрешения в территориальные воды СССР и задержали в дельте Амура русское судно, которое занималось вылавливанием мин в Сахалинском канале. Задержали это судно на 48 часов, после чего забрали 6 буев и увезли с собой обстановку фарватера, добытую из канала. Правительство СССР требовало принять меры для предотвращения повторений этих инцидентов, а так же возмещения убытков.

Японское правительство заявило, что не видят оснований принимать на себя обязательства возмещения убытков по внутренним соображениям.

[101] Заявление Представителя СССР в Китае Л.М.Карахана для японской печати от 24 октября 1923 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 6. – С. 486-487.
[102] Нота Представителя СССР в Китае Посланнику Японии в Китае Иосидзава от 27 октября 1923 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 6. – С. 490-492.

Очевидно, что данные инциденты свидетельствовали обо все еще сохраняющейся напряженности и наличии серьезного недопонимания между двумя государствами.

Интересной представляется переписка министра внутренних дел Японии С. Гото и Г.В. Чичерина. С. Гото писал Г.В. Чичерину о том, что он уже имеет дружественные отношения с А.А. Иоффе и хотел бы установить такие с Г.В. Чичериным. Далее С. Гото писал о том, что он имеет схожие взгляды со своими советскими друзьями, но с позиции интересов своего государства; что он большой сторонник налаживания взаимоотношений между двумя великими государствами. Писал об особой роли Японии и СССР на Тихом океане. Поддерживал идею создания русско-японского кредитного банка. Однако признавался в том, что вынужден занять выжидательную позицию, так как в японских властных кругах усилилась "реакция", особенно после землетрясения в сентябре. В одном из ответных писем Г.В. Чичерин писал Гото: "Я считал весьма полезным иметь возможность установить непосредственный контакт с одним из самых видных государственных деятелей великой соседней с нами страны на Дальнем Востоке. То, что Вы, г. Министр, сделали для сближения между нашими странами, несомненно, принесет очень скоро обильные плоды"[103].

Таким образом, можно говорить о том, что в Японии имелись серьезные сторонники сотрудничества с СССР, однако даже они не могли выступать открыто в защиту своей позиции, опасаясь за свою судьбу. Сильными в Японии были антисоветские круги. К тому же, действия СССР в ряде случаев серьезно подрывало диалог между двумя государствами; например, инцидент с пароходом "Ленин" акция явно авантюрная.

Серьезной проблемой было то, что японские консульства в сотрудничестве с белыми элементами на Дальнем Востоке вели подрывную деятельность. В марте 1924 г. чекисты раскрыли во Владивостоке японскую резидентуру, которая занималась сбором сведений экономического и политического характера, а так же следила за состоянием боевой готовности армии и флота. Субсидировалась она японским военным министерством, а для шпионажа у нее имелось несколько конспиративных квартир. Органы Приморского ГО ОГПУ арестовали 29 чел., в том числе 19 японцев. Среди арестованных были японские дипломаты: вице-консул Т. Гундзи и секретарь консульства Осакабе, уполномоченный корейского генерал-губернатора

[103] Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Министру Внутренних Дел Японии Гото от 18 декабря 1923 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 6. – С. 549.

Харуда, а так же поддерживающие связь с консульством офицеры Мацуй и Минодзума[104].

Арест высокопоставленных дипломатических лиц вызвал негодование со стороны японского правительства. Так же в ноте от 10 июля 1924 г. правительство СССР обозначило свою позицию по вопросу КВЖД в отношении Японии. В данной ноте говорилось: "Правительство Союза Советских Социалистических Республик заявляет, что вопрос о Китайско-Восточной железной дороге является исключительно делом Союза Советских Социалистических Республик и Китайской Республики и что никакая другая держава или граждане любой другой державы не могут иметь каких-либо прав или интересов в отношении Китайско-Восточной железной дороги"[105]. Господин К. Иосидзава в ответной ноте от 4 октября 1924 г. указывал, что права японцев "само собой" не могут быть нарушены соглашениями Китая и СССР. Он просил подтверждения этой мысли у советского представителя в Китае Л.М. Карахана. Но в ноте от 25 октября 1924 г. Л.М. Карахан заявил: "никакое соглашение между Союзом и Китайской Республикой о Китайско-Восточной железной дороге не может затронуть каких-либо интересов или прав Японии, японских граждан или какой-либо третьей державы, ибо, за исключением Китая, ни одна иностранная держава или её граждане не имеют никаких прав или интересов в отношении Китайско-Восточной железной дороги" [106] . Тем самым возникала противоречивая ситуация, когда правительство СССР вообще не признавало в вопросе о КВЖД японскую сторону. Это отрицательно влияло на ход переговоров о совместном соглашении.

В конце декабря 1924 года переговоры все же возобновились. Советская пресса сообщала: "27 декабря после более чем месячного перерыва возобновились советско-японские переговоры. Японский посланник в Пекине Иосидзава в связи с последними условиями, предложенными т. Караханом в ноябре 1924 г., получил из Токио следующие инструкции: японское правительство заявляет о невозможности немедленно эвакуировать войска с Сахалина ввиду зимнего времени" [107] . Л.М. Карахан вскоре телеграфировал Г.В. Чичерину: "японцы вовсю торопятся сами. В субботу или воскресенье прибудет курьер из Токио с полномочиями от императора,

[104] Куртинец, С.А. Разведывательно–подрывная деятельность японского консульства во Владивостоке в начале 20–х голов XX века / С.А. Куртинец // Власть и управление на Востоке России. – 2011. – № 1 (54). – С. 100-104.
[105] Нота Полномочного Представителя СССР в Китае Посланнику Японии в Китае Иосидзава от 10 июля 1924 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 7. – С. 396.
[106] Известия. – 1924. – 28 октября.
[107] Известия. – 1925. – 4 января.

которые, по заявлению Иосидзава, не могли быть даны ранее. Итак, подпишем конвенцию в понедельник или вторник"[108].

20 января 1925 г. была подписана "Конвенция об основных принципах взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией"[109]. Конвенцией устанавливались дипломатические и консульские отношения. Портсмутский договор 1905 г. оставался в силе. Договаривались об основах экономических взаимоотношений, рыбных, торговых и других (минеральные, лесные и рыбные концессии). Так же было записано об обязательствах обоих сторон не допускать на своей территории действия антиправительственных (претендующих на звание правительств) организаций или групп и всех, кто им сочувствует. Конвенцию составили в двух экземплярах. Устанавливался порядок её ратификации.

К основному тексту конвенции прилагалось два протокола. В протоколе "А" разрешался вопрос о движимом и недвижимом имуществе, принадлежавшем консульствам и посольствам. Вопросы о долгах (Царского и Временного правительств перед Японией) оставлялись на будущие переговоры. Устанавливали срок эвакуации с северного Сахалина, как только позволят климатические условия (к 15 мая 1925 г.).

Протоколом "Б" правительство СССР предоставляло Японии 50 % концессию на каждое из эксплуатируемых нефтяных месторождений на Северном Сахалине. Японским концернам разрешалась разведка новых нефтяных месторождений на восточном побережье северного Сахалина на площади в 1 тысячу квадратных верст[110]. Предоставлялась концернам Японии и угольная концессия на Северном Сахалине. В качестве платы японские концессионеры обязывались предавать от 5 до 8 процентов по угольным месторождениям и от 5 до 15 процентов по нефтяным. Для нужд концессий концессионерам разрешалось рубить деревья и возводить объекты инфраструктуры. В декларации к соглашению отдельно указывалось, что СССР не разделяет политической ответственности за "Портсмутский мир", заключенный царским правительством с Японией.

Таким образом, до вывода японских войск с территории северного Сахалина с момента подписания конвенции оставалось 5 месяцев. Это

---

[108] Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае Народному Комиссару Иностранных Дел СССР Г.В.Чичерину от 14 января 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 66.

[109] Конвенция об основных принципах взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией от 20 января 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 70-77.

[110] 1000 кв. верст = 1 138.06224 кв. километров

подтверждалось последующим обменом нот [111], в котором К. Иосидзава соглашался с условиями советской стороны. 25 февраля 1925 г. поступило сообщение[112] о том, что Япония ратифицировала конвенцию.

25 января 1925 г. Г.В. Чичерин телеграфировал Л.М. Карахану следующее: "Из Токио поступило сообщение РОСТА о том, что местные белогвардейцы спешно очищают здание нашего посольства в Токио, унося с собой важные документы, ценные вещи и имущество. Если это так, то нужно принять экстренные меры к недопущению расхищения"[113].

Это могло говорить о скорой передаче здания посольства в распоряжение СССР и о расторжении сотрудничества с прежними представителями русской власти. Очевидно, что более это не имело смысла. Были установлены официальные отношения между двумя странами. Успех конвенции обеспечила как общая позиция СССР и Японии, так и старания отдельных частных лиц, таких как С. Гото. и А.А. Иоффе, ведущих между собой неофициальные переговоры. Кроме того, Японию двигал большой экономический интерес, а советскую сторону более волновали вопросы признания и проблема северного Сахалина. Большинство историков выражает мнение, что конвенция между СССР и Японией содержала большое количество уступок последней. Тем не менее, стоит отметить, что вопрос о долгах царского и временного правительства перед Японией переносился конвенцией на дальнейшие переговоры, а вопрос о Северном Сахалине разрешался уже в конвенции. Это при том, что Япония и так его контролировала. Можно сделать вывод, что в обмен на уступки экономические Москва получила уступки политические и конвенция, таким образом, являлась плодом взаимного сотрудничества.

1.3. Советско–японские отношения во второй половине 20-х годов XX века.

Одной из первых получила развитие проблема судов, уведенных "белыми" из Владивостока. Одно из судов, под названием "Защитник", служившее минным тральщиком было обнаружено в порту "Дагу Бар". Судно стояло там под японским флагом, и было переименовано в "Тайто–

[111] Обмен нотами между Уполномоченными СССР и Японии в связи с подписанием Конвенции об основных принципах взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией от 20 января 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С.78-79.
[112] Известия. – 1925. – 25 февраля.
[113] Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Л.М. Карахану от 25 января 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 97.

Мару". Происхождение судна не вызывало сомнения у советской стороны. В ноте[114], адресованной К. Иосидзава, Л.М. Карахан просил японского консула в Дагу наложить арест на судно. Далее должен был произойти совместный осмотр судна и передача в управление консула от СССР. В ответной ноте от 9 февраля 1925 г. К. Иосидзава обещал сообщить как можно скорее японскому правительству об этом факте и в скором времени дать ответ. Одновременно Л.М. Карахан отправил ноту [115] (МИД Китая) китайским властям с просьбой о возврате судна, которое охраняется китайскими солдатами. Говорилось в ноте о возможной ответственности китайских властей за судьбу судна (в виде возмещения убытков) в случае, если его не вернут СССР.

Китайский МИД в ответной ноте (от 4 апреля 1925 г.) сообщил, что русское судно действительно находится на ремонте в доках Дагу, китайские солдаты его не охраняют. По заявлению японского коммерсанта Цуруока в морской таможне договор на покупку этого судна был засвидетельствован японским консулом. Японское правительство представило доклад китайскому правительству о том, что оно берет на себя ответственность в этом вопросе. Более того, китайское правительство решило, что ему неудобно вмешиваться в дела японского коммерсанта, особенно когда его поддерживает японское правительство. В дальнейшем власти Китая не желали брать на себя ответственность в этом вопросе и всячески уклонялись от выдачи судна.

1 мая 1925 г. начался процесс принятия северного Сахалина из рук японской администрации. По этому поводу было составлено "Детальное Соглашение о передаче управления и об окончании оккупации на Северном Сахалине между представителями СССР и Японии"[116], в нем командующий японскими силами и полномочная комиссия ЦИК СССР по принятию Северного Сахалина на совещаниях в г. Александровске пришли к соглашению. Основные пункты гласили о том, что командующий японской оккупационной армией передает управление комиссии от СССР порайонно (устанавливались сроки и координаты). Начиналась передача 4 апреля 1925 г., конечным сроком обозначалось 15 мая 1925 г. Передавались советской стороне все документы, касающееся дел до оккупации Северного Сахалина, а так же дела за время оккупации. Передавалось все казенное и общественное имущество, взятое при оккупации японцами. Все частное

[114] Нота Полномочного Представителя СССР в Китае Посланнику Японии в Китае Иосидзава от 3 февраля 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 114.
[115] Нота Полномочного Представительства СССР в Китае Министерству Иностранных Дел Китая от 3 февраля 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 116.
[116] Советский Сахалин. – 1925. – 1 ноября.

имущество тоже подлежало передаче, если оно не имело владельца или было изъято за время оккупации японской армией.

Сразу возник ряд хозяйственных вопросов, которые пожелало обсудить японское командование на Сахалине. Например, вопрос о вывозе леса, заготовленного японскими лесопромышленниками, в количестве 700 кубов. Советская сторона ответила, что вывоз возможен при уплате денег и сборов. По многим вопросам советская сторона пошла навстречу японским представителям.

В основном вопросы были связаны с арендными отношениями. В рыбном вопросе советские представители так же пошли на сотрудничество. В письме генералу Иноуэ Кацудзи от комиссии ЦИК СССР по приему о. Сахалина говорилось: "Полномочная Комиссия признает возможным в виде исключения, принимая во внимание приближение срока хода сельди, назначить в г. Александровске торги на сдачу 5 участков сельди и горбуши, находящихся к югу от г. Александровска. Что же касается остальных участков, включая сюда и 5 рыболовных участков сельди и горбуши, в случае таковые участки не будут заторгованы, то Полномочная Комиссия готова оказать содействие скорейшему назначению в г. Хабаровске в установленном порядке торгов на них" [117]. В ответном письме генерал К. Иноуэ выражал удовлетворение, и отмечал, что правительство СССР всегда заботится о благе и благоустройстве населения без различия по национальному признаку.

14 мая 1925 г. был подписан "Акт" [118], свидетельствующий о восстановлении суверенитета СССР на Северном Сахалине и выводе японских войск.

Встал вопрос об открытии торговых представительств СССР в Японии. В памятной записке, врученной Б.М. Мельниковым 5 мая 1925 г. поверенному в делах Японии в СССР Н. Сато, говорилось: "Стремясь к скорейшему возобновлению в полном объеме торговых и экономических сношений между СССР и Японией Правительство СССР намеренно немедленно открыть в Японии Торговое Представительство, как это установлено практикой сношений СССР со всеми странами" [119]. Оговаривалось, что представительство следует считать частью посольства

[117] Письмо Полномочной Комиссии ЦИК СССР по принятию Северного Сахалина Уполномоченному Правительства Японии генералу Иноуэ от 11 мая 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С.267-269.

[118] Акт, подписанный членами Полномочной Комиссии ЦИК СССР по принятию Северного Сахалина и Уполномоченным Правительства Японии от 14 мая 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 286.

[119] Памятная записка Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Поверенному в Делах Японии в СССР Сато от 5 мая 1925г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 274.

СССР. В его обязанности должно было входить: содействие развитию торговых и экономических отношений между СССР и Японией, регулирование внешней торговли между СССР и Японией, совершение торговых операций от имени СССР на территории Японии. Помещение торгпредства следовало считать экстерриториальным и персонал техническими сотрудниками посольства СССР.

Вскоре обнаружилась еще одна проблема, связанная с имуществом СССР. Суть проблемы была изложена в ноте [120] от полномочного представителя СССР министерству иностранных дел Японии. Дело обстояло в том, что, по мнению советской стороны, ряд японских банков хранит денежные сумы, внесенные чиновниками бывшего правительства, а так же представителями различных организаций и групп, которые вели на территории СССР гражданскую войну против советского правительства. А в соответствии с протоколом пекинской конвенции эти средства, по мнению советской стороны, должны теперь рассматриваться как имущество СССР. Следовательно, подлежат возврату советскому государству.

Как пример, указывались вклады, внесенные атаманом Семеновым в Токийское отделение банка "Yokohama Specie Bank", в отношении этих вкладов советская сторона просила принять меры по возврату средств. На это МИД Японии ответил нотой от 22 июня 1925 г., в которой говорилось, что "если даже предположить, что вклады собственность какой-либо казны, то и тогда невозможно считать, что они принадлежат одному из посольств или консульств". Говоря по-простому, японское правительство оснований для выдачи вкладов не видело вовсе и обязательств на него по этому вопросу возложить нельзя.

Важным после установления официальных отношений между Москвой и Токио стало налаживание прежних путей сообщения. Так, посольство Японии в СССР выдвинуло ноту, в которой предлагалось созвать конференцию для решения следующих вопросов: открыть прямое пассажирское и товарное сообщение между Японией, Маньчжурией и СССР; созвать для этой цели конференцию в Москве; направить на конференцию своих делегатов, по возможности с представителями железнодорожного бюро Корейского генерал–губернаторства, Южно–Маньчжурской железной дороги и "Осака–Тёсён кайся" (Осакская пароходная компания).

16 июня последовал ответ от наркома иностранных дел СССР в виде ноты. В ноте сообщалось: "Народный Комиссариат по Иностранным Делам

[120] Нота Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии от 8 июня 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 358.

настоящим доводит до сведения Японского Посольства, что он против предложенного плана конференции по облегчению сообщения между Японией и СССР не возражает"[121].

Переговоры возобновились 2 сентября 1925 г. В ноте[122] от советского правительства по этому поводу сообщалось, что есть принципиальное согласие по основным пунктам. Кроме того, идя навстречу Японии, СССР приглашал на переговоры представителей Эстонии и Латвии, дабы было возможно установить сообщение Японии с Европой через территорию СССР.

15 июля 1925 г. состоялось вручение верительных грамот послом Японии в СССР Т. Танака. Т. Танака заявил: "Дружба между нашими народами не может исключительно основываться лишь на материальных выгодах, проистекающих от экономического обмена. Дабы установить между нами узы прочной дружбы, необходимо, чтобы они взаимно понимали и уважали усвоенную каждой из сторон цивилизацию и одушевляющие их новые идеи. В этом убеждении я направляю все свои усилия к установлению прочного мира между нашими народами, а равным образом к обеспечению полного развертывания их экономических взаимоотношений, неизменно принимая во внимание как их историю и особенности их концепции, так и интересы, которые их взаимно связывают"[123].

Таким образом, посол Т. Танака по сути говорил о том, что уважает идею построения советского государства. Обращал внимание на необходимость культурного обмена между СССР и Японией. Что же касается экономического обмена, то по этому поводу еще 23 июня 1925 г. Г.В. Чичерин писал полномочному представителю СССР в Японии В.Л. Клопу следующее: "Что касается нашей будущей торговли с Японией, то она, конечно, сильно нуждается в нашей рыбе, сырье, лесе, но у нас относятся скептически к тому, что мы можем оттуда привозить"[124]. В том же письме указывалась главная, по мнению Г.В. Чичерина, проблема в отношениях с Японией, - это вопрос о КВЖД. Таким образом, экономическое сотрудничество на тот период представлялось советской стороне скептически. Г.В. Чичерин отмечал, что от Японии он видел большее стремление к сближению с СССР, нежели от иных стран.

---

[121] Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Японии в СССР от 16 июня 1925 г.// Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 374.

[122] Нота Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии от 2 сентября 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 516.

[123] Известия. – 1925. – 16 июля.

[124] Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии В.Л. Коппу от 13 июня 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 381.

В августе 1925 г. японский посол Т. Танака запросил разрешения на вывоз 10000 тонн нефти из района Охи на восточном побережье северного Сахалина. Проблема заключалась в том, что концессионный договор, разрешающий вывоз нефти и угля, еще не был подписан. Его подписание предполагалось только в октябре, ноябре 1925 г. Тем временем нефтехранилища заполнились, и добыча нефти приостанавливалась, к тому же вывозу зимой помешали бы сложные климатические условия. В ответе советского правительства, изложенного в ноте[125] послу Японии, говорилось о том, что вывоз разрешается после уплаты вывозных пошлин. Для этого из Москвы давались указания местным властям.

Неоднократными стали случаи захода военных кораблей Японии в территориальные воды СССР. Япония запрашивала на это разрешения, но не получила одобрения Москвы, после чего плавания Японских ВМС в воды СССР продолжилось без разрешения СССР. Так, в ноте посольству Японии описан один такой случай: "Для подтверждения факта нахождения в пределах 12-ти мильной зоны без разрешения Правительства Союза ССР японских военных судов Народный Комиссариат приводит случай, когда 9 июля у селения Усть-Камчатск был обнаружен миноносец "Минэкадзе". Несмотря на протест местных властей, он простоял сутки в пределах 12-мильной зоны. Командир миноносца, на запрос сторожевого судна СССР, объяснил присутствие в водах Союза охраной интересов японских рыбаков"[126]. В ответ японское правительство заявило о не признании 12-ти мильной зоны, ссылаясь на то, что в соответствии с нормами международного права морская юрисдикция государств распространяется на 3 мили от берегов.

Важной проблемой стали довольно грубое обращение полиции с различными лицами, так или иначе связанными с деятельностью советского посольства или СССР. Так, нападениям подвергались советские студенты, сотрудники посольства. Особым вниманием полиции стали пользоваться журналисты от СССР. Неоднократно нарушался принцип экстерриториальности посольских учреждений. По этому поводу представитель СССР в Японии В.Л. Копп отправил ноту[127] в МИД Японии. В ней он просил как можно скорее разобраться с ситуацией. К. Сидэхара в

[125] Нота Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Послу Японии в СССР Танака от 19 августа 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 492.
[126] Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Японии в СССР от 25 июля 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С.453-455.
[127] Нота Полномочного Представителя СССР в Японии Министру Иностранных Дел в Японии Сидэхара от 29 сентября 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 541-544.

беседе [128] с В.А. Коппом признал некорректное поведение полиции и пообещал в скором времени разобраться. Стоит отметить, что в это время наблюдался рост "милитаристских" настроений и подобная агрессивность наблюдалась не только в отношении указанных В.А. Коппом лиц, но и многих других.

Еще одним разногласием в отношениях с Японией послужил вопрос об участии в "Тарифной конференции" СССР. Чтобы узнать позицию Японии по этому вопросу, между В.А. Коппом и К. Сидэхара 21 сентября 1925 г. состоялась беседа. Из беседы В.А. Копп суммировал: "Япония не желает участия СССР на тарифной конференции; В случае желания СССР в ней участвовать, Япония сделает попытку свалить одиум отказа на Америку; Япония будет давить и, вероятно, уже давит на Китай, чтобы приглашение со стороны китайского правительства не состоялось"[129].

Вопрос был для Японии принципиальным и отражал интересы японских фирм в отношении Китая (железные дороги, пошлины и т.д.), кроме того в этом месте переплелись интересы многих держав. И пропускать еще одного участника, претендующего на реализацию части интересов в ущерб японских, было бы не целесообразно.

Не был решен вопрос о радиостанциях на Северном Сахалине. Дело было в том, что японские войска, покидая Александровск, вывезли с местной радиостанции значительную часть оборудования. Это противоречило пекинской конвенции. Более того, японские сотрудники телеграфа продолжали применять шифр. По всем этим вопросам советская сторона просила разобраться японское правительство. С изложением претензий и обстоятельств дела была составлена нота[130] для МИД Японии. В ответной ноте японское правительство обещало разобраться, но отмечало, что сведений по поводу радиооборудования не имеет. А по поводу применения шифра было решено, что данное действие не может вызывать возражений советской стороны, так как специальное соглашение по этому поводу еще не было подписано.

---

[128] Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии члену Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Л.М. Карахану от 5 октября 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 574.

[129] Доклад Полномочного Представителя СССР в Японии члену Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Л.М. Карахану от 30 сентября 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – Москва: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 549-551.

[130] Нота Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии от 17 октября 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 629.

Ответом советской стороны стала нота[131] от 13 ноября 1925 г., в которой говорилось о том, что хоть соглашение по поводу эксплуатации телеграфов еще и не подписано, однако существует факт передачи Северного Сахалина под юрисдикцию СССР, следовательно, все телеграфы должны работать по советским нормам. Япония не замедлила дать ответ, в котором оснований для претензий не только не видело, но и сообщало о следующем факте: "Наконец, оно считает необходимым заметить, что во время передачи оборудования [радиотелеграфной] станции в Александровске императорские власти, стремясь проявить свою добрую волю по отношению к советским властям, помимо имущества, принадлежавшего Союзу, безвозмездно передали ряд сухих аккумуляторов и полтора десятка других аппаратов японской принадлежности, с тем, чтобы избежать, по крайней мере в течение некоторого времени, какого-либо нарушения радиотелеграфной связи"[132]. Японцы сообщили о том, что по их данным станция в момент её захвата находилась в полном запустении. Очевидно, что претензия СССР звучала, по меньшей мере, одиозно.

Таким образом, на протяжении 1925 г. советско-японские отношения активно развивались в самых различных плоскостях. Наиболее значимыми были вопросы установления дипломатических и экономических связей. Японию более заботили вопросы экономического плана, советскую сторону более волновало признание и установление официальных отношений. Однако нельзя говорить, что экономическая сторона дела была на втором плане. Выходило так, что за счет экономических уступок советское правительство выторговывало политические по соображениям срочности. Так же стоит отметить, что советское руководство боролось за любые источники приобретения имущества. Будь то оборудование телеграфов или вклады, белогвардейские вклады в Японских банках. Однако успех данных мероприятий часто был сомнительным.

Была налажена система концессий между двумя странами. Более остальных Японию интересовали нефтяные и рыбные концессии. В вопросах концессий СССР часто шел навстречу японским предпринимателям и предоставлял им льготные условия. Не обходилось и без разногласий, несколько раз японские боевые суда заходили в акватории вод СССР под предлогом охраны японских рыболовов. Крайне непримиримую позицию занимала Япония в отношении китайских дел (особенно в отношении дел Южно-Манчьжурской железной дороги). Сильными были антисоветские

[131] Нота Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии от 13 ноября 1925 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8. – С. 664-665.
[132] Там же.

настроения в самой Японии, случались досадные инциденты с сотрудниками советского посольства и прочих сочувствующих СССР. Кроме того, этих самых сочувствующих нашлось немало, многие были видными государственными деятелями и сторонниками взаимовыгодного сотрудничества (Гото Симпэй). Нельзя не отметить заслуги советских дипломатов, которые проявили высокие навыки в ведении переговоров, особенно Л.М. Карахан и А.А. Иоффе. Благодаря их усилиям в Японии открывалось советское торговое представительство при большом сопротивлении японской администрации.

4 января 1926 г. начался процесс пересмотра Рыболовной конвенции 1907 г. На втором заседании советско-японской конференции по пересмотру Рыболовной конвенции 1907 г. важным пунктом было "построение советским государством рыбного хозяйства на Дальнем Востоке на рациональных началах, дабы избежать истощения рыбных ресурсов. Для этого лов рыбы требовалось контролировать"[133]. Кроме того, содержалось еще несколько пунктов и касались они характера ведения рыболовства и прав субъектов, это рыболовство осуществляющих. В 1927 году обсуждение этого вопроса продолжилось. В обмен на скорое продвижение рыболовного вопроса в качестве ответной меры от Японии ждали в СССР подписание политического соглашения. Японцы не торопились с соглашением, ссылались на то, что сначала надо уладить вопросы экономические. На переговорах в тоже время требовали все новых уступок. Как пример, можно привести следующий фрагмент телеграммы от поверенного СССР в Японии: "Снова при встрече я заявил Дэбути о нашей готовности подписать политическое соглашение, подчеркнув, что речь Сидэхара достаточно подготовила японское общественное мнение к оформлению дружественных отношений с Советским Союзом. Дэбути ответил, что японское правительство не сомневается в искренности наших дружеских чувств, но что подписание политического соглашения невозможно без предварительного исчерпания экономических частей Пекинской конвенции, то есть рыболовной конвенции и торгового договора"[134].

На беседе 7 января 1926 г. с Г.В. Чичериным разговаривал японский посол Т. Танака, он говорил о желании созвать конференцию для изменения "котиковой конвенции". С его слов котики сильно размножились и нуждались в сокращении численности. Растущая популяция котиков

[133] Рыболовная конвенция между Союзом ССР и Японией. – М., 1928. – С.44–45.
[134] Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Японии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л.М. Карахану от 17 февраля 1927 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1965. – Т. 10. – С. 54.

угрожала сокращением промысловой рыбы. При всем этом прежняя конвенция истекала в конце 1926 г. В ноте [135] от 16 февраля 1926 г. Г.В. Чичерин давал согласие от СССР на участие в конференции "по защите котиков". Обсудил Т. Танака и идею сельскохозяйственных концессий на Дальнем Востоке. К этой идее, правда, отнеслись скептически. Относительно китайских дел посол Т. Танака заверял, что господин Чжан Цзо-линь не является японской марионеткой. Так, посол еще добавил: "Имеются, впрочем, в Японии два течения, и военное течение стоит за интервенцию на материке. Либеральные элементы и даже генерал Танака, лидер Сэйюкай, стремится к тройственному сближению: СССР, Япония и Китай"[136].

Так, посол Т. Танака указывает на главные силы, противостоящие сближению Японии и СССР, "военное течение" с целью экспансии на материк.

В ноте [137], адресованной в МИД Японии, японских специалистов приглашали принять участие в конгрессе по развитию производительных сил Дальнего Востока. Конгресс должен был состояться в марте 1926 г.

21 февраля 1926 г. в городе Дайрене произошел неприятный инцидент. Группа русских эмигрантов забралась на посольство СССР и похитила флаг. На следующий день флаг нашли в районе трамвая № 5. Вскоре местной полицией был арестован некий Всеволод Сергеев, он сознался в том, что сорвал флаг и находился под стражей. Консул СССР сообщил квантунскому губернатору о происшедшем, просил разобраться и арестовать сообщников Сергеева.

Но тем не были приняты меры. В связи с этим, от СССР поступила нота [138] в адрес Японии. В ней просили разобраться уже правительство Японии. Требовали поймать сообщников и наказать по всей строгости, учитывая тяжесть совершенного деяния. А так же требовали принять меры по недопущению повторения такого рода инцидентов. Япония ответила нотой [139] от 28 апреля 1926 г., в которой говорилось, что Японское правительство немедленно связалось с квантунским губернатором по данному вопросу.

---

[135] Нота Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Послу Японии в СССР Танака от 16 февраля 1926 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1964. – Т. 9. – С. 102.

[136] Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Танака от 7 января 1926 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1964. – Т. 9. – С. 12-13.

[137] Нота Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии от 15 января 1926 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1964. – Т. 9. – С.28.

[138] Нота Полномочного Представителя СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии от 8 марта 1926 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1964. – Т. 9. – С.157-159.

[139] Нота Полномочного Представителя СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии от 8 марта 1926 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1964. – Т. 9. – С.157-159.

Квантунский губернатор представил доклад, в котором говорил о том, что все меры были приняты и упрек от правительства СССР в попустительстве и бездействии совершенно не обоснован. Японские власти, наоборот, вели это дело с большой тщательностью. Более того, сообщалось: "Хотя обвиняемый не является японским подданным, Императорское Правительство выражает сожаление по поводу случившегося и заверяет посольство Союза в том, что оно примет все меры в соответствии с существующими законами".

Таким образом, Японские власти заняли крайне осторожную позицию, демонстрируя дружественные намерения в адрес СССР. Ими быстро был задержан подозреваемый. Было возбуждено уголовное дел о нанесении оскорбления иностранному флагу. Более того, было заявлено о сожалении, хотя японские подданные отношения к инциденту и не имели.

Вскоре возникли разногласия по поводу японских концессий на Северном Сахалине, в основном горно-промысловых. Связано это было с тем, что японские концессионеры не заключили концессионных контрактов с правительством СССР после заключения пекинской конвенции. Следовательно, у них не было юридических оснований к продолжению своей деятельности на острове. По просьбе японского правительства им разрешалось вывезти добытые ископаемые, но имущество концессий оставалось в собственности СССР. Об этом было объявлено в ноте[140], направленной в посольство Японии. Японское посольство в ответной ноте сообщало, что не может согласиться с точкой зрения СССР по вопросу имуществ концессий на Северном Сахалине. Оно оставило за собой право на дальнейшее обсуждение этого вопроса. Вопрос получил развитие в ноте[141] посольству Японии в СССР от 21 декабря 1926 г. В этой ноте руководство СССР неизменно отстаивало ту же позицию. Японцы в ответе вновь не соглашались. Вопрос был спорным и оставался открытым.

26 июня 1926 г. между СССР и Японией было заключено "Временное соглашение о статусе Торгового Представительства СССР в Японии"[142]. В соглашении обговаривались функции торгового представительства. В общем, они заключались в ведении торговых операций от имени СССР в Японии. Обговаривались общие хозяйственные и юридические вопросы относительно процедуры запуска работы торгового представительства.

---

[140] Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Японии в СССР от 28 апреля 1926 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1964. – Т. 9. – С. 258.

[141] Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Японии в СССР от 21 декабря 1926 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1964. – Т. 9. – С. 591.

[142] Временное соглашение о статусе Торгового Представительства СССР в Японии от 23 июня 1926 г.// Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1964. – Т. 9. – С. 232-234.

В 1926 г. произошел неприятный инцидент с пароходом "Рёто-мару". Данный пароход был застигнут отрядом пограничной охраны за добычей краба в обход законов СССР. Однако ему пришел на помощь японский миноносец "Татикадзэ", под охраной которого он продолжил добычу краба. Власти СССР расценили этот шаг как применение силы и отправили протестную ноту [143] в посольство Японии в СССР. В ней японское руководство просили немедленно разобраться и выдать пароход. Японские власти в ответной ноте указали на то, что не видят самого факта применения силы, так как имеют другие данные об инциденте.

На собрании Российско-Восточной торговой палаты Г.В. Чичерин обосновывал особую важность налаживания торговых отношений с восточными странами. Говорил Г.В. Чичерин о том, какую важную роль играла торговая палата в налаживании отношений со странами востока. Его высказывание по поводу отношений: "Шаг за шагом, год за годом, день за днем налаживаются и нащупываются новые формы отношений между нами и странами Востока, и можно сказать, что громаден тот вклад, который внесла торговая палата в эти налаживающиеся взаимоотношения"[144]. Таким образом, восточное направление в советской политике занимало очень важную нишу.

В 1927 г. получил дальнейшее развитие спор по поводу принадлежности имущества некоторых угольных концессий на Северном Сахалине. Японские представители, как и прежде, отказывались подписывать документы о передаче имущества в собственность СССР. В ноте[145] от 15 марта 1927 г. посольству Японии в СССР, посольство Японии просили употребить свой авторитет, дабы склонить концессионеров к мирному разрешению спора. Японское посольство в ответной ноте заявило, что принимает сторону концессионеров в этом вопросе.

Так же в 1927 г. проявилась еще одна проблемная тема в отношениях с Японией. Касалось это "бессарабского протокола", на обсуждение проекта которого РСФСР не пригласили. Л.М. Карахан выслал телеграмму временному поверенному в делах СССР в Японии, в которой высказывал озабоченность намерением Японии ратифицировать протокол. Так, в телеграмме сообщалось: "Для нас поворот Японии в отношении ратификации бессарабского протокола является неожиданным и противоречащим той

[143] Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Японии в СССР от 16 июля 1926 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1964. – Т. 9. – С. 366.
[144] Известия. – 1926. – 14 октября.
[145] Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Японии в СССР от 15 марта 1927 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1965. – Т. 10. – С. 104.

линии сближения, которая наметилась за последнее время"[146]. Более того, Л.М. Карахан не понимал интересов Японии в Бессарабии в отличие от Италии, следовательно, Япония принимает это решение под влиянием Англии. Если это так, то этот курс направлен против СССР, резюмировал Л.М. Карахан. Кроме того, в силу бессарабский протокол вступал бы только, если его ратифицировали все подписавшие. М.М. Литвинов телеграфировал полномочному представителю СССР в Японии В.С. Довгалевскому по поводу ратификации бессарабского протокола: "вступление в силу зависит только от Японии, и это придавало бы японской ратификации особенно одиозный характер"[147].

Вскоре были достигнуты соглашения по большинству вопросов вокруг рыболовной конвенции. 22 марта 1927 г. посольству Японии в СССР была направлена нота с указанием на следующее: "Народный Комиссариат по Иностранным Делам имеет честь довести до сведения Японского Посольства, что ввиду переданного г. Послом Японии желания Японского Правительства о скорейшем назначении торгов на участки, с которых производится ловля сельди и сбор крабов, Правительство Союза Советских Социалистических Республик, идя навстречу этому желанию, готово немедленно назначить торги на сдачу в аренду этих участков" [148]. Выражалось стремление со стороны СССР к скорейшему заключению новой рыболовной конвенции. Японцы ответили нотой, в которой благодарили за уступки по поводу рыболовных участков, и выражали уверенность в достижении скорейшего согласия по вопросу новой конвенции. Одновременно Л.М. Карахан телеграфировал в Токио поверенному в делах СССР в Японии: "У нас создается впечатление, что посол Танака не склонен торопится с рыболовной конвенцией"[149]. Предлагалось надавить на японцев, чтобы те поторопились с конвенцией, устанавливался срок в 2-3 недели.

Налаживались советско-японские культурные связи. Так, 28 марта 1927 г. в МИД Японии была направлена нота [150] с просьбой оказать содействие в организации выставки изобразительного искусства СССР в

---

[146] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Японии от 15 марта 1927 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1965. - Т. 10. – С. 106.

[147] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии В.С.Довгалевскому от 15 апреля 1927 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1965. – Т. 10. – С. 164.

[148] Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Японии в СССР от 22марта 1927 г.// Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1965. – Т. 10. – С. 121.

[149] Телеграмма Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Японии от 23 марта 1927 г.// Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1965. – Т. 10. – С. 122.

[150] Нота Полномочного Представительства СССР в Японии Министерству Иностранных Дел Японии от 28 марта 1927 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1965. – Т. 10. – С. 124.

Токио. Выставка организовывалась "Всесоюзным обществом культурных связей с заграницей" при поддержке посла Танака. Суть ноты от СССР сводилась к просьбе освободить от уплаты пошлин предметы искусства, провести досмотр экспонатов в Токио, а не в Цуруге. Вскоре японцы сообщили об удовлетворении просьб. В 1927 г. СССР посетили такие деятели, как Акита Удзяку, Осанаи Каору и др. В 1928 г. с гастролями посетил СССР театр "Кабуки". Так, в телеграмме А.А. Трояноского Г.В. Чичерину говорилось: "По соглашению, заключенному с Кабуки, труппа в составе 45 человек выезжает между 10 и 15 июля и в течение августа даст 24 представления в Москве и Ленинграде"[151]. Кроме того, в 1928 г. в Японии открылась выставка, посвященная 100-летию со дня рождения Л.Н. Толстого. В 1929 г. в Японии было проведено памятное собрание в связи с 25-летием со дня смерти А.П. Чехова. Так же в 1931 г. в СССР состоялся концерт Коноэ Хидемаро, а в Японии музыкальный фестиваль, посвященный 50-летию со дня смерти М.П. Мусорского. Большая заслуга в организации этих мероприятий лежала на Японо-российской ассоциации. Её партнером с советской стороны был ВОКС[152].

По рыболовной конвенции вскоре правительством СССР были сделаны большие уступки. Так, в телеграмме от Л.М. Карахана представителю СССР в Японии говорилось: "Мы согласны предоставить право постройки и эксплуатации неограниченного числа заводов на срок аренды соответствующих рыболовных участков, идя дальше японского требования дать такое разрешение на 25 заводов"[153]. Изменялся в пользу японских концессионеров порядок набора трудовых кадров на предприятия. Значительно понижались долевые отчисления для концессий. Более того, японские предприниматели фактически оказывались в более привилегированном положении перед своими оппонентами. 10 октября закончились переговоры между Японией и СССР о заключении рыболовной конвенции, было достигнуто соглашение по всем основным вопросам. По сообщению прессы: "Ввиду того, что указанные выше тексты получили предварительное одобрение японского правительства, получение г. Танака формального полномочия на заключение конвенции ожидается в течение ближайших дней, когда и последует её подписание"[154]. Таким образом, в

[151] Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии Народному Комиссару Иностранных Дел СССР Г.В.Чичерину от 25 мая 1928 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1966. – Т. 11. – С. 338.
[152] ВОКС – Всесоюзное общество культурных связей с заграницей.
[153] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии В.С.Довгалевскому от 30 июня 1927 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1965. – Т. 10. – С. 326.
[154] Известия. – 1927. – 11 октября.

октябре 1927 г. проект рыболовной конвенции был одобрен и согласован обоими правительствами.

В рыбном вопросе было велико давление рыбопромышленников на Японское правительство. Любопытен отрывок из записи бесед С. Гото с представителем СССР в Японии: "Он подчеркнул, что наша позиция формально справедлива, что японское правительство в данном случае поступает вынужденно, под давлением рыбопромышленников и министра земледелия Ямато. Ввиду этого японскому правительству по чисто внутрипартийным соображениям необходимо как-нибудь удовлетворить рыбопромышленников"[155]. В этой же беседе С. Гото высказался, что хотел помочь в продвижении рыбного вопроса путем использования своего влияния на японское правительство и посла Танака.

После некоторых обсуждений вопроса, 23 января в 9 часов вечера была подписана рыболовная конвенция между СССР и Японией. Конвенция с одной стороны была подписана Л. Караханом и М. Лацисом, с другой – Т. Танака. Была ратифицирована в СССР 7 мая 1928 г. и 22 мая в Японии. 23 мая 1928 г. состоялся обмен ратификационными грамотами между СССР и Японией. Текст конвенции состоял из 16 статей, определял правила осуществления рыболовной деятельности. Изначально срок действия конвенции устанавливался на 8 лет, после чего она подлежала дополнительному рассмотрению. Главным новшеством было то, что запрещалось нанимать местных жителей. Это существенно снижало рентабельность концессий.

Возникли разногласия с Японией по вопросу ввоза оружия в Китай СССР. Японцы выслали ноту, а так же посол Т. Танака имел личную беседу у А.А. Трояновского, в которой пытался выяснить позицию СССР в данном вопросе. А 14 марта 1928 г. А.А. Трояновский телеграфировал Л.М. Карахану следующее: " японское правительство ждет благоприятного ответа на ноту по поводу запрещения ввоза оружия в Китай. Неблагоприятный ответ был бы большим ударом и даже оскорблением японского правительства и лично Танака. Он произвел бы тяжелое впечатление на Японию и поставил бы японское правительство в ложное положение. Неблагоприятный ответ означал бы, что Советский Союз предполагает ввозить оружие"[156].

В 1928 г. остро встал вопрос японо-советского соперничества в Маньчжурии. Так, Л.М. Карахан телеграфировал А.А. Трояновскому:

[155] Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с политическим деятелем Японии Гото от 8 января 1928 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1966. – Т. 11. – С. 13.
[156] Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л.М.Карахану от 14 марта 1928 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1966. – Т. 11. – С. 162.

"Японские газеты в Маньчжурии ведут против нас провокационную клеветническую кампанию, обвиняют нас в покушении на Чжан Цзо-линя, мукденских взрывах, коммунистических заговорах, подготовке восстания в Барге, переброске войск к границе и подготовке захвата КВЖД"[157]. Тут же консулами от СССР в Маньчжурии были поданы протестные ноты. В следующей, срочной телеграмме от Л.М. Карахана, по поводу обыска в Тяньцзине указывалось: "Японцы могут попытаться спровоцировать выступление китайских властей против нас и в Маньчжурии"[158]. Указывалось на то, что обыск в Тяньцзине был проведен китайскими властями под давлением Японии. В самой Японии представителю СССР ответили, что ни о какой антисоветской агитации в Маньчжурии понятия не имеют.

18 августа 1928 г. Л.М. Карахан телеграфировал А.А. Трояновскому: "Японцам удалось использовать антикитайские настроения монгольского населения Барги и спровоцировать их на восстание. К этой авантюре никакого отношения ни мы, ни внешняя Монголия не имеем, все сведения об участии конницы Внешней Монголии в "военных действиях" – японские измышления"[159]. Одновременно в советской прессе началась антикампания в ответ на нападки японских новостных агентств, обвинявших в событиях СССР.

В газете "Советская Сибирь" от 22 августа 1928 г. вышла статья под заголовком "Япония провоцирует восстание в Барге"[160]. В ней говорилось о том, что органами ГПУ во Владивостоке был обнаружен контрабандный груз японского оружия, предназначенного для переправки в Маньчжурию. Таким образом, отчетливо проявился один из эпизодов народившегося противостояния СССР и Японии в Маньчжурии.

Далее в телеграмме от Л.М. Карахана А.А. Трояновскому от 23 декабря 1928 г. говорилось: "Японцы, по имеющимся сведениям, занимаются провокационной работой в Барге. В частности, подкупают белогвардейцев для устройства выступлений, вроде имевшего на днях налета на станцию Унур. Цель, видимо, вселить в китайцев тревогу за монгольскую границу и

---

[157] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А.А.Трояновскому от 19 июня 1928 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1966. – Т. 11. – С. 399.

[158] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР советским консулам в Харбине, Шэньяне и Пекине и Полномочному Представителю СССР в Японии А.А.Трояновскому от 22 июня 1928 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1966. – Т. 11. – С. 476.

[159] Телеграмма Заместителя Нраодного Комиссара Иностранных Дел СССР Представителю СССР в Японии А.А. Трояновскому от 18 августа 1928 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1966. – Т. 11. – С. 401.

[160] Советская Сибирь. – 1928. – 22 августа.

усилить ведущуюся в некоторых китайских кругах кампанию против нас и Монголии"[161].

Интересный случай описал в телеграмме А.А. Трояновскому М.М. Литвинов: "Танака на прощальном визите почему-то спрашивал, интересуемся ли мы еще пактом о ненападении. Ответил утвердительно, так как предлагаемые нами пакты включают нейтралитет, чего нет в пакте Келлога, а, кроме того, судьба последнего неизвестна, между тем как двухсторонние пакты могут быть осуществлены легче и скорее. Также упомянул, что двухсторонние пакты о ненападении отчетливее символизируют дружбу, чем многосторонний пакт. Сообщаю на всякий случай для сведения"[162].

Это может говорить о желании японских правительственных кругов избежать прямого столкновения с СССР в будущем. Интересно то, что в этот момент серьезно усилились англо-японские противоречия в Китае. В силу этого, у Японии сужалось поле для политических маневров. Об этом сообщал Л.М. Карахан в письме [163] А.А. Трояновскому. По мнению Л.М. Карахана, США в этих противоречиях тоже играли большую роль, но при некоторой пассивности более активными он считал англичан. Противоречия в основном касались торговли и рынков в Азии. Относительно КВЖД японцев, по всей видимости, интересовала судьба южной ветки этой дороги. Так, Л.М. Карахан телеграфировал А.А. Трояновскому: "Вполне возможно, что некоторым японским деятелям мерещится возможность "взаимного понимания" на основе уступки им южной ветки (КВЖД), но об этом не может быть и речи"[164].

В 1929 г. 13 апреля умер граф С. Гото, который, по мнению многих современных исследователей, как отечественных, так и зарубежных, оказал большое влияние на процесс установления и нормализации отношений Японии и СССР. По этому поводу поверенному в делах Японии в СССР г. Сако была передана нота[165] с соболезнованиями.

---

[161] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А.А.Трояновскому от 23 декабря 1928 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1966. – Т. 11. – С. 633.

162 Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А.А. Трояновскому от 19 октября 1928 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1966. – Т. 11. – С. 543.

[163] Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А.А.Трояновскому от 12 октября 1928 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1966. – Т. 11. – С. 536-540.

[164] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А.А. Трояновскому от 31 января 1929 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1967. – Т. 12. – С.

[165] Нота Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Поверенному в Делах Японии в СССР Сако от 13 апреля 1929 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1967. – Т. 12. – С.154.

С. Гото предложил в 1928 г Г.В. Чичерину идею о "японо-русско-китайском союзе", если точнее, о совместной "защите и надлежащем руководстве" Китаем со стороны СССР и Японии. И.В. Сталин не поддержал данную идею, ссылаясь на важность освободительной борьбы в Китае. Однако перед СССР стояла проблема сохранения собственных прав на КВЖД. Вскоре дело дошло до вооруженного столкновения.

27 мая 1929 г. маньчжурские милитаристы организовали налет на советское генеральное консульство в Харбине. А 10-11 июля была захвачена КВЖД. Более 200 советских граждан – работников дороги – было арестовано, другие отстранены от своих должностей и заменены "белогвардейцами". Советское правительство вынуждено было отозвать всех своих дипломатических, консульских и торговых представителей из Китая, а так же работников КВЖД, прекратить всякую железнодорожную связь с Китаем.

Начались всяческие систематические нападения на советскую территорию, на селения и пограничные посты, обстрелы судов на Амуре. 6 августа 1929 г. приказом Реввоенсовета СССР была создана Особая Дальневосточная Армия, вскоре она разгромила и обезоружила основную группировку китайских сил. Действия этой армии склонили Китай пойти на мирные переговоры.

22 декабря 1929 г. в Хабаровске был подписан советско-китайский протокол. Протокол предусматривал восстановление в полном объеме деятельности всех советских должностных лиц и служб на КВЖД, освобождение всех без исключения советских граждан, арестованных в связи с конфликтом, разоружение белогвардейских отрядов и высылку из Маньчжурии их организаторов вдохновителей. Для восстановления дипломатических отношений с Китаем планировалось созвать конференцию. Она открылась 11 октября 1930 г. и такие важные вопросы, как восстановление дипломатических и торговых отношений, на ней не были решены.

В 1928 г. в Японии инициативу захватила Квантунская армия, она сделала первые шаги к захвату Маньчжурии. Был ликвидирован Чжан Цзолинь, взорван. В Китае ей предпринимались самовольные действия, правительство ставилось перед свершившимися фактами. Москва воспринимала эти факты, как империалистические амбиции Японии. Особенно неоднозначно воспринято было предложение МИД Японии

китайской стороне об устранении преимущественного положения СССР в управлении КВЖД.

Таким образом, можно говорить, что к концу 20-х – началу 30-х гг. с Японией установилась сложная система взаимоотношений, было налажено экономическое и культурное сотрудничество, установлены дипломатические отношения. Усилиями дипломатов открыты торговые представительства. Однако сближение породило возникновение большого количества хозяйственных споров. Сильны были и имущественные разногласия, не редко не было единой трактовки договоров и соглашений. Каждая сторона старалась трактовать их в свою сторону, это приводило к затяжным спорам и долгим переговорам. Япония все чаще требовала уступок, вплоть до передачи южной ветки КВЖД, на что руководство СССР пойти не могло. Не редки были прямые столкновения Японии и СССР, носившие, как правило, характер инцидентов. Японией велась активная антисоветская пропаганда, хотя официальный Токио все отрицал. Так же вызревали серьезные предпосылки для осложнения советско-японских отношений, особенно на почве конкуренции в Маньчжурии. Существенное влияние на двусторонние отношения оказывала политика западных держав, главным образом Англии и США, стремившихся проникнуть на азиатские рынки в ущерб интересам Японии. Япония в осуществлении своей политики в этом направлении нередко старалась опереться на Советский Союз.

Глава 2. Советско-японские отношения в 1931– 1941 гг.

2.1.Основные проблемы советско-японских отношений в 1931-1936 гг.

1931 год в советско-японских отношениях открывается разногласиями по "Чосен банку" во Владивостоке. 1 января 1931 г. посол Японии в СССР К. Хирота беседовал с Л.М. Караханом относительно условий разрешения конфликтной ситуации. Посол просил разрешить закрытому наркомфином "Чосен банку" продолжить деятельность и избежать дополнительного налога, который был наложен на банк советским правительством. Л. Карахан ответил, что вопрос, по его мнению, считается решенным, но пообещал донести до руководства точку зрения Японии на эту ситуацию. Обратил внимание посол К. Хирота на то, какой большой шум был поднят в советской печати по этому поводу. Л. Карахан ответил, что это результат ответа на критику со стороны японской прессы. В заключение беседы Л. Карахан отметил: "Я обещал Хирота в возможно ближайшее время дать ответ по вопросу о дальнейшем существовании "Чосен банка" на основе особого разрешения, хотя оговорился, что я лично не имею надежды на то, что эта просьба японского правительства будет удовлетворена, и ставлю её перед правительством только потому, что японское правительство официально просит Советское правительство этот вопрос рассмотреть"[166].

В начале 1931 г. в Токио шли переговоры относительно арендной платы за рыболовные участки. Переговоры находились на грани срыва, и японские рыбопромышленники подняли большой шум в прессе относительно этого. Звучали заявления о том, что СССР шантажирует Японских рыбопромышленников, диктуя условия в одностороннем порядке. Однако на деле ситуация была не так проста, СССР действовал в рамках рыболовной конвенции. В личной беседе с К. Хирота Л. Карахан подчеркнул особо еще одну тонкость ситуации: "Я так же подчеркнул, что большинство японских рыбопромышленников уже внесло арендные платежи и что упорство до сих пор проявляет одна лишь фирма "Нитиро". Если взять в конкретных цифрах существо спора, то речь идет о разнице приблизительно в 600 тыс. иен за год, которые фирма "Нитиро" отказывается платить. Хирота лучше меня знает, что эти 600 тыс. иен представляют лишь небольшую часть тех ежегодных сверхприбылей, которые эта фирма имеет от рыболовного промысла в наших

[166] Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Хирота от 1 января 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 10-13.

водах. Таким образом, спор идет не о возможности осуществления прав, предусмотренных рыболовной конвенцией , а речь идет о том что "Нитиро" не хочет лишится 600 тыс. иен сверхприбылей" [167]. Трудность вопроса заключалась в том что фирма "Нитиро" была связанна с влиятельнейшим японским кланом "Сацума" и фирмой "Мицубиси". Трудности, с которыми столкнулся временно исполняющий обязанности премьера К. Сидэхара в этом вопросе, по мнению К. Хирота, были непреодолимы. Этот факт демонстрирует силу влияния некоторых рыбопромышленных кругов на правительство Японии. Группа компаний "Мицубиси" представляла собой предприятия тяжелой промышленности, занималась авиастроением.

20 февраля 1931 г. послу Японии в СССР было сделано официальное заявление [168]. По существу в заявлении говорилось, что относительно арендной платы советская сторона соглашалась на компромиссный вариант в 35 иен, взамен требуемых 40, для японских рыбопромышленников. Относительно судьбы "Чосон банка" то решение о его закрытии не могло быть отменено. Советская сторона, не желая обострять отношения, после неоднократных уступок снова пошла на компромисс, хотя далеко не по всем вопросам. Стоит отметить, что японскому правительству приходилось действовать в условиях колоссального давления со стороны промышленных кланов.

25 февраля 1931 г. от Л. М. Карахана представителю СССР в Японии А. А. Трояновскому пришла телеграмма[169], в которой предлагалась обратить внимание японского МИДа на инцидент с советским пароходом "Лозовский", в отношении которого японская полиция допустила "возмутительное поведение" и дискриминацию, на пароходе был проведен обыск без ордера. Кроме того, японская полиция выдвинула требование выдать списки членов партии. Случай был не первым, и интенсивность инцидентов такого характера возросла, по этому поводу А. А. Трояновскому предлагалось устроить устный демарш. В ответной телеграмме А.А. Трояновский сообщал: "На Вашу телеграмму от 25 февраля 1931 г. Предложенный вами демарш уже

[167] Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Хирота от 14 февраля 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 84-88.
[168] Заявление Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л.М. Карахана Послу Японии в СССР Хирота от 20 февраля 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 93-95.
[169] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А.А.Трояновскому от 25 февраля 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 96.

сделан. МИД ссылается на глупость полиции, которая основывается на том, что пароход пришел в закрытый порт"[170].

Неуступчивость в рыболовном вопросе японская сторона объясняла особыми национальными чувствами к этому виду деятельности. Так в одной из бесед [171] посол К. Хирото говорил Л.М. Карахану, что испытывает смущение за те инструкции, которые он получает от правительства. Само же японское правительство находится под атаками оппозиции, а общественное мнение в Японии возмущено до предела. Условия, предложенные советской стороной в рыбном вопросе, как компромисс Японии, на удивление посла не принимались, что серьезно осложняло советско-японские отношения.

В докладе правительства VI съезду советов СССР сообщалось: "Наши отношения с Японией продолжают нормально развиваться в сторону дальнейшего упрочнения дружбы и необходимости взаимного понимания, основы которых заложены Пекинским соглашением. Я с удовольствием отмечаю тот факт, что за годы, прошедшие с момента подписания соглашения, и в частности за последние два года, не зарегистрировано ни одного политического конфликта между СССР и Японией. Вместе с тем, торговые связи между нами значительно развились, уже сейчас больше чем в 4 раза превышая размер довоенной торговли Японии с царской Россией"[172]. Официально Москва не признавала факт ухудшения отношений, а, напротив, заявляла об их улучшении, выражала уверенность, что компромисс в рыбном вопросе будет найден, и японский народ не пойдет на поводу у группы промышленников. Япония в докладе в отличие от многих других стран запада не была подвергнута яркой критике. В докладе говорилось так же и о факте углубляющегося экономического кризиса, который, несомненно, обострит отношения в капиталистическом лагере.

16 марта 1931 г. было совершено покушение на советского торгпреда Павла Аникева. По этому поводу посол Японии в СССР К. Хирота в беседе с Л.М. Караханом сообщил следующее: "что от японского корреспондента в Москве он узнал о покушении на торгпреда Аникеева. Он не имеет никакой информации от МИД и никаких инструкций, но счел своим долгом явиться, чтобы выразить лично от себя "свои симпатии" и соболезнование по поводу

[170] Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии заместителю Народного Комиссара Иностранных дел СССР Л.М. Карахану от 27 февраля 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 101.
[171] Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Хирота от 4 марта 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 107-112.
[172] Из доклада Правительства СССР VI съезду Советов от 8 марта 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 154.

печального случая, имевшего место в Токио"[173]. Покушение совершил некто "Сато". Л.М. Карахан выражал уверенность, что покушение организовано недовольными советской политикой представителями рыбопромышленных кругов. 17 марта в популярной у русских эмигрантов парижской газете "Последние новости" сообщалось: "Виновник покушения на торгпреда добровольно явился в полицию. Оказался он японцем, по имени Нобукатсу Сато. Сато заявил, что стрелял в Аникиева, возмущенный позицией большевиков в конфликте с японцами по вопросу о рыболовстве на Амуре" [174] . Обстоятельства покушения более подробно раскрывает телеграмма в народный комиссариат иностранных дел СССР, в ней сообщалось: "Сегодня в 9 часов утра, когда Аникиев, живущий на частной квартире и регулярно ездивший на службу, садился в автомобиль, в него стрелял неизвестный японец. Аникиев немедленно был отправлен в госпиталь университета Кэйо. По сообщению оттуда, он ранен тремя пулями – одна в руку, другая в ногу и третья в бок. Врачи считают положение не опасным. Стрелявший скрылся. Я предполагаю указать министерству, что это результат необоснованного возбуждения в верхней и нижней палатах, статей в прессе и информации в МИД о рыбных переговорах"[175]. Совокупно это подтверждает высказывание Л.М. Карахана о связи покушения с рыбным вопросом. Стоит отметить, что П. Аникиев к рыбным переговорам отношения не имел и стал жертвой, по всей видимости, из-за большого числа поездок, что упрощало подготовку покушения.

После покушения на П. Аникиева, А.А.Трояновский телеграфировал в Москву: "Сегодня как раз в верхней палате обсуждается резолюция по рыбному вопросу. Это аккомпанемент. Срочно шлите инструкции" [176] . В Японии в это время складывалась сложная и противоречивая обстановка, сильны были антисоветские выпады в обществе и прессе. О ненормальности сложившейся обстановки высказался в одной из личных бесед посол К. Хирота: "Вообще обстановка в Японии тяжелая и ненормальная. Покушения на государственных деятелей не редки: два премьера – Хара, Танака – были убиты, нынешний Хамагути – тяжело ранен"[177]. Интересную информацию отразил в своих мемуарах О.А. Трояновский, сын дипломата

[173] Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Хирота от 16 марта 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 199.
[174] Последние новости. – 1931. – 17 марта.
[175] Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии в Народный Комиссариат Иностранных дел СССР от 16 марта 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 201.
[176] Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР от 16 марта 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 202.
[177] Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Хирота от 17 марта 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 203.

А.А. Трояновского. Так, он писал следующее: "Было покушение на торгпреда Аникеева, в него стрелял японец при выезде из дома, где он жил. Очевидно, это покушение было связано с ведущимися в то время нелегкими переговорами по рыбной ловле. Этот вопрос всегда занимал важное место в отношениях между двумя странами, ведь продукты моря служат главной пищей японцев (видимо, поэтому Япония стоит на первом месте в мире по продолжительности жизни). В те первые годы в связи с массовыми арестами местных коммунистов было немало обвинений посольства в связях с местной компартией. Помнится, что такие события, как нападения на посольство, производили на мою тогда еще детскую психику сильное впечатление. Я всегда боялся, как бы что-нибудь не случилось с отцом"[178].

23 марта 1931 г. через А.А. Трояновского японскому правительству была вручена нота протеста, формально по поводу покушения на П. Аникева, но в ней оговаривалась и широкая антисоветская кампания в японской прессе. Японцы эту ноту проигнорировали. Вслед за этим правительством СССР было сделано официальное заявление[179], в нем все так же выражался протест на развернутую антисоветскую компанию. Переговоры в Москве по рыбному вопросу затягивались и шли крайне трудно, но в японской прессе их ход искажался, что возбуждало общественное мнение против СССР. 2 апреля в газете "Известия" было опубликовано сообщение ТАСС, в котором опровергались "измышления японской печати"[180] по поводу переговоров в Москве.

22 апреля 1931 г. со стороны посла К. Хирота поступило новое предложение относительно рыбного вопроса. Но предложение советскую сторону не устраивало, тогда К. Хирота заявил, что его пребывание в Москве бесполезно. Кроме того, Л. Карахан телеграфировал А.А. Трояновскому в Токио о заявлении К. Хирота: "отказался передать в Токио нашу новую уступку в 34 сены"[181]. Это могло говорить о том, насколько твердую позицию заняла японская сторона. Вероятно, посол предполагал, что даже такая серьезная уступка со стороны СССР неприемлема для японских промышленников. В телеграмме от А.А. Трояновского в Москву об его встрече с К. Сидэхара сообщалось: "Сидехара добавил, что ему, возможно,

[178] Трояновский, О.А. Через годы и расстояния: История одной семьи: историческая литература / О.А. Трояновский. – Москва. : ВАГРИУС, 1997.
[179] Заявление Правительства СССР Правительству Японии от 1 апреля 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 226.
[180] Известия. –1931. – 2 апреля.
[181] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А.А. Трояновскому от 22 апреля 1931 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 14. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 267.

придется в связи с рыбным вопросом уйти в отставку"[182]. После переговоров А.А. Трояновского с К. Сидэхара стороны все же пришли к временному соглашению. Тем временем, были установлены сроки ликвидации "Чосен банка", банк должен был быть ликвидирован к 20 мая 1931 г.

К предстоящим майским торгам на рыболовные участки японская сторона просила выставить на повторные торги ранее заторгованные участки. Советская сторона заявила, что участки уже заторгованы 22 апреля и повторно выставляться не будут. Тогда японский посол попросил при назначении торгов быть максимально справедливыми в оценке стоимости аренды участков.

2 мая 1931 г. в Авачинской бухте произошел инцидент с японским контрминоносцем "Юкадзэ", судно встало на якорь в трех милях от Петропавловска. Свой заход командир судна объяснил необходимостью охраны рыбопромышленников. На требования погранвластей покинуть бухту командир судна ответил отказом. По этому поводу Л.М. Карахан телеграфировал в Токио А.А. Трояновскому: "Обратите внимание японского правительства на то обстоятельство, что врученный нами проект соглашения о 12 мильной зоне не получил движения, несмотря на то, что действия японских судов, по всей вероятности, приведут в течение сезона к целому ряду конфликтов, ответственность за которые ляжет целиком на японское правительство"[183].

Видно, что японская сторона по-прежнему игнорировала советский проект о территориальных водах. Стоит отметить, что подобного рода конфликты происходили довольно часто. Японцы активно протестовали против тенденции, сложившейся на торгах, при которой преимущество стало отдаваться советским предприятиям и они заторговывали более прибыльные участки, в большем количестве.

18 сентября 1931 г. произошло событие, получившее в дальнейшем название "Маньчжурский инцидент". 19 сентября 1931 г. японский посол К. Хирота был вызван Л.М. Караханом для беседы. В ходе беседы посол уверял, что сам не имеет точного представления о произошедшем. Из той телеграммы, что посол получил, о событиях в Мукдене было известно следующее: "18 сентября 1931 г. в 10 часов вечера, к северу от Мукдена, китайские части направились на железнодорожную линию и разрушили

[182] Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л.М. Карахану от 23 апреля 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 272.

[183] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А.А.Трояновскому от 4 мая 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 310.

полотно железной дороги. Охрана ЮМЖД защищала линию от разрушения со стороны китайских солдат, в результате чего между китайцами и японцами произошло сражение. В Мукдене никакие сражения не имели места" [184]. В тоже время представитель Китая Мо Дэ-хой в беседе [185] с Л.М. Караханом выражал уверенность, что Китай не будет воевать с Японией. Мо Дэ-хой говорил о том, что, по его сведениям, японцы оккупировали ряд пунктов в южной Маньчжурии. 24 сентября Л.М. Карахан телеграфировал в Монголию следующее: "В связи с проводимой японцами оккупацией Маньчжурии, в частности с продвижением их по Таонаньской дороге, возможны провокационные действия их в Барге и на границе МНР. Можно ожидать активизации белогвардейцев, показателем чего является приезд в Маньчжурию атамана Семенова. Необходимо обратить внимание на восточный район МНР, наладить с ним связь и получение оттуда информации" [186]. Из этого следует, что 18 сентября 1931 г. началась оккупация Маньчжурии японцами. Вероятно, что император и центральный японский генералитет не имел представления о планах квантунского командования, но, узнав о событиях, сожалеть не стали. 14 ноября в советской прессе было опубликовано сообщение ТАСС следующего содержания: "Нелепое измышление о каких-то "красных китайских партизанах" и о корейских коммунистах, якобы наступающих из Благовешенска и Верхнего Амура, и о подвозе оружия и боевых припасов можно объяснить лишь стремлением зарвавшихся авантюристов отвести внимание общественного мнения в сторону от их собственных действий"[187]. Сообщение демонстрировало расхождение взглядов Москвы и японских милитаристов на происходящие события. Стоит отметить, что КВЖД оставалась недоступной для переброски охранных войск "во избежании возникновения инцидентов с японцами" помощи генералу Ма Чжань-шаню они оказать не могли.

Официально СССР придерживался позиции строго невмешательства, отрицал факт какой-либо помощи китайской стороне. Кроме того, японский посол дал заверение о том, что советским интересам в Маньчжурии не будет нанесено ущерба. Все эти заявления были опубликованы 15 ноября 1931 г. в

---

[184] Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Хирота от 19 сентября 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 529-530.

[185] Из записи беседы Официального делегата СССР на советско-китайской конференции Л.М. Карахана с Полномочным Представителем Китая на конференции Мо Дэ-хоем от 19 сентября 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С.527-528.

[186] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике А.Я. Охтину от 24 сентября 1931 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 14. – С. 538.

[187] Известия. – 1931. – 14 ноября.

газете "Известия"[188]. Еще 7 января 1932 г. А.А. Трояновский телеграфировал в Москву: Вместе с тем, разрабатывается вопрос о создании маньчжурского правительства с привлечением в него трех белогвардейцев, имена которых можно будет выяснить. Очевидно, ближайшее будущее покажет, какой план имеется у японцев относительно СССР. В военных кругах бродят мысли о занятии Сахалина, Приморья и Камчатки" [189] . Официальный Токио опровергал эти слухи, японский премьер министр Ц. Инукаи в беседе с А.А. Трояновким говорил: "слухи о привлечении белогвардейцев в маньчжурское правительство смешны" [190]. Более всего со слов Ц. Инукаи японцев волновал рыбный вопрос, нежели маньчжурские события.

5 декабря 1932 г. японцами был занят Харбин, столица КВЖД. Вскоре японцами было организовано так называемое "Всеманьчжурское совещание", которое в начале марта 1932 года провозгласило создание государства Маньчжоу Го во главе с бывшим китайским императором Пу И. С самого начала против Японии выступили китайские охранные войска, так называемая "Армия спасения родины" во главе с генералом Су Бивэнем. Японская армия разгромила китайские войска в Маньчжурии, не получавшие поддержки от Нанкинского правительства. Разбитый Су Бивэнь отказался вступать в переговоры с японским генеральным штабом и 4 декабря через консула обратился к советскому правительству с просьбой интернироваться на советскую территорию. Не дожидаясь ответа, вечером 4 декабря 1932 г. Су Бивэнь со своим штабом самовольно прибыл на станцию Отпор в Забайкалье. Японское правительство через поверенного в Москве Амо потребовало выдачи Су Бивэня, как военного преступника, затем просило не выпускать интернированных в Китай, но СССР отверг эти претензии.

Газета "Правда" в начале декабря 1932 г. сообщила "Сегодня со станции Маньчжурия прорвались на 86-й разъезд и дальше на советскую территорию отдельные части и группы из армии генерала Су Бен-веня. Часть бежавших на территорию СССР проникла пешим ходом, другая же часть, захватив силой вагоны и паровозы, двинулась на советскую территорию эшелонами. Все бегущие на нашу территорию китайские солдаты, так же как и офицерский состав, разоружаются и интернируются. Всего интернировано около тысячи человек" [191] . Более подробно дальнейшую судьбу

[188] Известия. – 1931. – 15 ноября.
[189] Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А.А.Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР от 7 января 1932 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1969. – Т. 15. – С. 16.
[190] Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А.А.Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР от 12 января 1932 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1969. – Т. 15. – С. 20.
[191] Правда. – 1932. – 6 декабря.

интернированных раскрывает в своей монографии "Китайцы в Сибири в XVII – XX вв.: проблемы миграции и адаптации"[192] красноярский ученый В.Г. Дацышен.

О событиях в Маньчжурии Г.В. Чичерин написал в ноябре 1931 г. И.М. Майскому следующее: "думаю, что японцы полетели в Манжурию потому, что задыхаются, а колонизаторы они плохие. Ненавидящий их Лидзло картинно описывал, как японец в Манжурии делается лавочником и, нажившись, взваливает на спину мешок с деньгами и возвращается в Японию. А китайцы колонизируют Манчжурию вовсю. Внутренние противоречия толкают!" [193] . Вероятно, И.М. Майский имеет ввиду противоречия относительно рынков в Маньчжурии. Япония пошла на колонизацию из-за того, что сама Япония мала, и в ней "тесно". Стоит отметить, что событиям в Маньчжурии не решилась помешать ни одна иностранная держава.

Важную и малоизвестную проблему поднимает, в своей статье "Японские беженцы в Забайкалье"[194] В.Г. Дацышен. В статье говорится о том, что осенью 1932 г. на советскую территорию (ст. Манциевская в Забайкалье) из охваченных антияпонским восстанием приграничных районов были эвакуированы более 200 мирных жителей, в основном женщины и дети. Благодаря советским (В.В. Смирнову и Л.М. Карахану) дипломатам японцы спаслись от гнева восставших, а местные власти обеспечили беженцев всем необходимым для выживания в суровых условиях сибирской зимы. Пример эвакуации японских подданных в 1932 г. показывает, что политические противоречия между СССР и Японией не являлись непреодолимым препятствием.

В 1934 г. началось обсуждение вопроса возможности продажи своей доли КВЖД Японии. Несмотря на растущую враждебность со стороны Японии – пресса всего мира чуть ли не ежедневно твердила о скорой войне на Дальнем Востоке – И.В. Сталин сохранял нейтралитет: СССР отказал китайским генералам в помощи против Японии, не стал сотрудничать с Лигой Наций, не отвергал в принципе возможности признания Маньчжоу-го де-юре и согласился на обмен консулами и совместное управление КВЖД, что выглядело признанием де-факто. "Советская Россия явно предпочитает Маньчжоу-го анархии и дурному правлению китайских военных диктаторов.

---

[192] Дацышен, В.Г.Китайцы в Сибири XVII – XX вв.: проблемы миграции и адаптации/ В.Г. Дацышен. – Красноярск; Сибирский федеральный ун-т, 2008. – 327 с.

[193] Майский, И.М. Избранная переписка с российскими корреспондентами : в 2 кн. / И.М. Майский. – М.: Наука, 2005. – Кн. 1. – С. 381.

[194] Дацышен, В.Г. Японские беженцы в Забайкалье в 1932 г. (Из истории советско-японских отношений) / В.Г. Дацышен // Россия и АТР. – 2013. – № 2 (80). – С. 38-45.

Более того, можно сказать, что нынешнее отношение обоих правительств – японского и советского – к Маньчжоу-го являет собой один из немногих примеров, доказывающих, что "капиталистическое" государство может вполне дружески сотрудничать с коммунистическим в том случае, когда ставки велики... Не столь важно, будет Маньчжоу-го признано или нет, пока Япония и Советская Россия могут поддерживать и укреплять свое согласие для защиты нового государства... и поддержания мира и порядка на прилегающих территориях". Напомним, что и Токио установил дипломатические отношения с Маньчжоу Го, независимость которого была провозглашена 1 марта 1932 г., только 15 сентября того же года.

24 апреля 1933 г. новый японский посол в Москве Т. Ота предложил Л.М. Карахану «заключить какой-нибудь акт политического характера», намекнув на продажу КВЖД. 2 мая М.М. Литвинов ответил согласием продать дорогу Маньчжоу Го. 8 мая 1933 г. запротестовали китайцы: посол Ян Хойцин вручил Л.М. Карахану меморандум о том, что "все вопросы, касающиеся Китайско-Восточной железной дороги, должны по-прежнему регулироваться соглашениями, заключенными между Китаем и Советским Союзом в 1924 г., и должны решаться исключительно правительствами этих двух стран". Нанкин заявил, что не признает никакое соглашение о КВЖД, заключенное без его участия.

В декабре 1932 г. И.В. Сталин пошел на восстановление дипломатических отношений с "гоминьдановцами", хотя и назвал их в письме к Молотову "мелкими жуликами"[195]. 12 мая 1933 г. М.М. Литвинов заявил, что соглашения «не ограничивают право СССР на продажу дороги кому бы то ни было, а тем более той власти, которая существует в Маньчжурии и фактически осуществляет там права и обязанности, вытекающие для китайской стороны из Пекинского и Мукденского соглашений». Иначе говоря, представителям Гоминьдана показали на дверь.

23 мая 1933 г. японское правительство решило купить дорогу, если удастся договориться о цене, чтобы добиться полного контроля над Маньчжурией и прекращения коммунистической пропаганды. Формальным покупателем должно было выступать Маньчжоу-го – сделка подчеркивала его «независимость». 29 мая посол Т. Ота сообщил в Наркоминдел о согласии маньчжурского правительства и предложении Японии выступить в качестве посредника[196]. 1 июня маньчжурские власти переименовали дорогу

[195] Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925-1936 гг. – М., 1996. – С. 240-241.
[196] Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1969. – Т. 15. – С. 279-281, 332-333, 831-833.

в Северо-Маньчжурскую, по аналогии с ЮМЖД, но советская сторона и в дальнейшем строго придерживалась прежнего названия.

Переговоры о продаже КВЖД начались 26 июня 1933 г. в Токио. Советскими полномочными делегатами были новый полпред К.К. Юренев, заведующий 2-м Восточным отделом НКИД Б. И. Козловский и вице-председатель правления КВЖД С. М. Кузнецов. Маньчжоу Го представляли посол в Токио Дин Шиюань и вице-министр иностранных дел Охаси Тюити. Стоит отметить, что все важные посты в Маньчжоу Го занимали японцы. «Честными маклерами» выступали директор Европейско-Американского департамента МИД Японии Того Сигэнори, будущий посол в СССР, и Нисси Харухико, начальник первой секции его департамента. Первый рабочий день 27 июня открылся речью министра иностранных дел К. Утида, но более он в переговорах участия не принимал.

К 10 сентября 1934 г. прошло 15 месяцев советско-японских переговоров по поводу продажи КВЖД. Советская сторона настаивала на цене в 160 млн. йен, японцы эту цену принимать не желали. 19 сентября 1934 г. советский полпред в Японии К.К. Юренев в беседе [197] с министром иностранных дел Японии К. Хирота сделал новое предложение по цене продажи КВЖД в 140 млн. иен. Однако от СССР было выдвинуто несколько дополнительных условий. Одним из этих условий было, чтобы соглашение о КВЖД вступало в силу немедленно после подписания, без ратификации. Отдельно оговаривался состав имущества, которое передавалось Маньчжоу Го. Настаивала советская сторона на том, чтобы сразу поступила половина суммы за железную дорогу, остальная половина передавалась в течение 3-х лет. Так же настаивала советская сторона на установлении "золотой клаузы" в отношении денежной части суммы выкупа. Устанавливался порядок увольнения советских служащих с КВЖД, по нему их предупреждали о предстоящем увольнении за 4 месяца. В предложении советской стороны прозвучала ощутимая уступка в цене со 160 до 140 млн. иен.

За время переговоров на самой КВЖД происходило большое количество конфликтных ситуаций. Так, в памятной записке генерального консула СССР в Харбине Н.Я. Райвида от 11 октября 1934 г. говорилось: "В последнее время участились самовольные действия японских воинских частей по захвату принадлежащих Китайской Восточной железной дороге зданий, сопровождаемому насильственными и незаконными захватами квартир советских служащих дороги и выбрасыванием из них

[197] Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Японии с Министром Иностранных Дел Японии Хирота от 19 сентября 1934 г. // Документы внешней политики СССР. – М., 1971. – Т. XVII. – С. 601-603.

принадлежащего агентам имущества"[198]. Еще об одной важной проблеме вокруг переговоров о КВЖД советская пресса писала так: "Из остальных спорных вопросов важное место занимает вопрос о возврате имущества СССР, не принадлежавшего КВЖД и застрявшего в Маньчжурии со времени интервенции и гражданской войны" [199]. Оставшиеся на переговорах разногласия к 1 ноября 1934 г. сводились по вопросу к выкупной сумме.

10 марта 1935 г. от заместителя наркома иностранных дел СССР Б.С. Стомонякова была отправлена телеграмма советскому полпреду в Японии К.К. Юреневу следующего содержания: "При парафировании соглашения о КВЖД заявите Хирота, что мы ожидаем освобождения всех арестованных советских служащих и рабочих до подписания соглашения о КВЖД. От себя лично выразите надежду, что Хирота этим жестом завершит дело умиротворения, начатое переговорами о КВЖД"[200]. Японцы в 1934 году проводили аресты советских служащих КВЖД, обвиняя их в подрывной деятельности против японского командования, с целью оказать давление на СССР и добиться уступок. 11 марта состоялось парафинирование соглашения о КВЖД в связи, с чем М.М. Литвинов дал сообщение в советской печати следующего содержания: "Мне кажется, что не может быть двух мнений о том, что соглашение о КВЖД должно рассматриваться как разрешение одной из сложнейших дальневосточных проблем и в тоже время как крупнейшее положительное событие в развитии советско-японских отношений"[201].

Серьезно беспокоил японцев факт присутствия на границах Маньчжоу-Го советских войск. Стороны предварительно договаривались, что после подписания соглашения войска будут отведены. Так, в телеграмме из Москвы полпреду СССР в Японии К. К. Юрьеву говорилось: "можете подтвердить официальный характер моего заявления и нашу готовность после подписания соглашения о КВЖД приступить к изучению вопроса об отводе части войск"[202]. Вероятно, что Москва даже желала отвести войска подальше от Японии.

---

[198] Памятная записка и. о. Генерального консула СССР в Харбине Н. Я. Райвида Генеральному консулу Японии в Харбине Морисима от 11 октября 1934 г. // Документы внешней политики СССР. – М., 1971. – Т. XVII. – С. 634.

[199] Известия. – 1934. – 1 ноября.

[200] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в Японии К.К.Юреневу от 10 марта 1935 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1973. – Т. 18. – С. 171.

[201] Сообщение советской печати о заявлении Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М.М.Литвинова корреспондентам японских газет в связи с парафинированием соглашения о КВЖД от 15 марта 1935 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1973. – Т. 18. – С. 180.

[202] Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К.К. Юреневу от 16 марта 1935 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1973. – Т. 18. – С. 180.

23 марта 1935 г. было подписано "соглашение об уступке Маньчжоу-Го прав СССР в отношении КВЖД"[203]. Текст договора состоял из 14 статей, в основном там определялся порядок передачи железной дороги и связанные с этим имущественные отношения. Окончательная цена устанавливалась в 140 млн. иен, сумма в 46 млн. йен уплачивалась наличными. Оговаривались так же права и обязанности советских служащих КВЖД, дополнительно сроком на 3 месяца заключалось транзитное соглашение между СССР и Японией.

Таким образом, одновременно с продажей СССР прав на КВЖД Маньчжоу-Го, в отношениях с Японией стало прослеживаться некоторое смягчение. Вот какие выводы делает известный ученый японовед В.Э. Молодяков относительно этого вопроса в своей статье "Почему Сталин продал КВЖД: механизм решения": История переговоров о продаже КВЖД показывает, что Сталин верно оценил ситуацию, сложившуюся в Маньчжурии в результате японской оккупации, противостоять которой СССР не мог. Отказавшись от железной дороги, советское руководство, разумеется, не перестало думать об укреплении своих позиций на Дальнем Востоке и в Центральной Азии, которая для Москвы была не менее важна, чем Маньчжурия для Токио. Уступка КВЖД, объединение транспортной сети Маньчжурии под японским контролем и уязвимость Амурской дороги в случае военного конфликта стали главными причинами сооружения Байкало-Амурской магистрали, стратегический характер которой сразу же отметил выдающийся геополитик Карл Хаусхофер, перерабатывая в 1936 г. для нового издания свой классический труд Геополитика Тихого океана"[204]. Кроме того, И.В. Сталин и руководство не могли найти лучшего решения по поводу дороги, которую они итак обещали передать Китаю, чем получить за нее деньги здесь и сейчас от Японии. Косвенно этот акт еще и позволял снизить напряженность на востоке страны.

2.2. Ухудшение советско-японских отношений в 1937–1941 гг.

В этот период в советско-японских отношениях наблюдается серьезное похолодание со стороны правительств обоих государств. Помочь избежать столкновения с Японией должна была продажа прав на КВЖД. Тем не менее, после подписания соглашения антисоветские провокации не прекратились.

[203] Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Маньчжоу-Го об уступке Маньчжоу-Го прав Союза Советских Социалистических Республик в отношении Китайской Восточной железной дороги (Северо-Маньчжурской железной дороги) от 23 марта 1935 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1973. – Т. 18. – С.204-213.

[204] Молодяков, В.Э. Почему Сталин продал КВЖД: механизм решения / В.Э. Молодяков // Япония. Ежегодник. – 2009. – № 38. – С. 294-310.

Так, 30 января 1936 г. японский отряд вторгся на советскую территорию у пади Мешеряково. Советские пограничники прогнали японский отряд. Нарушали советскую границу и японские летчики. Так, Б.С. Стомоняков телеграфировал советскому полпреду в Японии: "Заявите протест против непрекращающихся нарушений японскими самолетами нашей границы"[205]. 9 января в газете "Известия" [206] было опубликовано сообщение ТАСС, в котором говорилось, что Германия ведет переговоры с Японией. В письме заместителя наркома иностранных дел СССР Н. Крестинского к полпреду в Германии Я.З. Сурицу говорилось: "Что же касается вопроса об изменении немцами их политической позиции по отношению к нам, то никаких признаков каких-либо изменений в этом направлении ни в Берлине, ни в Москве, ни в других пунктах земного шара не замечается. Наоборот, все больше и больше признаков консолидации германо-японских отношений, консолидации, имеющей ярко антисоветское заострение"[207]. Еще в 1935 г. в Маньчжурии прокатилась волна арестов советских граждан, в 1936 г. эта тенденция продолжилась. В коллективном труде "Международные отношения на Дальнем Востоке" указывалось, что в 1936 г. у японского командования были планы вторжения на советский Дальний Восток и в Забайкалье. Планировали японские военные использовать для этого в том числе белогвардейцев.

12 марта 1936 г. СССР и МНР подписали Протокол о взаимопомощи. Он предусматривал в случае угрозы нападения на территорию СССР или МНР принять совместные меры для обеспечения безопасности. Оказывать всяческую помощь друг другу, в том числе и военную. Срок действия протокола устанавливался в 10 лет. Во введении протокола было записано: "Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республики, исходя из отношений неизменной дружбы, существующей между странами со времени освобождения территории Монгольской Народной Республики в 1921 году при поддержке Красной Армии от белогвардейских отрядов, находившихся в связи с военными силами, вторгшихся на территорию Союза Социалистических Республик, руководимые желанием поддержать дело мира на Дальнем Востоке и содействовать дальнейшему укреплению существующих между ними дружественных отношений, решили оформить в виде настоящего

[205] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К.К. Юреиеву от 8 января 1936 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1974. – Т. 19. – С. 15.
[206] Известия.– 1936.– 9 января.
[207] Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Я.З. Сурицу от 11 января 1936 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1974. – Т. 19. – С. 25.

Протокола существующее между ними с 27 ноября 1934 года джентльменское соглашение, предусматривающее взаимную поддержку всеми мерами в деле предотвращения и предупреждения угрозы военного нападения, а так же оказание друг другу помощи и поддержки в случае нападения какой-либо третьей стороны на Союз Советских Социалистических Республик или Монгольскую Народную Республику, для какой цели и подписать данный договор"[208]. Текст протокола состоял из 4 пунктов; с советской стороны протокол подписал полпред в МНР Таиров, с монгольской подписал председатель "Малого Хурала" некто Амор.

К 1937 г. СССР заключил пакты о ненападении с 10 граничащими с ним государствами из 11. Японское правительство дважды отклонило предложения по заключению такого пакта. К тому же, японское руководство убедилось в том, что западные державы не смогут помешать Японии вести успешную войну против Китая. Кроме того, 25 ноября 1936 г. между Германией и Японией был подписан "антикоминтерновский пакт", заложивший основу германо-японского блока. Полпред СССР в Японии К.К. Юренев сделал японскому представителю следующее заявление по этому поводу: "Японское правительство, конечно, имеет право бороться с коммунизмом в своей стране, и это право принадлежит и Германии. Моему правительству, однако, непонятно, почему необходимо международное соглашение для этой борьбы, ибо вряд ли Германия будет посылать свою полицию в Японию, а Япония в Германию. Кроме того, Советскому правительству известно, что соглашение о борьбе с коммунизмом является лишь прикрытием для другого японо-германского соглашения, направленного непосредственно против СССР. Советское правительство уполномочивает меня заявить Вам, г. министр, о том, что оно считает, что подписание такого соглашения, несомненно, нанесет тяжелый удар японо-советским отношениям"[209]. Примечательно, что о ходе переговоров не знали ни японский посол в Берлине, ни германский посол в Токио. Антикоминтерновский пакт, как следует из слов советского полпреда в Токио, в первую очередь был направлен против СССР. В тоже время Японцы развернули на севере Китая бурную экономическую деятельность и начали активное железнодорожное строительство, образовали многие промышленные компании. С 1936 г. Япония в Китае начинает активнейшую

[208] Протокол [о взаимопомощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой] от 12 марта 1936 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1974. – Т. 19. – С. 136.

[209] Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К.К.Юренева Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б.С. Стомонякову от 19 ноября 1936 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1974. – Т. 19. – С. 603.

экспансию, развернула там широчайшую разведывательную и подрывную деятельность, всюду старалась расставлять своих представителей. В итоге к 1937 г. совершенно отчетливо выявился агрессивный курс японской политики в Азии, главным инструментом японской политики становилась армия.

Отдельно стоит сказать о представлениях советского командования о японской армии. Эту проблему в своей статье "Япония в представлениях советского военного руководства 30-х гг. XX в." [210] рассматривает исследователь А.С. Ложкина. Она пишет о том, что в течении межвоенного периода представления военной элиты о Японии не были статичными, они изменялись под влиянием международной обстановки, а так же в результате борьбы группировок внутри командного состава армии СССР. Большинство представителей военной элиты давали высокие оценки боеспособности японской армии. Основными её особенностями являлись сильный флот, мощная авиация, высокие боевые качества в обороне. Слабостью японской армии отмечали нерешительный офицерский состав. Сильны были в японской армии отголоски культурных традиций.

Важной проблемой была деятельность консульства Японии в Новосибирске. После оккупации японцами Маньчжурии начался процесс ухудшения советско-японских отношений, это напрямую отразилось на работе консульства. Уже во второй половине 30-х годов японские работники консульства воспринимались не иначе, как шпионы. К 1937 г. отношения с Японией ухудшились, а большинство консульств Японии в СССР закрылось, одним из первых стало консульство в Новосибирске. Формальным основанием для закрытия консульства послужила разница в общем количестве консульств между теми, что открыты СССР в Японии и теми, что были открыты Японией в СССР, разница эта составляла два консульства.

7 июля 1937 года японские войска, внезапно атаковали китайцев у моста Лугоуцяо, в окрестностях Пекина. Началось японское вторжение в Северный Китай. Официально японцы заявляли, что никаких территориальных претензий в Китае не имеют. Однако гоминьдановская армия отступала, а японцы наращивали численность своей группировки. 21 августа 1937 г. между СССР и Китаем был подписан договор о ненападении. 21 сентября 1937 г. М.М. Литвинов, выступая в Лиге наций, сказал: "На азиатском материке без объявления войны, без всякого повода и оправдания одно государство нападает на другое – на Китай, наводняет его 100-

[210] Ложкина А.С. Япония в представлениях советского военного руководства 30-х гг. XX в. / А.С. Ложкина // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История. Политология». – 2008. – № 4/5. – С. 111-115.

тысячными армиями, блокирует его берега, парализует торговлю в одном из крупнейших мировых коммерческих центров. И мы находимся, по видимому, лишь в начале этих действий, продолжение и конец которых не поддаются еще учету" [211] . С подписанием договора Китай мог рассчитывать на получение помощи со стороны СССР. 26 сентября 1937 г. советское правительство объявило ноту [212] протеста по поводу многократных бомбардировок г. Нанкина. 17 июня 1938 г. Советское правительство выступило с протестом по поводу действий японской армии в Китае. Указывалось, что действия японской авиации в Гуанчжоу являются совершенно неоправданным актом жестокого насилия над мирным и беззащитным населением, что это вызывает глубочайшее возмущение общественного мнения в СССР. Так СССР четко обозначил свою сторону в японо-китайском противостоянии. В Китае "Гоминьдан "пошел на сотрудничество с китайскими коммунистами в борьбе против японцев, что нашло самый живой отклик у руководства СССР. Советское государство организовало для Китая переброску военной техники, боеприпасов и добровольцев через Синьцзян. Советская дипломатия в этот период старалась не втягиваться в войну с Японией. Вероятно, это был расчет позволить Японии завязнуть в войне и тем самым подорвать её позиции в Азии. Более того, у советского руководства были крайне сложные отношения с лидером гоминьдана Чан Кайши, однако ничего не помешало быстро переориентироваться СССР на помощь Китаю, в том числе и Чан Кайши. Произошли такие метаморфозы, вероятно, вследствие опасения руководства СССР, что Япония после захвата Китая переориентируется на советский Дальний Восток.

В 1937-1938 г. японские правящие круги стали активно распространять мнения в японской прессе об агрессивных намерениях СССР. 11 июля 1938 г. в японской прессе было опубликовано сообщение о том, что границу Маньчжоу-Го нарушили советские пограничники. 20 июня в Москве японский посол Сигэмицу Мамору потребовал удаления советских частей с высоты Заозерной, которая, по утверждению японского посла, являлась частью территории Маньчжоу-Го. В ответ М.М. Литвиновым был предъявлен текст Хунчунского соглашения с Китаем 1886 г., к соглашению была приложена карта, на карте высота Заозерная лежала на русской территории. Вскоре нарком иностранных дел Б.С. Стомоняков телеграфировал в Токио советскому полпреду К.А.Сметанину следующее: "Согласно только что полученным сведениям, сегодня, 19 июля, в 16 часов

[211] Известия. – 1937. – 22 сентября.
[212] Известия. – 1937. – 27 сентября.

два японо-маньчжурских отряда, один числом в 50 человек и другой численностью до одной охранной роты, перешли советскую границу на север от оз. Хасан и попытались овладеть двумя высотами, расположенными к северу от высоты у оз. Хасан, на которую японское правительство через свое посольство в Москве предъявило необоснованные претензии 15 и 20 июля с.г. В результате принятых нашей пограничной охраной мер японо-маньчжурские части были вынуждены отступить на маньчжурскую территорию, причем с обеих сторон были убитые и раненные"[213]. 29 июля японцы начали атаку сопки Безымянной, охраняемой небольшим пограничным отрядом. В советской печати вышло опровержение сообщений японской прессы, в котором говорилось: "Японская печать распространяет слухи, будто 22-ого на р. Уссури имел место бой с красноармейцами, которые якобы прогнаны. На самом деле имело место высадка десанта японо-маньчжур на острове, бесспорно принадлежащем нам, вследствие чего наши силы часть высадившихся маньчжур перебили, а другую часть вместе с пулеметом, винтовками и патронами взяли в плен"[214].

Атака, предпринятая японцами 29 июня была отбита, через 2 дня японцы повторили атаку. Японцев в итоге удалось вынудить отступить ценой больших усилий. 11 августа 1938 г. после применения танков и авиации, а так же артиллерии боевые действия завершились. После этого было объявлено перемирие и создана демаркационная комиссия. Советские авторы писали, как правило, о сокрушительном поражении японских войск, но после того, как были сняты грифы секретно с архивных документов, относящихся к конфликту, вскрылись несколько иные обстоятельства дела, указывающие на слабую боеспособность Красной армии. Историк Е.А. Бочков в своей статье "Особенности организации материально технического обеспечения войск Дальневосточного фронта в период советско-японского конфликта в районе озера Хасан. 1938 г."[215] пишет о том, что снабжение советских войск, их выучка и общая боеспособность были на низком уровне. Тем не менее, стоит отметить, что советские солдаты вели боевые действия без опыта, в крайне сложных условиях местности, вдали от ближайших железнодорожных узлов.

Более того, еще до конфликта на о. Хасан произошел любопытный случай. 14 июня 1938 г. обманным путем перешел границу с Маньчжурией и

[213] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Японии К.А.Сметанину от 29 июля 1938 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 21. – М.: Госполитиздат, 1977. – С. 407.
[214] Известия. – 1938.– 23 июля.
[215] Бочков Е.А. Особенности организации материально технического обеспечения войск Дальневосточного фронта в период советско-японского военного конфликта в районе озера Хасан. 1938 г. / Е.А. Бочков // Новейшая история России. – 2013. – № 2. – С. 18-41.

попросил политического убежища высший офицер ОГПУ-НКВД комиссар государственной безопасности 3-его ранга Г.С. Люшков, взяв с собой большое количество документов и лично владеющий большим количеством секретной информации. Вероятно, Г.С. Люшков выдал японскому командованию сведения о слабой боеготовности советских частей на Дальнем Востоке, о проводимых чистках среди командного состава. Одним из косвенных подтверждений не высокой боеготовности стало наличие на поле боя большого числа не взведенных гранат, которые бойцы кидали из укрытий в сторону японских сил.

Следует отметить, что по результатам столкновений в районе озера Хасан японская сторона, напротив, отмечала хорошее оснащение советской армии. В записях японского командования говорилось о том, что советские солдаты были укомплектованы: винтовками, винтовочными гранатами, автоматическими винтовками, боевыми патронами, ручными гранатами. Так же советская сторона втрое превосходила силы японцев (1-ой корейской армии), задействовала артиллерию и авиацию. Исходя из вывода японского командования, именно от артиллерии силы 1-ой корейской армии понесли основные потери. Более того, советская сторона использовала танки, но местность не позволяла их применить эффективно, с ними успешно боролись японские саперы. Японские силы не использовали авиацию, не имели артиллерийской поддержки, имели приказ не переходить в активное наступление вне расположения своих частей. Это связывают с расстановкой приоритетов на завоевание Китая и продвижение в Южной Азии квантунской армии. Известно, что между генералитетами 1-ой корейской и квантунской армий сохранялось соперничество и борьба за распределение военного ресурса. Тем не менее, несмотря на критическое положение и отступление, итоги боев были восприняты в японском штабе как победа. Общее настроение по поводу итогов столкновений и боеспособности советской стороны, где "японцы были в меньшинстве, но сражались на равных", было пренебрежительное. Никаких критических исправлений в организацию своей армии в то время Япония не внесла. Напротив, к примеру, были сделаны крайне спорные выводы о низкой боеспособности танков. По мнению К. Касахара[216] это явилось одним из факторов будущих поражений Японии во второй мировой войне. Косвенно это говорит и о том, что данное направление для руководящей верхушки японской армии не было приоритетным и уже отчетливо видна ориентация на зону ответственности

[216] Касахара, К. Какой урок извлекла Япония в боях у озера Хасан /К. Касахара // Российский гуманитарный журнал. История. Исторические науки. - 2016. -№6. - С. 561.

квантунской армии, завоевание Китая и Юго-восточной Азии. Япония не стремилась вступить в прямой полномасштабный конфликт с СССР.

11 мая 1939 г. пограничные части МНР, расположенные юго-восточнее оз. Буир–Нур, в 20 км восточнее р. Халхин–Гол, подверглись внезапному нападению японских войск. Это дало возможность японцам вклиниться в территорию МНР и подойти к реке Халхин-Гол. Здесь завязались бои между монгольскими пограничными частями и японскими войсками. Одновременно японское командование сосредоточило в Восточной Маньчжурии главные силы Квантунской армии, предположительно для развития наступления в направлении Уссурийска. 19 мая 1939 г. В.М. Молотов вызвал японского посла и заявил ему протест против грубого нарушения границы МНР. 2 июля советское командование, сосредоточив крупные силы, предприняло атаку в районе высоты Баин-Цаган. К утру 5 июля бои в этом районе закончились отступлением японцев. 8 июля японцы, получив подкрепления, вновь перешли в наступление. Завязались многодневные кровопролитные бои. 20 августа советские силы перешли в наступление и 28 августа завершили окружение японской группировки. 16 сентября было опубликовано официальное сообщение относительно прекращения боевых действий.

Советские авторы преподносят этот конфликт, как оглушительный разгром японской армии. В своих работах военный корреспондент К.М. Симонов, побывавший на Халхин-Голе, писал о том, какими были огромными потери советских войск, действовавших в тяжелейших условиях [217] . Особенно запомнилась К.М. Симонову атака советского бронетанкового отряда на высоту Баин-Цаган, после которой этот отряд был практически уничтожен. Стоит отметить, что при подготовке агрессии в Монголии японской военной миссией в Маньчжоу-Го была организована широкая агентурная сеть, к сотрудничеству с которой самым активным образом привлекались бывшие белогвардейцы. Особый интерес для этого ведомства представляли перебежчики. Только с 1936 по 1938 гг. из разных районов в Маньчжурию перебежало 188 чел[218].

Кроме того, исследователь Н. Пузыня в своей работе[219] пишет о том, что именно после боев на реке Халхин-Гол вектор японской экспансии окончательно развернулся в Китай и Южную Азию, Океанию. Кроме того, одной из причин японской агрессии называется попытка принудить СССР к

[217] Симонов, К.М. Собрание сочинений / К.М. Симонов. – М.: Художественная литература, 1979. – Т. 1. – С. 351.
[218] Курас, Л.В. Японская военная миссия в Маньчжоу-Го: подготовка к агрессии (к 75-летию событий на Халхин-Голе) / Л.В. Курас // Власть. – 2014. – № 8. – С. 143-147.
[219] Пузыня, Н.Н. Конфликт на Халхин-голе и смена вектора внешней политики Японии / Н.Н. Пзыня // Вестник Челябинского государственного университета. История. – 2009. - №37. - С.62-67.

отказу в военной помощи Китаю, дабы ускорить продвижение экспансии на данном направлении. Поражение Японии на Халкин-Голе сформировало мнение о невозможности успешной и продуктивной борьбы с СССР в регионе как минимум до вступления Германии в войну с СССР. Однако в конце августа 1939 г. Германия заключила пакт о ненападении с СССР, что в Японии вызвало весьма неоднозначную реакцию, воспринято как нарушение "антикоминтерновского пакта", что так же способствовало окончательному переорентированию на завоевание Китая и южных приморских территорий. Кроме того, Японию в "южном" направлении вынуждало и обострение торговых противоречий с США и Великобританией, однако Н. Пузыня не считает это обстоятельство решающим в вопросе выбора Японией вектора экспансии. Основным фактором исследователь называет именно военное поражение от СССР.

Интересным остается тот факт, что на существование японских концессий в СССР не повлиял антикоминтерновский пакт, заключенный Японией в 1936 г., а после вооруженных столкновений у озера Хасан и в районе реки Халхин-Гол, концессионные отношения осложнились, но не прекратились [220]. На фоне того, что в 1937 г. все концессии в СССР прекратили свое существование, с двумя сахалинскими концессиями так и не были расторгнуты концессионные договоры, хотя угольный концессионер был вынужден законсервировать свое производство на Северном Сахалине. В отношении нефтяной концессии "Кита Карафуто Секию Кабусики Кайша" СНК СССР принял беспрецедентное в советской практике решение. 5 июля 1938 г. было издано секретное постановление "О нефтяной концессии на Сахалине". Постановлением Правительства Союза ССР Центральному комитету Союза нефтеперегонных заводов было разрешено приступить к переговорам с правлением японского концессионного общества о перезаключении коллективного договора. Фактически это означало, что концессия продолжит свою деятельность. Практически концессии продолжали действовать до 1944 г., после чего они отошли к СССР. Японские концессии на Северном Сахалине послужили существенным подспорьем в жизнеобеспечении советской части острова. Угольные и нефтяные концессии были важным источником поступления иностранной валюты, поскольку платежи осуществлялись в японских йенах и американских долларах. Стоит отметить, что отношения между местными органами власти и японскими концессионерами в течении долгого времени оставались напряженными, обе стороны считали сложившееся положение

[220] Булатов, В.В. Японские концессии на Северном Сахалине как инструмент советской внешней политики / В.В. Булатов // Власть. – 2008. – № 11. – С. 124-128.

временным и пытались укрепить свои позиции за счет ослабления противоположной стороны.

Важным этапом в истории советско-японских отношений стал "Пакт о нейтралитете", заключенный с Японией в 1941 г. В ходе переговоров, происходивших в Москве 9 июля 1940 г., было достигнуто соглашение об уточнении маньчжуро-монгольской границы в районе Халхин-Гола. В тоже время посол Японии в СССР С. Того от имени японского правительства предложил подписать японо-советский пакт о нейтралитете. Правительство СССР ответило согласием. Переговоры по пакту на некоторое время затянулись. 24 марта между И.В. Сталиным и министром иностранных дел Японии Ё. Мацуокой состоялась беседа, в ней собеседники заверяли друг друга в дружбе и добрых намерениях. Из записи беседы под грифом секретно: "При этом т. Сталин говорит, что какова бы ни была идеология в Японии или даже в СССР, это не может помешать практическому сближению двух государств, если имеются взаимное желание обеих сторон. Со своей стороны т. Сталин указывает на то, что ему известно, что никакая идеология не помешает тому, чтобы практически поставить вопрос о взаимном улучшении отношений" [221] . Одновременно шли переговоры по поводу заключения с Японией новой рыболовной конвенции. 5 апреля 1941 г. состоялась беседа [222] между зам. наркома иностранных дел СССР С.А. Лозовским и советником посольства Японии в СССР Х. Ниси. В ней были обсуждены основные моменты по поводу заключения рыболовной конвенции, советской стороной предлагался срок новой конвенции, установленный в 5 лет. Были оговорены участки, запрещенные к промыслам, а так же размер отчислений за аренду. 7 апреля 1941 г. В.М. Молотов принял министра иностранных дел Японии И. Мацуоку[223]. В этот же день у посла и его сопровождающего состоялась беседа с зам. наркома иностранных дел СССР С.А. Лозовским, в которой по поводу по поводу рыболовной конвенции японцы сказали следующее: "Вы очень много требуете денег с рыбопромышленников. Если бы СССР покупал рыбные консервы у японских рыбопромышленников по ценам, которые платит Англия, тогда еще можно было бы пойти на предложение советской стороны, но сейчас, когда японским промышленникам некуда сбывать свою продукцию, дело

[221] Беседа Генерального Секретаря ЦК ВКП (б) И.В.Сталина с Министром Иностранных Дел Японии Е.Мацуокой от 24 марта 1941 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Международные отношения, 1995. – Т. 23. – Кн. 1. – С. 502.

[222] Беседа Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР С.А.Лозовского с Советником Посольства Японии в СССР Х. Ниси от 5 апреля 1941 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Международные отношения, 1995. – Т. 23. – Кн. 1. – С.523-530.

[223] Известия. – 1941. – 8 апреля.

становится значительно сложнее"[224]. В течение своего визита посол Японии в СССР Ё. Мацуока несколько раз встречался с председателем совнаркома В.М. Молотовым, это активно освещалось в советской прессе. Так, например, в газете "Известия" неоднократно появлялись сообщения, подобные этому: "11 апреля Председатель Совнаркома СССР и Нарком иностранных дел т. В.М. Молотов имел третью беседу по вопросу советско-японских отношений с министром иностранных дел Японии г-ном Иосуке Мацуока, которого сопровождал японский посол в Москве г-н Татекава"[225]. 12 апреля состоялась беседа И.В. Сталина и посла Мацуока уже относительно пакта о нейтралитете; из беседы: "Япония имеет с Германией союзный договор, однако из того, что Япония имеет с Германией союзный договор, не вытекает, что Японии нужно связывать силы СССР. Наоборот, если что-то произойдет между СССР и Германией, то он предпочитает посредничать между СССР и Германией. Япония и СССР являются пограничными государствами, и он хотел бы улучшить отношения между Японией и СССР"[226]. В беседе посол предлагает без долгих обсуждений сразу заключить пакт о нейтралитете в формате "дипломатического блицкрига", далее обсуждается вопрос продажи Северного Сахалина и, так как она невозможна, посол соглашается на поставки 100 тыс. тон нефти. По китайскому вопросу Ё. Мацуока заявил, что Япония борется в Китае исключительно против англосаксов.

13 апреля 1941 г. между СССР и Японией был подписан пакт о нейтралитете. Текст пакта был опубликован в "Известиях"[227] 15 апреля 1941 г. Следуя нему, стороны договаривались поддерживать мирные и дружественные отношения между собой, уважать территориальную целостность и неприкосновенность друг друга. В случае, если одна из сторон оказывалась объектом военных действий, то другая обязывалась соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта. Пакт вступал в силу со дня ратификации. Пакт сохранял силу 5 лет и автоматически продлевался, если одна из сторон не денонсировала его. Со стороны СССР его подписал В. М. Молотов, а со стороны Японии И. Мацуока и И. Татекава. После этого стороны обменялись поздравительными письмами, так же опубликованными в "Известиях". Стоит отметить, что в мартовских и апрельских номерах

[224] Беседа Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР С.А.Лозовского с Министром Иностранных Дел Японии Ё. Мацуокой и Послом Японии в СССР И. Татекавой от 7 апреля 1941 г. // Документы внешней политики СССР.– М.: Международные отношения, 1995. – Т. 23. – Кн. 1. – С. 536-537.
[225] Известия. – 1941. – 12 апреля.
[226] Беседа Генерального Секретаря ЦК ВКП(б) И.В.Сталина с Министром Иностранных Дел Японии Ё. Мацуокой от 12 апреля 1941 г. // Документы внешней политики СССР. – М.: Международные отношения, 1995. – Т. 23. – Кн. 1. – С. 560-564.
[227] Известия. – 1941. – 15 апреля.

газеты "Известия" тема войны в Китае освещается значительно слабее обычного, отсутствуют критические заметки в адрес Японии, что после разлада и военных столкновений в 1938-1939 г. было совершенно обычным для советской периодической печати. Это свидетельствовало о тщательной подготовке общественного мнения в СССР к заключению пакта с Японией.

Таким образом, заключение пакта о нейтралитете с Японией позволяло теоретически обезопасить восточные границы СССР. В действительности, советское командование продолжало держать на востоке страны до 40 дивизий. Пакт являлся прямым следствием желания руководства страны найти компромисс с японским государством, которое вынуждено было по своим внутренним экономическим и политическим соображениям искать мира с СССР. Действия пакта подкреплялись экономическими договоренностями, особенно в области нефтяных поставок. Япония крайне нуждалась в поставках нефти, она была необходима, прежде всего для нужд японского ВМФ. Новое освещение получила проблема подписания Пакта о нейтралитете в исследованиях Б. Славинского. Остановимся на наиболее принципиальных моментах концепции Б. Славинского. Прежде всего, исследователь убедительно доказал, что Пакт о нейтралитете сыграл положительную роль в развитии военно-политической ситуации на Дальнем Востоке. Существование Пакта оказывало положительное влияние на систему международных отношений в районе Тихого океана и Северо-Восточной Азии, деформированную войной. Б. Славинский неоднократно подчеркивает, что Пакт о нейтралитете был "уникальным феноменом в истории международных отношений". "Весь мир был охвачен пожаром, и только два крупных соседних государства – Советский Союз и Япония – оставались в мире" [228] . Кроме того, в дальнейшем нарушения пакта просматривались не только сто стороны Японии, но и со стороны СССР. Еще одна сторона пакта в том, что он не содержал ни одного упоминания о корейцах, после его заключения в рядах корейских коммунистов наблюдалось серьезное разочарование. Важно отметить, что с 1936 г. по 1941 г. не прекращалось экономическое сотрудничество с Японией, хотя оно и приобрело более сдержанные рамки.

[228] Славинский, Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941–1945 гг.: монография / Б. Н. Славинский. – Москва: Новина, 1995. – С. 301.

2.3. Советско-японские культурные связи 1922-1941 г.

Активное развитие советско-японские культурные связи получили лишь после заключения пекинской конвенции в 1925 г. До 1925 г. имели место лишь немногочисленные поездки советских представителей и отдельных заинтересованных лиц. Обстановка на Дальнем Востоке оставалась достаточно напряженной и после 1925 г. но в этот период благодаря взаимным усилиям советско-японские культурные контакты начинают активно развиваться. В том же году было создано Всесоюзное общество связи с заграницей (ВОКС), целью которого было развитие научной и культурной связи между учреждениями, научными организациями и отдельными научными и культурными работниками СССР и заграницей. Хоть ранее деятельность общества изучалась различными учеными, однако в контексте советско-японских отношений впервые ВОКС рассматривает исследователь к.и.н. Ложкина А.С.[229] Главной задачей общества ставилось распространение информации о достижениях советской культуры и формирование позитивного образа СССР в странах Европы, Америки и Азии. Благодаря О. Каменевой (супруга Л. Каменева) общество приобрело значимость в глазах советского руководства, ВОКС активно сотрудничало с ОГПУ-НКВД, - к примеру одной из задач была слежка и сбор информации об иностранных гражданах, прибывающих в СССР. По мнению Л. Ложкиной, ВОКС представлял из себя орган "контрпропаганды". Важное место в деятельности ВОКС занимала задача развития отношений с Японией, об этом свидетельствует большое количество советско-японских обществ культурной связи, которые превосходили по числу аналогичные в других странах. Среди таких обществ можно отметить следующие: Японо-Советское литературное общество, Японо-Советское общество, Общество международной культурной связи, Японо-Советское культурное общество. Стоит отметить, что значительную роль в развитии советско-японских культурных и научных связей сыграл известный российский востоковед, уполномоченный ВОКС в Японии Е.Г. Спальвин.

Е.Г. Спальвин был знатоком японского языка и культуры, работал при советском полпредстве, был организатором многочисленных выставок русского и советского искусства в Японии, являлся редактором "Известий Восточного института" и "Известий Восточного факультета". Во время

[229] Ложкина, А.С. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей и развитие советско-японских культурных отношений (1925-1939 гг.) / А.С. Ложкина // Япония. Ежегодник. – М.: "АИРО-XXI", 2015. - С. 119-131.

своего пребывания в Японии Е.Г. Спальвин в своих заметках оставил обширную информацию о японской культуре, обществе и государстве.

По мнению А.С. Ложкиной можно выделить четыре формы культурного сотрудничества, продвигаемых ВОКС:

1. Организация выставок, концертов, театральных гастролей.

2. Обмен книгами, научными препаратами.

3. Организация кинопоказов.

4. Взаимное посещение японцами СССР и советскими гражданами Японии.

Выставочная деятельность была наиболее удачной, по мнению А.С. Ложкиной. В 1926 г. прошла промышленно-торговая выставка в универмаге "Даймару" в Осаке. В апреле 1926 г. в Москве состоялся вечер Японской литературы. В этом же году в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Одессе и Минске прошли выставки детской книги и рисунка. В мае 1927 г. Всесоюзное общество, совместно с Советско-японской ассоциацией и газетой "Асахи", провели выставку, где было выставлено около ста сорока полотен и двухсот рисунков русских художников-авангардистов. В 1929 г. в Ленинграде и Москве проходила выставка японского кино. Японо-советское литературно-художественное общество в августе 1931 г. проводило выставку материалов по советской культуре. В начале 1930-х гг. в Москве прошла выставка японской живописи из коллекции Музея Изящных Искусств и Восточного Музея.

Отдельным событием исследователи выделяют гастроли театра "Кабуки". Гастроли проходили с большими сложностями и, тем не менее, удались "выше всяких похвал".[230]

Важным событием так же считался концерт в память М.П. Мусорского, прошедший в Токио в 1931 г. Японских музыкантов, в свою очередь, старались приглашать в СССР. Так, был организован приезд известного японского дирижера Коноэ Хидэмаро, 25 января 1931 г. он дирижировал Большим Симфоническим Оркестром Радиоуправления, выступление вызвало большой ажиотаж среди советской публики.

Кроме того, в силу специфики положения советских ученых, ВОКС брало на себя функции обмена научными материалами. В основном обмен происходил через организацию "Косуай Бунка Синкокай". Отдельно стоит сказать о приглашении в Японию писателя Б. Пильняка. Писатель пробыл в Японии два с половиной месяца. Провел многочисленные встречи с

[230] Кулинич, Н.Г. Первые гастроли японского театра Кабуки в СССР / Н.Г. Кулинич // Гуманитарные науки и юридические исследования. Исторические науки и археология. - 2016. - № 4. - С. 81-86.

представителями японской культурной интеллигенции. Достаточно подробно данный эпизод раскрывает французская исследовательница Савелли Д.[231]Прибытие Б.Пильняка в Японию стало первым посещением "красным писателем" страны восходящего солнца. Однако в дальнейшем для Б. Пильняка его пребывание в Японии сыграло злую шутку, в 1938 г. он был осужден по обвинению в шпионаже в пользу Японии и расстрелян. Во время своего пребывания в Японии советский писатель столкнулся с "характерным особым отношением" со стороны японской власти, за ним постоянно следили агенты японской полиции, японцам под страхом избиения запрещалось с ним общаться, применялись обыски и прочие методы "выдавливания". Делалось это из страха распространения коммунистической идеологии, так или иначе с таким особым отношением сталкивались многие советские гости.

В начале 20-х японская культура была популярна исключительно у интеллигенции, довольно узкого круга советских граждан, именно поэтому основную массу контактов составляют культурные связи. Однако с 1925 года объем туристической активности со стороны советских граждан начинает расти. Стоит отметить, что по сохранившимся японским данным, поток советских туристов был в 5 раз меньше, чем туристов из Китая или США. В Японию приезжали в основном представители творческих профессий. Они руководствовались в основном личными интересами. Так, в Японии в 1920-е гг. побывали поэты Рюрек Ивнев, Илья Севильский, Давид Бурлюк, искусствовед Николай Пунин. Такого рода культурный туризм не был массовым, этому способствовали ряд факторов: высокая стоимость поездки, сложности в получении разрешения на путешествие, низкий уровень транспортной инфраструктуры и обслуживания. Серьезную проблему для туристов составлял и языковой барьер, английский язык в Японии был не популярен, вероятно, в силу националистических настроений в японском обществе. Японские туристы делились на 2 категории, собственно туристы и транзитные, чей путь лишь пролегал через территорию СССР. Стоит отметить, что поездка транзитом через СССР в Польшу оказывалась выгоднее туристической поездки собственно в СССР. Так же туристической активности создавал препятствие "этноцентризм", господствующий в умах как граждан СССР, так и японских граждан, что сильно усложняло взаимопонимание. Если не считать туристическими все поездки, организованные государством, которые во многих случаях так же протекали с большими сложностями, стоит сделать вывод, что правительства СССР и Японии только декларировали значимость туристического обмена, однако

[231] Савелли, Д. Борис Пильняк как ключевая фигура советско-японских культурных отношений (1926-1937) / Д. Савелли // Вестник Евразии. История. Исторические науки. - 2002. - № 2. - С. 18-44.

мало делали для его успешной реализации. Инициатива туристических контактов часто исходила от частных лиц, а не от государств. Более подробно вопросы Советско-японского туризма в рассматриваемый период раскрывает историк, к.и.н. Дарья Валерьевна Киба [232] . Туристические контакты активно развивались до середины 30-х годов, после чего произошло их резкое падение в связи с усилением политических разногласий между СССР и Японией. В СССР узкий круг интеллигенции, увлекавшейся японской культурой и совершавшей поездки в Японию, к началу 40-х годов почти полностью уничтожили репрессии.

Отдельно стоит упомянуть о японской православной церкви, с 1912 г. её возглавлял епископ (с 1921 г. - архиепископ, с 1931 г. митрополит) Сергий (Тихомиров). С началом революции в России начался процесс отторжения японской православной церкви от русской церкви. События 20-х годов привели к образованию "временно самоуправляющейся Русской православной церкви за границей" (1921 г. Сербия). Активная монархическая позиция РПЦЗ ставила под удар церковь в СССР. В 1927 г. митрополит Сергий, глава с 1925 г. РПЦ, издал декларацию "о полном признании власти и совместной работе с ней для блага советской родины". В ней содержалось требование в письменной форме дать обязательство полной лояльности к СССР в любой общественной деятельности. Не давшие такого обязательства исключались из "клира" московской епархии. Заграничный синод постановил прекратить административные отношения с московской епархией. Требуемую подписку дали небольшое число иерархов, в том числе и глава японской православной церкви. Японская православная церковь состояла в большинстве своем из японцев, она была единственно крупной национальной церковью в отличие от других зарубежных образований РПЦ. Тем не менее, после революции прекратилось её финансирование из России, ей пришлось выходить на самообеспечение и серьезно сокращать штат служителей. Однако митрополит Сергий настаивал на каноническом единстве с РПЦ в СССР. Какое-то время до конца 1920-х годов Сергий поддерживал связь и с РПЦЗ и РПЦ, однако "Москва" полностью отрезала от внешнего мира РПЦ к 1931 г. а восточным иерархам РПЦЗ пришло письмо о том, чтобы они прекратили все контакты с Сергием Японским. Подробно тему Японской православной церкви раскрывает в своей статье Н.А. Суханова[233].

[232] Киба, Д.В. Туристические связи как фактор межкультурного диалога Японии и СССР в 1920-1930-е гг. / Д.В. Киба // Росиия и АТР. - 2016. - № 2. - С. 106-120.
[233] Суханова, Н.А. Японская православная церковь в 1917-1948 гг. : от Московской патриархии к Американской митрополии / Н.А. Суханова // Япония. Ежегодник. - 2006. - №35. - С. 272-288.

Таким образом, Японская православная церковь оказалась в вакууме, многим прихожанам казалось неприемлемым единение с "красной церковью", на котором настаивал Сергий Японский. Кроме того, в 1939 г. в Японии вышел закон о религиозных организациях. Согласно закону все религиозные организации в 1941 г. должны были пройти обязательную регистрацию в министерстве народного просвещения, обязательным условием было руководство организацией японцем. Закон серьезно ударил по всем христианским конфессиям в Японии, во главе которых стояли иностранцы. Начался процесс замены руководителей на японцев. Сергий был вынужден покинуть свой пост, и передал управление японцу Арсению Ивасава. Ивасава был влиятельным человеком, связанным с военными кругами. Почти сразу после его назначения в церкви возникли разногласия. На соборе был избран другой руководитель, настоятель церкви в Оска Яков Тохэй. Ивасава остался в оппозиции. Тем временем вести о разногласиях в японской церкви дошли до руководства РПЦЗ, там настаивали на невозможности существования церкви без епископа. Ивасава нашел кандидата Иоана Оно (он устраивал японское военное командование) в марте 1941 г. он отправился в Харбин для получения епископского сана, однако прихожане в Японии не восприняли нового иерарха, пока в 1941 г. 18 июня не состоялся внеочередной собор Японской православной церкви, на котором присутствовал епископ Николай Оно, протоирей Яков Тохэй и их сторонники, а так же японские военные чиновники из министерства народного просвещения. Под давлением военных чиновников духовенству пришлось признать нового епископа одновременно с Яковом Тохэй. Однако противоречия и скрытая оппозиция в Японской православной церкви сохранялись еще долгий период, что, в конечном итоге, привело её к присоединению к американской епархии в 1948 г.

Отдельно следует упомянуть о работе японских СМИ в 1922-1941 г. В Японии на тот момент существовала достаточно развитая система периодической печати, многие газеты издавались на других языках и на коммерческой основе сотрудничали с иностранными изданиями. Начиная с 1930 гг., японские СМИ активно проводят мобилизационную пропаганду, оправдывают все амбициозные устремления Японского государства. Причина в том, что японские газеты, в отличие от западной печати, контролировались военными. Повсеместно публиковались идеи превосходства японской нации, на что выделялись внушительные средства. Инакомыслие подавлялось всевозможными средствами. Всевозможные эмигрантские издания так же шли в русле японской информационной

политики. Таким образом, японская печать была еще одним инструментом активной экспансии на международном информационном пространстве[234].

[234] Санжиева, Л.Б. О некоторых аспектах участия Японии в международном информационном обмене в 1930-х гг. / Л.Б. Санжиева // Власть. - 2014. - № 5. - С. 161-165.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главной целью исследования было построение целостной исторической картины советско-японских отношений в период 1922-1941 гг. Для достижения поставленной цели в рамках исследования был решен ряд задач. Удалось подробно рассмотреть советско-японские отношения в период 1922-1941 гг. Осветить основные проблемы нормализации советско-японских отношений. Выявить основные факторы, влиявшие на развитие советско-японских отношений, а так же проанализировать роль и влияние ведущих деятелей в советско-японских отношениях. Результат исследования позволяет сделать следующие выводы:

1. На основании изученного материала можно выделить 4 основных периода в развитии советско-японских отношений в 1922-1941 гг., это:

- возобновление и нормализация отношений в 1922-1925 гг. В этот период завершается Японская интервенция, проводится большое количество переговоров, устанавливаются дипломатические связи между СССР и Японией;

- расширение и улучшение отношений в 1925-1932 гг. В этот период Япония официально признает Советское государство, между СССР и Японией налаживается широкое концессионное сотрудничество. Устанавливаются культурные связи, проводятся совместные выставки в Японии, Москву посещают артисты японского театра;

- похолодание в отношениях в 1932-1936 гг. В этот период Япония оккупирует Маньчжурию и создает там марионеточное государство Маньчжоу-Го. Происходит продажа прав СССР на КВЖД государству Маньчжоу-Го. Япония и Германия заключают антикоминтерновский пакт, что негативно сказывается на советско-японских отношениях;

- ухудшение отношений в 1936-1941 гг. В этот период СССР предоставляет широкую помощь Китаю в его борьбе с Японией. Между СССР и Японией происходит ряд вооруженных столкновений, на озере Хасан (1938 г.) и на реке Халхин-Гол (1939 г.). В 1941 г. Япония и СССР подписывают пакт о нейтралитете. На протяжении всего периода экономическое сотрудничество между СССР и Японией сокращается, но исчезает;

2. В первой половине 20-х годов основными проблемами нормализации советско-японских отношений были проблемы:

В первой половине 20-х гг. советское правительство активно боролось за завершение японской интервенции мирными способами. Крайне важным

для советского правительства был вопрос официального признания. Важной была проблема конкуренции ЮМЖД и КВЖД. Крайне важным в советско-японских отношениях был концессионный вопрос.

3.Основные факторы, оказавшие влиявшие на советско-японские отношения:

Важным фактором являлось внутреннее экономическое развитие обоих государств, Япония нуждалась в ресурсах, СССР нуждался в промышленных товарах и оборудовании, эти обстоятельства подталкивали государства идти на сближение.

В первой половине 1920-х годов важным фактором было, влияние региональных властей на советско-японские отношения, это проявлялось в деятельности ДВР, а так же различных земских правительств.

Большое влияние на развитие советско-японских отношений в разные периоды оказывала позиция западных держав по отношению к политике Японии и СССР на Дальнем Востоке. Позиция США на "Вашингтонской конференции" вынуждала Японию завершить интервенцию.

Политика Японии в Маньчжурии являлась важным фактором, влиявшим на состояние советско-японских отношений, особенно ярко это проявлялось с 1932 года, когда Маньчжурия фактически была оккупирована Японией.

Оказывали влияние на ход развития советско-японских отношений и случайные события. Великое землетрясение Канто, произошедшее 1 сентября 1923 года, привело к череде событий, например, инциденту с пароходом "Ленин".

4. Личная позиция государственных деятелей, занимавших те или иные государственные посты, по самым разным вопросам являлась еще одним важным фактором, влиявшим на развитие советско-японских отношений. Так, частные усилия Гото Симпея привели к проведению неофициальных переговоров с Л.М. Караханом в Токио, что в дальнейшем привело к заключению в 1925 году "Пекинского договора".

Взаимные жесты дружбы тесно переплетались с конфликтами, на протяжении всего хода развития отношений, это говорит о существовании большого количества параллельно протекающих процессов в советско-японских отношениях. Так, при оккупации Японией Маньчжурии в 1932 г. советскими властями были спасены японские граждане.

Можно говорить о том, что проблемы советско-японских отношений не лежат в плоскости исключительно политики, противостояния и агрессивной "империалистической экспансии" как писало большинство советских

авторов. Советско-японские отношения представляли собой сложную, многофакторную систему, где общий ход событий при доминирующей роли экономических предпосылок, определялся комплексом объективных и субъективных факторов, а так же исторических случайностей.

В советско-японских отношениях доминировали факторы внутреннего развития Японии и СССР. Активность двухсторонних отношений обуславливалась наличием как совместных границ и территорий, в которых пересекались интересы обоих государств, так и частными интересами различных группировок внутри Японии. В советско-японских отношениях в большинстве случаев доминировал прагматичный, обусловленный экономическими реалиями подход, но с учетом идеологических и политических нюансов.

Таким образом, выводы, полученные в результате проведенного исследования, позволяют на их основе построить целостную историческую картину советско-японских отношений в 1922-1941 гг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники:

1. ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. : научное издание / отв. ред. Г. Адибеков, Х. Вада. – М.: РОССПЭН, 2001. – 792 с.

2. Документы внешней политики СССР. Т. 3. – М.: Госполитиздат, – 1959. - 723 с.

3. Документы внешней политики СССР. Т. 4. – М.: Госполитиздат, – 1960. - 838 с.

4. Документы внешней политики СССР. Т. 5. – М.: Госполитиздат, – 1961. - 807 с.

5. Документы внешней политики СССР. Т. 6. – М.: Госполитиздат, – 1962. - 671 с.

6. Документы внешней политики СССР. Т. 7. – М.: Госполитиздат, – 1963. - 760 с.

7. Документы внешней политики СССР. Т. 8. – М.: Госполитиздат, – 1963. - 834 с.

8. Документы внешней политики СССР. Т. 9. – М.: Госполитиздат, –1964. - 883 с.

9. Документы внешней политики СССР. Т. 10. – М.: Госполитиздат, – 1965. - 688 с.

10. Документы внешней политики СССР. Т. 11. – М.: Госполитиздат, – 1966. - 792 с.

11. Документы внешней политики СССР. Т. 12. – М.: Госполитиздат, – 1967. - 816 с.

12. Документы внешней политики СССР. Т. 13. – М.: Госполитиздат, – 1967. - 883 с.

13. Документы внешней политики СССР. Т.14. – М.: Госполитиздат, – 1968. - 872 с.

14. Документы внешней политики СССР. Т. 15. – М.: Госполитиздат, – 1969. - 868 с.

15. Документы внешней политики СССР. Т. 16. – М.: Госполитиздат, – 1970. - 920 с.

16. Документы внешней политики СССР. Т. 18. – М.: Госполитиздат, – 1973. - 717 с.

17. Документы внешней политики СССР. Т. 19. – М.: Госполитиздат, – 1974. - 824 с.

18. Документы внешней политики СССР. Т. 20. – М.: Госполитиздат, 1976. - 815 с.

19. Документы внешней политики СССР. Т. 21. – М.: Госполитиздат, 1977. - 792 с.

20. Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн.1. – М.: Международные отношения, –1992. - 712 с.

21. Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн.2. – М.: Международные отношения, –1992. - 692 с.

22. Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн.1. – М.: Международные отношения, – 1995. - 750 с.

23. Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. – М.: Международные отношения, –1998. - 446 с.

24. Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 2. – М.: Международные отношения, –1998. - 839 с.

25. Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебрениковых, 1919–1934. Т.1. – М.: Издательство Гуверовского института, 2006. - 448 с.

26. Майский, И.М. Избранная переписка с российскими корреспондентами : в 2 кн. / И.М. Майский. Кн.1. – М.: Наука, 2005. - 644 с.

27. Москва – Токио: Политика и дипломатия Кремля. 1921–1931: сб. документов: В 2 кн. / Рос. акад. наук, Ин–т всеобщей истории, Ин–т рос. истории; Архив Президента Рос. Фед. – М.: Наука, 2007. - 434 с.

28. Трояновский, О.А. Через годы и расстояния: История одной семьи: историческая литература / О.А. Трояновский. – М.: ВАГРИУС, 1997. – 383 с.

Периодическая печать:

29. Красноярский рабочий. Региональная общественно-политическая газета. 1920-1925 г.

30. Последние новости. Парижская общественно-политическая газета. 1937 г.

31. Советский Сахалин. Региональная общественно-политическая газета. 1925 г.

32. Известия. Центральная общественно политическая газета. 1920-1941 г.

Литература:

33. Андрюков, Б.Г. Участие Владивостокского морского госпиталя в медицинском обеспечении Хасанской операции / Б.Г. Андрюков // Здоровье. Медицинская экология. Наука.- 2011. - № 2. - С. 36-43.

34. Азаренков, А.А. Геополитический вызов России: "Вашингтонская система" региональной стабильности и возвращение СССР на Дальний Восток / А.А. Азаренков // Вестник Московского государственного областного университета серия 'История и политические науки' . - 2009. - № 2. - С. 61-66.

35. Аварин, В. Я. Борьба за Тихий океан: (Агрессия США и Англии, их противоречия и освободительная борьба народов) / В.Я. Аварин. – М.: Госполитиздат, 1952. - 671 с.

36. Бармин, В.А. Советская и зарубежная печать о соперничестве Советского Союза и великих держав в Синьцзяне в 1930-х гг. / В.А. Бармин // Вестник Алтайского государственного университета. - 2013. - № 4. - С. 26-30.

37. Борисова, А.В. Роль рыболовной конвенции 1928 года в развитии Русско-японских дипломатических отношений накануне Второй мировой войны / А.В. Борисова // Мир Евразии. - 2013. - № 1 (20). - С. 14-17.

38. Булатов, В.В. Японские концессии на Северном Сахалине как инструмент советской внешней политики / В.В. Булатов // Власть. - 2008. - № 11. - С.124-128.

39. Бочков, Е.А. Особенности организации материально технического обеспечения войск Дальневосточного фронта в период советско-японского военного конфликта в районе озера Хасан. 1938 г. / Е.А. Бочков // Новейшая история России. - 2013. - № 2. - С. 18-41.

40. Воробьева, Т.А. Советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г. в современной отечественной историографии / Т.А. Воробьева // Вестник ВятГГУ. - 2010. - № 2 (1). - С. 25-38.

41. Гайкин, В.А. Японская интервенция на Дальнем Востоке России (1918-1922) и антияпонская борьба в Маньчжурии / В.А. Гайкин // Россия и АТР. - 2012. - № 4. - С. 104-113.

42. Грачев, А.В., Ципкин Ю.Н. Обстановка на государственной границе СССР с Маньчжурией июль-декабрь 1941 г. / А.В. Грачев, Ю.Н. Ципкин // Вестник ТОГУ. - 2013. - № 1(28). - С. 307-312.

43. Дацышен, В.Г. Китайцы в Сибири в XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации / В.Г. Дацышен. – Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2008 –327 с.

44. Дацышен, В.Г. Русско-японские отношения на Северном Сахалине в период японской оккупации (1920-1925 гг.) / В.Г. Дацышен // Япония. Ежегодник. - 2014. - № 43. - С. 193-209.

45. Дацышен, В.Г. Японские беженцы в Забайкалье в 1932 г. (Из истории советско-японских отношений) / В.Г. Дацышен // Россия и АТР. - 2013. - № 2 (80). - С. 38-45.

46. Дацышен, В.Г. Проблемы японского труда в рыбной промышленности российского Дальнего Востока / В.Г. Дацышен // Мир Евразии. - 2013. - № 1 (20). - С. 20-24.

47. Дацышен, В.Г. Японское консульство в Новосибирске. Из истории советско-японских отношений / В.Г. Дацышен // Сибирь и Центральная Азия: актуальные вопросы политического и социокультурного развития. Пятые научные чтения памяти Е.М. Залкинда. Материалы международной научной конференции 27 апреля 2012 г. Под. общ. ред. А.В. Старцева – Барнаул: Азбука, 2012. С.126-128.

48. Дьяченко, Н.В. Японский фактор и Советско-монгольские отношения в начале 30-х годов XX в. / Н.В. Дьяченко // Вестник БГПУ: Гуманитарные науки. - 2004. - № 4. - С. 120-124.

49. Дондоков, Ц.С. Безопасность граждан и организованная преступность в Дальневосточной республике: 20-ые годы XX века / Ц.С. Дондоков // История государства и права. - 2008. - № 11. - С. 35-39.

50. Дубинский, А.М. Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке / А.М.Дубинский. - Москва : Мысль, 1966. - 593 с.

51. Ермакова, Л. Об одной японской коллекции (Первая арфа в Японии и Советский союз 1930-х) / Л. Ермакова , К. Танака , С. Хияма // Япония. Ежегодник. - 2013. - № 42. - С. 357-372.

52. Ёкотэ, С. Представления японцев о России в начале периода Сёва (середина 1920-х – середина 1930-х гг.) // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. К 60-летию профессора Вада Харуки. М.: АИРО-XX, 2001.

53. Жалсапова, Ж.Б. Конфликт на Монголо-маньчжурской границе 1939 года в отражении иностранной прессы : происхождение и начало / Ж.Б. Жалсапова // Вестник Челябинского государственного университета. - 2009. -№ 29. - С. 126-129.

54. Журина, Е.Н. Движение к признанию СССР и его сторонники в США в 1932-1933 годах / Е.Н. Журина // Вестник БГУ. - 2012. - № 2. - С. 31-36.

55. Жигалов, Б.С. О характере и целях дальневосточной политики Советского государства в 1920-1924 гг. / Б.С. Жигалов // Вестник ТГУ. История. - 2010. - № 4 (12). - С. 135 -148.

56. Жуков, Е.М. Международные отношения на Дальнем Востоке / АН СССР. Ин-т Дальнего Востока; редкол.: акад. Е.М. Жуков (отв. ред.) и др. – М.: Мысль, 1973- 324 с .

57. Зимонин, В.П. Пакт о нейтралитете с Японией дипломатическая история / В.П. Зимонин // Военный академический журнал. - 2014. - № 1. - С. 145-155.

58. Зайцев, Ю.М. Подготовка сопредельной территории Дальнего Востока к войне (1932-1945) / Ю.М. Зайцев // Россия и АТР. - 2010. - № 3. - С. 5-14.

59. История гражданской войны в СССР : в 5 томах./ Ред. комиссия тома: Будённый С. М., Найда С. Ф., Обичкин Г. Д., Софинов Н. Г., Стручков А. А., Шатагин Н. И. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. — Т. 5. — 420 с.

60. Исаев, А.А. Оборонно-массовая работа на Дальнем Востоке в конце 1920-х - начале 1940-х гг. / А.А. Исаев // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. - 2014. - № 1. - С. 59-69.

61. Исаев, А.А. Социально-политические настроения на японских концессиях о. Сахалин в 1930-е - начале 1940-х гг. / А.А. Исаев // Ойкумена. - 2009. - № 4. - С. 78-82.

62. Куртинец, С.А. Разведывательная деятельность японских консульств на советском Дальнем Востоке (1922-1931) / С.А. Куртинец // Вестник ДВО РАН. - 2011. - № 1. - С. 28-35.

63. Куртинец, С.А. Разведывательно-подрывная деятельность японского консульства во Владивостоке в начале 20-х голов XX века / С.А. Куртинец // Власть и управление на Востоке России. - 2011. - № 1 (54). - С. 100-104.

64. Курас, Л.В. Атаман Семенов : Любовь, переросшая в предательство / Л.В. Курас // Власть. - 2014. - № 2. - С. 184-188.

65. Касахара, К. Какой урок извлекла Япония в боях у озера Хасан / К. Касахара // Российский гуманитарный журнал. История. Исторические науки. - 2016. - № 6. - С. 554-563.

66. Кулинич, Н.Г. Первые гастроли японского театра Кабуки в СССР / Н.Г. Кулинич // Гуманитарные науки и юридические исследования. Исторические науки и археология. - 2016. - № 4. - С. 81-86.

67. Кротова, М.В. Генерал В.Н.Касаткин неизвестные страницы жизни в Харбине / М.В. Кротова // Новый исторический вестник. - 2012. - № 33. - С. 110-118.

68. Курас, Л.В. Японская военная миссия в Маньчжоу-Го: подготовка к агрессии (к 75-летию событий на Халхин-Голе) / Л.В. Курас // Власть. - 2014. - № 8. - С.143-147.

69. Кутаков, Л.Н. Портсмутский мирный договор: из истории отношений Японии с Россией и СССР. 1905-1945 гг. / Л. Н. Кутаков. – М.: Соцэкгиз, 1961. - 291 с.

70. Киба Д.В. Туристические связи как фактор межкультурного диалога Японии и СССР в 1920-1930-е гг. / Д.В. Киба // Россия и АТР. - 2016. - № 2. - С. 106-120.

71. Лисицына, Е.Н. Советский экспорт нефти и "План Мацуката" / Е.Н. Лисицина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. - 2011. - № 132. - С. 33-39.

72. Ложкина А.С. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей и развитие советско-японских культурных отношений (1925-1939 гг.) / А.С. Ложкина // Япония. Ежегодник. - М.:"АИРО-XXI", 2015. - С. 119-131.

73. Ложкина, А.С. Япония в представлениях советского военного руководства 30-х гг. XX в. / А.С. Ложкина // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История. Политология». - 2008. - № 4/5. - С. 111-115.

74. Молодяков, В.Э. Почему Сталин продал КВЖД: механизм решения / В.Э. Молодяков // Япония. Ежегодник. - 2009. - № 38. - С.294-310.

75. Молодяков, В.Э. Россия и Япония в поисках согласия (1905 - 1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи / В. Э. Молодяков. – М.: Аиро-XXI, 2012. - 655 с.

76. Молодяков, В.Э. От вражды к партнерству. Сиратори Тосио и внешняя политика Японии в отношении СССР, 1930-1941 / В.Э. Молодяков // Форум японских и российских исследователей. Новый мир истории России. М., 2001.

77. Накамура, С. Японцы и русские. Из истории контактов // С. Накамура. – М.: Прогресс, 1983. - 303 с.

78. Пузыня, Н. Н. Конфликт на Халхин-голе и смена вектора внешней политики Японии / Н.Н. Пузыня // Вестник Челябинского государственного университета. История. - 2009. - № 37. - С. 62-67.

79. Пономарева, Б.Н. История внешней политики СССР, 1917-1985: в 2 т. / Б.Н. Пономарева; под ред. А.А. Громыко. – М.: Наука, 1986. - 534 с.

80. Рубанов, Е.А. Фашисткое и националистическое движение в среде русской эмиграции в Манчжурии в 1930-1940-е гг. / Е.А. Рубанов // Россия и АТР. - 2014. - № 3. - С. 115-125.

81. Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых / Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения ; [отв. ред. И. А. Латышев]. – М.: Наука, - 1986. - С.89-106.

82. Субханкулов, Р.Ф. Основные аспекты развития отечественной историографии участия СССР в войнах и военных конфликтах второй половины 1930-х гг. / Р.Ф. Субханкулов // Вестник МГГУ им. М.А.Шолохова. - 2012. - № 2. - С. 57-70.

83. Суханова, Н.А. Японская православная церковь в 1917-1948 гг. : от Московской патриархии к Американской митрополии / Н.А. Суханова // Япония. Ежегодник. - 2006. - № 35. - С. 272-288.

84. Санжиева, Л.Б. О некоторых аспектах участия Японии в международном информационном обмене в 1930-х гг. / Л.Б. Санжиева // Власть. - 2014. - № 5. - С. 161-165.

85. Субханкулов, Р.Ф. Участие СССР в вооруженных конфликтах у озера Хасан и реки Халхин-Гол : историографический аспект / Р.Ф. Субханкулов // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. - 2011. - № 1. - С. 32-39.

86. Севостьянов, Г.Н. Дипломатическая история войны на Тихом океане : от Пирл-Харбора до Каира / Г.Н. Севостьянов. – М.: Наука, 1969. - 648 с.

87. Савелли, Д. Борис Пильняк как ключевая фигура советско-японских культурных отношений (1926-1937) / Д. Савелли ; Г. Косач // Вестн. Евразии. - 2002. - № 2. - С.18-45.

88. Сафронов, В.П. СССР, США и военная агрессия на дальнем востоке и Тихом океане, 1931-1945 гг. / В.П. Сафронов // РАН. Ин-т рос. истории. – М., 2001.

89. Сидоров, А.Ю. Внешняя политика Советской России на Дальнем Востоке (1917-1922) / А.Ю. Сидоров // Социальные и гуманитарные науки. История. - 1997. - 173 с. - С. 123-132.

90. Ткачева, Г.А. Обороноспособность дальневосточного региона в 1941-1945 гг. / Г.А. Ткачева // Россия и АТР. - 2004. - № 2. - С. 43-52.

91. Фунакава, Х. Инцидент с арестом сотрудников генерального консульства Японии во Владивостоке / Х. Фунакава // Ойкумена. - 2012. - № 1. - http://www.ojkum.ru/

92. Фудзимото, В. Дорога к признанию : установление японо-советских дипломатических отношений в 1925 году / В. Фудзимото // Родина. - 2005. - № 10. - С. 23-26.

93. Черепанов, К.В. Некоторые аспекты советской внешнеполитической деятельности на Дальнем Востоке в конце 1920-х - начале 1930-х гг. (по материалам Архива внешней политики Российской Федерации) / К.В. Черепанов // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность. - Омск, 2014. - № 1. - С. 98-107.

94. Шалкус, Г.А. Создание и деятельность японских концессий на северном Сахалине в 1925-1944 гг. / Г.А. Шалкус // Сибирский торгово-экономический журнал. - 2008. - № 7. - С. 1-5.

95. Шматов, В.Г. К вопросу о характере, видах и объемах советской помощи Китаю в период японской агрессии (1937-1942 гг.) / В.Г. Шматов // Известия Алтайского государственного университета. - 2014. - № 1 (том1). - С. 249-252.